

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (31)

2017

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Заместители ответственного редактора:

Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
М.А. Стеценко

Технический редактор:
И.В. Битюкова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 29.12.2017.

Выход в свет 31.01.2018.

Формат 60×84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 11,4.

Тираж 50 экз. Заказ 3-304-17.

Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ШКОЛА О ПРОБЛЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 50–60-Е ГГ. XIX В. С.В. Бочкарев.....	7
О НАЗРЕВШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Л.А. Буторин.....	11
ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕЁ РАЗГЛАШЕНИЕ О.А. Воробьева, И.Р. Шарафудинов	14
СИСТЕМНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Э.А. Джалилов.....	16
ТВОРЧЕСКИЙ ВКЛАД АВТОРА В СОЗДАНИЕ ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Е.А. Джалилова	20
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК КРИТЕРИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – ЕДИНИЧНЫХ ИЛИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В.К. Дуюнов	22
ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1950–1960-Х ГГ. О.Ю. Ельчанинова.....	26
МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ А.И. Иванников	29
СВОБОДА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И.А. Иванников	31
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ, ПРАВОВОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ А.А. Иванов	33
К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КРЕДИТНОГО МОШЕННИЧЕСТВА К.С. Логинов.....	35
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ А.С. Лукомская.....	39
О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «УБЕЖДЕНИЕ», «ПРИНУЖДЕНИЕ» И «ПОНУЖДЕНИЕ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ Н.А. Макарова	43
МИРОТВОРЧЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ З.Ш. Магчанова.....	45
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА А.М. Моисеев, С.Н. Шестов	49

ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Е.Н. Немова	53
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИИ А.В. Сидорова.....	57
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ В.П. Скоморохов	61
ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИЙ Е.И. Смирнова	66
КОНСТИТУЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ РЕГУЛЯТОР ВАЖНЕЙШИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ Я.В. Солостовская.....	69
ИСТОЧНИК И ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ М.Ю. Спирын.....	72
ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ НОТАРИУСОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ Н.Г. Тараканова, Ф.Ш. Ямбушев	75
ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ А.Н. Федорова	78
ОСОБЕННОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1917–1920 ГГ. В.И. Федосеев.....	81
ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕЛЕВОГО ОБУЧЕНИЯ: ЦЕЛЕВОЙ ПРИЕМ, ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ И ТРУДОУСТРОЙСТВО Н.А. Шевелева, Н.И. Дивеева, И.А. Васильев, А.В. Бабич.....	84
ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА Т.В. Шутемова	91
Наши авторы	93

CONTENT

FRENCH LIBERAL SCHOOL ON THE PROBLEM OF ADMINISTRATIVE DECENTRALIZATION IN FRANCE IN THE 50–60'S YEARS XIX CENTURY S.V. Bochkarev.....	7
URGENT IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF ADVERSARY PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS L.A. Butorin.....	11
THE CONCEPT OF STATE SECRETS AND LIABILITY FOR THE DISCLOSURE O.A. Vorobyova, I.R. Sharafutdinov.....	14
SYSTEM METHOD OF RESEARCH LEGAL LIABILITY IN THE SPHERE OF THE RIGHT OF INTELLECTUAL PROPERTY E.A. Dzhililov.....	16
AUTHOR CREATIVE INPUT IN THE CREATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS E.A. Dzhililova.....	20
CRIME AND ELEMENT OF CRIME AS THE CRITERIA AND PREREQUISITES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES AS A SINGLE OR PLURALITY V.K. Duyunov.....	22
PROBLEMS OF CONSTRUCTING CRIMINAL COMPOSITIONS AND DIFFERENTIATION OF LIABILITY IN CRIMINAL LEGISLATION OF THE 1950–1960S O.Yu. Elchaninova.....	26
MEASURES OF RESPONSIBILITY IN RUSSIAN CIVILIZATION A.I. Ivannikov.....	29
FREEDOM AND LEGAL RESPONSIBILITY I.A. Ivannikov.....	31
THE RELATIONSHIP BETWEEN ENVIRONMENTAL, LEGAL AND TECHNOLOGICAL CULTURES PRIRODOPOLZOVANIYA A.A. Ivanov.....	33
TO THE QUESTION OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CREDIT FRAUD K.S. Loginov.....	35
HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL STATUS OF VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA A.S. Lukomskaya.....	39
THE CORRELATION BETWEEN CATEGORIES “CONVICTION”, “COERCION”, “CONSCIENTIOUSNESS” IN A LEGAL SCIENCE N.A. Makarova.....	43
PEACEMAKING IN THE SYSTEM OF MECHANISMS THE MAINTENANCE OF INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS Z.Sh. Matchanova.....	45
THE PUBLIC SUBJECT OF LEGAL RESPONSIBILITY UNDER THE CONDITIONS OF THE UNRECOGNIZED STATE A.M. Moiseev, S.N. Shestov.....	49
ISSUES OF EXEMPTION FROM INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY E.N. Nemova.....	53
THE FORMATION OF THE CONCEPT OF OFFENCES IN RUSSIA A.V. Sidorova.....	57

LEGAL SUPPORT AND REALIZATION OF CULTURAL HUMAN RIGHTS AND THE CITIZEN IN RUSSIA V.P. Skomorokhov.....	61
THE RESTORATION OF CORPORATE CONTROL E.I. Smirnova.....	66
THE CONSTITUTION AS A PRIMARY REGULATOR OF THE MOST IMPORTANT PUBLIC RELATIONS Y.V. Solostovskaya.....	69
OFFENSE'S AND FUNCTIONAL CONTENT'S OF LEGAL LIABILITY SOURCE AND LEGAL FORM M.Yu. Spirin.....	72
THE EXERCISE OF PROSECUTE OF NOTARIES IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY N.G. Tarakanova, F.Sh. Yambushev.....	75
THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE METHODOLOGY OF HISTORICAL-LEGAL RESEARCH OF PROBLEMS OF OFFENSES AND LEGAL LIABILITY A.N. Fedorova.....	78
PARTICULARLY PENAL LAWMAKING THE SOVIET STATE IN 1917–1920 V.I. Fedoseev.....	81
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF HAVING A SPECIAL PURPOSE TRAINING: ADMISSION, TRAINING ORGANIZATION AND EMPLOYMENT N.A. Sheveleva, N.I. Diveeva, I.A. Vasiliev, A.V. Babich.....	84
ABOUT ON THE STUDY OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL T.V. Shutemova.....	91
Our authors	93

**ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ШКОЛА
О ПРОБЛЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
ВО ФРАНЦИИ В 50–60-Е ГГ. XIX В.**

© 2017

С.В. Бочкарев, кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права юридического факультета
*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург (Россия)*

Ключевые слова: децентрализация; централизация; административная реформа; свобода; либеральная школа; власть.

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать политико-правовые взгляды представителей французской либеральной школы на проблему административной децентрализации во Франции в 50–60-х гг. XIX в. В период Второй империи была создана иерархическая централизованная властная вертикаль. Как следствие, в 60-е гг. XIX в. во Франции развернулась борьба за децентрализацию. Основные постулаты административной реформы были сформулированы в «Нансийской программе». Либерально настроенные мыслители того времени, среди которых наиболее известными являлись Л.-А. Прево-Парадол (L.-A. Prévost-Paradol), Э. Лабулэ (É. Laboulaye) и Ж. Симон (J. Simon), присоединились к требованиям изложенным в «Нансийской программе». В своих работах они уделяли значительное внимание необходимости проведения административных реформ во Франции, которые, с одной стороны, позволять ограничить полномочия центральной власти, а с другой стороны, предоставит больше инициативы и свободы местным властям. В статье рассматриваются как общетеоретические взгляды представителей либеральной школы на соотношение понятий централизация и децентрализация, власть и свобода, так и конкретные предложения по реформированию административно-территориального устройства Франции, которые должны обеспечить значительные изменения в местном управлении. Главным принципом и, одновременно, первым условием реформирования административной системы, по мнению Л.-А. Прево-Парадоля и Ж. Симона, было проведение свободных выборов должностных лиц, а муниципальные свободы, должны основываться на двух основаниях (как и, в целом, свобода): инициативе и ответственности. В статье отмечается, что некоторые идеи, предложенные французскими либералами, были впоследствии реализованы в первые десятилетия существования Третьей республики.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика вопросов централизации и децентрализации в историко-правовом дискурсе привлекает внимание не только в Российской Федерации, но и во Франции. В настоящее время Франция является децентрализованной республикой. По определению Ж. Веделя, децентрализация предполагает передачу «прав на принятие решений не просто представителям центральной власти, а органам, которые не находятся в иерархическом подчинении центральным органам власти и которые зачастую избираются заинтересованными гражданами» [1, с. 392].

Имеющая богатую конституционную история Франция, прошла различные периоды в построении административно-территориальной организации власти. К середине XIX в., в период существования Второй империи, в стране создается «централизованная, иерархически организованная система органов управления государством, где Луи-Наполеон и его приближенные контролировали всю администрацию, в том числе и местную, благодаря подчиненным им префектам, супрефектам и мэрам» [2, с. 83]. В 60-е гг. XIX в. во Франции развернулась борьба за децентрализацию.

Дискуссионным вопросом по данной проблематике в настоящее время как в отечественной правовой литературе, так и во французской, посвящено немного внимания. В основном, рассматриваются общие или, напротив, узкоспециальные вопросы административно-территориального устройства в различных аспектах [3, с. 101–103]. Среди таких работ стоит назвать монографии и статьи И.А. Андреевой [4], А.А. Дорской [5, с. 15–24], Ж. Веделя [1], Ж.-П. Жакке [6], М. Морабито [7], М. Прело [8], М. Ферро [9] и др. Исключение составляют дореволюционные исследования З. Авалова [10], А.И. Васильчикова [11], А.Д. Градовского [12].

Для отечественной правовой науки представляется важным исследовать опыт Франции в построении децентрализованной республики, поэтому цель данной статьи состоит в анализе политико-правовых взглядов представителей французской либеральной школы на реформирование административной системы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Движение за проведение административных реформ во Франции включало разнообразные политические движения. В 1865 г. была опубликована «Нансийская программа» – проект административной децентрализации Франции. Данная программа получила широкую поддержку. Основной принцип проекта: «Граждане сделаны для чиновников, а не чиновники для граждан» [13, с. 61]. Среди разнообразных требований следует отметить «свободное установление бюджета» и учреждение в департаментах особой исполнительной комиссии, подчиненной местным советам, а не префектам [10, с. 235].

К «Нансийской программе» присоединились и наиболее видные представители французской либеральной школы 50–60-х гг. XIX в. Л.-А. Прево-Парадол, Э. Лабулэ и Ж. Симон, делающие в своих работах акцент на необходимости проведения административных реформ во Франции, которые позволяют ограничить полномочия центральной власти, предоставят больше инициативы и свободы местным властям [14, с. 317].

Общим местом у всех представителей либеральной школы было рассмотрение данной проблематики через призму свободы. Ж. Симон децентрализацию считал синонимичным понятием со свободой, подчеркивая, что доля власти находится в прямой зависимости от доли свободы в обществе [15, с. 222]. При проведении административной реформы власть необходимо «разоружить», при этом ее не ослабляя.

Э. Лабулэ, классифицируя свободы, относил муниципальные свободы к категории, которые существуют от рождения, которым причислял также социальные, индивидуальные, муниципальные свободы и т. д. Вторая группа – это свободы, которые обеспечивают гарантию первых. Прежде всего, это политические свободы [16, с. 11]. В своей книге «Либеральной партии, ее программа и ее будущее» Э. Лабулэ приводит краткий обзор регулирования местного управления во Франции, начиная со средних веков, и приходит к выводу, что и королевская власть и революция уничтожали административную независимость [16, с. 106]. Э. Лабулэ отмечал, что «цен-

трализация (во Франции – С.Б.) постоянно росла, даже в то время, когда издавались эдикты о децентрализации» [17, с. 105]. Как следствие, и в 1860-е гг. государственная система является непримиримой к муниципальной свободе [16, с. 96], которая должна основываться на двух принципах (как и, в целом, свобода): инициативе и ответственности.

На это же обстоятельство обращал внимание Ж. Симон, считая, что административная централизация во Франции характерна как для «старого режима», так и для первой половины XIX в., начиная с правления Наполеона. Централизация была нарушена с 1789 по 1799 гг., в революционные годы, когда власть управляла согласно определенным законам. [15, с. 230]. Ж. Симон подчеркивал, что Конституанта «основала единство Франции, которое не надо путать с централизацией» [15, с. 229]. Начиная с 1789 г. создается иерархия органов власти, которые упорядочены и единообразны. Такая система оставляла очень мало возможностей для конфликта. Однако ситуация изменилась после 18 брюмера. Наполеон в период своего правления создает более искусственную централизованную систему, которая восприняла как опыт старого режима, так и революционного. [15, с. 231]. И эта централизованная система сохранялась во Франции до Третьей республики, что несло угрозу для государственного строя страны. Управление административным аппаратом осуществлялось из Парижа, что объясняет роль столицы во всех французских революциях. Ж. Симон рассматривал централизацию, как метод, «исключительно угнетающий метод, так как административная система применяется ко всему. Административная держит все в своих руках» [15, с. 225].

Л.-А. Прево-Парадолль в «Новой Франции» ограничившись указанием, что административная система в стране не в состоянии поддерживать свободное правительство [18, с. 79], предлагал, следуя «Нансийской программе» общие принципы для проведения административной реформы [18, с. 79].

Главным принципом, по мнению Л.-А. Прево-Парадоля, на основе которого должны строиться местные органы власти – свободные выборы. Он считал, что назначение кандидатов исполнительной властью не имеет под собой никаких оснований [18, с. 59]. Примером свободных выборов являются Англия и Америка, в которых выборы представляют подобие плебисцита, проводимого через регулярные промежутки времени. Соответственно, и на местном уровне префекты и супрефекты должны «непосредственно избираться, или, по крайней мере, выбираться в самих советах и по желанию самого совета, которые могут выбирать из двух или трех кандидатур по представлению высшей власти» [18, с. 79]. Генеральные советы в департаментах должны свободно формировать свой кабинет. В промежутках между сессиями генерального совета должна избираться постоянная комиссия, основной задачей которой будет исполнение резолюций [18, с. 81].

Одной из целей административной реформы – образование региональных советов. Л.-А. Прево-Парадолль считал, что «общность интересов может привести к периодическим встречам генеральных советов или делегатов генеральных советов, которые образуют региональный совет, для обсуждения путей и средств, необходимых для обеспечения и выполнения общей работы» [18, с. 82].

Подводя итог, Л.-А. Прево-Парадолль отмечал, что проведение этих реформ приведет к значительным изменениям в местном управлении и будет иметь большое практическое значение для общественной жизни.

Э. Лабулэ считал, что сама по себе децентрализация не обеспечит свободу, поскольку понятие «децентрализованная» – это лишь забирать у центральной власти некоторые полномочия и их возвращать индивиду и местным властям. Иное значение децентрализация приобретает

в административном смысле. В данном контексте она означает уменьшение числа формальностей и бумажной работы, и предоставление префекту оперативной и сильной власти. [16, с. 98–99]. Следовательно, муниципальную свободу может обеспечить только согласие граждан, выраженное посредством свободного избрания своих представителей. Особое внимание при реализации муниципальной свободы Э. Лабулэ уделял налогообложению: «Народ имеет бесценное право самому располагать своими деньгами; тот хозяин, у кого в руках кошелёк. Будь это генерал государь, имеющий в своем распоряжении армию, он все-таки зависит от того, от кого получает деньги; следовательно, народ остается постоянно хозяином общественной свободы, будучи хозяином налога» [17, с. 163].

Ж. Симон также первым условием реформирования административной считал проведение свободных выборов должностных лиц. Ограничение свободы выборов недопустимо, поскольку, в ином случае, большинство мест получают, как некую бесплатную милость, лояльные центральной власти люди. Второе условие – повышение ответственности чиновников, которые, по мнению Ж. Симона, должны быть подсудны обычным судам, что соответствует принципам 1789 г. Автор «Политической свободы» подробно разбирает состав и полномочия Государственного совета, который стоял на защите чиновников [15, с. 274]. Действительно, в период Второй империи Государственный совет, в числе прочего, рассматривал жалобы о незаконности действий государственных служащих и давал санкции на их уголовное преследование. Данная ответственность государственных служащих только перед Государственным советом, рассматривалась Ж. Сином, как безответственность. Примером для Франции должна служить Англия, в которой чиновники зависят «от публики, которая может их всегда обвинить перед судами» [15, с. 275].

Резюмируя, Ж. Симон делал вывод, что «административная во Франции делает почти все; она может делать все, что захочет; и если она будет управлять справедливо, мы должны быть признательны за ее умеренность, поскольку закон не предоставляет простым гражданам средств воздействия на нее» [15, с. 278].

Введение судебной ответственности государственных служащих, создание условий для проведения свободных местных выборов, а также закрепление свободы печати, все эти реформы могут быть осуществлены, даже если оставить администрации обширные полномочия [15, с. 279]. Ж. Симон подчеркивал, что децентрализация означает перераспределение полномочий от центральных властей местным. Он положительно оценивал новеллы Закона «О генеральных советах» от 18 июля 1866 г., который предоставил департаментским Генеральным советам большую свободу в определении местного бюджета и ограничил право правительства отменять постановления Генеральных советов.

Ж. Симон считал, что данный нормативный акт знаменует собой значительный шаг вперед в практике реформирования административной системы [15, с. 284–285]. Однако департаменты во Франции не получили полную свободу, опека, которая стала менее тяжелой, со стороны центральной власти сохранялась, поскольку «государство сохраняет свое господство посредством права вето и оно может осуществить его в течение двух месяцев на все решения генерального совета. Это отлагательное вето или абсолютное вето? Это – очевидно, абсолютное вето, так как оно может повторяться бесконечно» [15, с. 284].

Между тем, Ж. Симон считал, что департамент – это, некая мнимая сущность, поскольку деление Франции на восемьдесят департаментов было искусственным, и не основывалось ни на общности интересов, ни на социальной идентичности. [15, с. 286]. Подобная точка зрения

была весьма распространена во Франции. В частности, в начале XX в., М. Ориу писал: «Возьмем, прежде всего, французские департаменты: они созданы в 1790 крайне искусственным образом, так что в их округах оказалось сгруппированным населением, в то время совершенно не имевшее общих интересов» [19, с. 42]. По мнению, Ж. Симона, гораздо более значимой административной единицей является коммуна, поскольку именно у коммуны есть своя история, гордость, патриотизм. В отличие от департаментов, в коммунах складываются реальные взаимоотношения между людьми, основанные на общих интересах, которые они готовы защищать.

Отношения коммун с центральной властью Ж. Симон характеризовал, как зависимость. Он сравнивал их статус с положением несовершеннолетних, недееспособных или лишенных прав [15, с. 287]. Закон от 18 июля 1866 г. не предусматривал предоставления большей самостоятельности ни мэрам, ни муниципальным советам, а нормативные акты, принятые в 50–60-е гг. XIX в. обеспечивали лишь иллюзорность коммунальным выборам, что вело к нивелированию реальных властных полномочий у местных избранных [15, с. 293].

Коммуна является фактором развития свободы, общественной свободы («очаг которой около нас»), поскольку каждый человек каждодневно соприкасается с коммунальными учреждениями. Связь коммуны со свободой Ж. Симон обосновывает через экзистенциальность человека: «Люди нуждаются в том, чтобы чувствовать себя свободными; это – один из инстинктов, наиболее усиленных их природой» [15, с. 295]. Свобода синоним общественного порядка, а «лучшее средство заинтересовать людей порядком состоит в том, чтобы научить их делу» [15, с. 295]. В этом одно из предназначений коммуны, но не любой, а только сильной коммуны. В качестве примера Ж. Симон указывал, что только сильное учреждение коммун в Англии и в Бельгии было главной причиной спасения этих двух монархий, когда в 1848 г. другие пережили революции. Для укрепления коммун необходимо предоставить им больше самостоятельности, расширить их возможности, посредством предоставления больших полномочий коммунальным учреждениям. Только в этом случае граждане почувствуют свою значимость и осознают свои права» [15, с. 300].

Таким образом, коммуна, согласно Ж. Симону, является основой государства («крыша может быть унесена бурей, но основания живут» [15, с. 303]) и общественной свободы в социальном контексте. Одновременно с этим коммуна – это «средство», которое позволяет человеку понять и любить свободу и стать сильным.

Итак, представители французской либеральной школы при рассмотрении централизации и децентрализации, противопоставляли эти два понятия, как соотносимые с властью (централизация) и свободой (децентрализация). Поэтому акцент делался на политической составляющей административной децентрализации Франции.

Необходимо отметить, что определенные идеи, предложенные французскими либералами, были реализованы в первые десятилетия существования Третьей республики. В частности, Национальное собрание 10 августа 1871 г. приняло Органический департаментский закон, согласно которому были образованы департаментские комиссии. Они одновременно осуществляли исполнительные функции в департаментах и, в промежутках между сессиями генерального совета, контролировали деятельность префекта. Глава исполнительной власти при роспуске генерального совета обязан был отчитаться о своих действиях перед Национальным собранием [20, с. 44–45]. Во второй половине 70-х – первой половине 80-х гг. XIX в. местные органы власти, включая муниципальные, департаментские и окружные советы, получили право избирать своих глав.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проанализированы основные политико-правовые идеи представителей французской либеральной школы на проблему административной децентрализации во Франции. Показана необходимость проведения административной реформы, которая должна включать в себя, прежде всего, проведение свободных выборов местных органов власти, что позволит повысить ответственность должностных лиц.

Раскрыты понятия «централизация» и «децентрализация», через их трактовку французскими либеральными политико-правовыми мыслителями 50–60-х гг. XIX в. Централизация рассматривалась, как процесс сосредоточения властных полномочий у центральной власти. Децентрализация понималась, как делегирование функций местным властям, статус которых определен рамками государственных полномочий.

Показано, что идеи представителей французской либеральной школы нашли затем свое фактическое воплощение при осуществлении административных реформ во Франции в 70–80-е гг. XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведель Ж. Административное право Франции. М.: Прогресс, 1973. 512 с.
2. Волков А.К. История Конституции Второй империи во Франции и ее институтов (1852–1870 гг.). М.: Юрлитинформ, 2014. 192 с.
3. Игнатьева М.В. Значение антропологии права для разработки правовых реформ в России // Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. Герценовские чтения – 2014. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 101–103.
4. Андреева И.А. Судебная система Франции. М.: Юрлитинформ, 2013. 216 с.
5. Дорская А.А. Реализация вероисповедного законодательства в северо-западном крае Российской Империи (на примере деятельности М.Н. Муравьева) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 1. С. 15–24.
6. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М.: Юрист, 2002. 364 с.
7. Morabito M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012. 549 p.
8. Прело М. Конституционное право Франции. М.: Иностранная литература, 1957. 671 с.
9. Ферро М. История Франции. М.: Весь Мир, 2015. 832 с.
10. Авалов З. Децентрализация и самоуправление во Франции. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 347 с.
11. Васильчиков А.И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1. СПб.: Типография В.В. Прагц, 1872. 460 с.
12. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 498 с.
13. Rosanvallon P. Administration, politique et société // Réseaux. 1999. Vol. 8. № 316. P. 49–70.
14. Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Территория будущего, 2008. 536 с.
15. Simon J. La liberté politique. 4-e éd. Paris: Librairie Hachette et C, 1871. 383 p.
16. Laboulaye E. Le Parti libéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentier et C, 1871. 344 p.
17. Лабулэ Э. Французская администрация и законодательство. СПб.: Издание Н.И. Ламанского, 1870. 414 с.
18. Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. Paris: Michel Lévy frères, 1868. 423 p.

19. Ориу М. Основы публичного права. М.: ИНФРА-М, 2013. 574 с.
20. Laferrière M.E. Loi organique départementale du 10 août 1871 et lois spéciales relatives au département de la Seine et a l'Algerie. Paris: Cotillon & fils, 1872. 127 p.

**FRENCH LIBERAL SCHOOL ON THE PROBLEM OF ADMINISTRATIVE
DECENTRALIZATION IN FRANCE IN THE 50–60's YEARS XIX CENTURY**

© 2017

S.V. Bochkarev, PhD (Candidate of Law Sciences), Associate Professor of International law
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg (Russia)

Keywords: decentralization; centralization; administrative reform; freedom; liberal school; power.

Abstract: The article attempts to analyze the political and legal views of representatives of the French liberal school on the problem of administrative decentralization in France in the 50–60's. XIX century. During the Second Empire, a hierarchical centralized power vertical was created. As a consequence, in the 60-ies. XIX century. in France, the struggle for decentralization unfolded. The basic postulates of the administrative reform were formulated in the "Nansi program". Liberal-minded thinkers of the time, among which the most famous were L.-A. Prevost-Paradol, E. Laboulaye and J. Simon joined the requirements set forth in the Nansi Program. In their works, they paid considerable attention to the need for administrative reforms in France, which, on the one hand, would limit the powers of the central government, and on the other hand, give more initiative and freedom to local authorities. The article considers general theoretical views of representatives of the liberal school on the relationship between the concepts of centralization and decentralization, power and freedom, as well as specific proposals for reforming the administrative and territorial structure of France, which should provide significant changes in local governance. The main principle and, at the same time, the first condition for reforming the administrative system, according to L.-A. Prevost-Paradole and J. Simon, was the holding of free elections of officials, and municipal freedoms should be based on two grounds (like, in general, freedom): initiative and responsibility. The article notes that some of the ideas proposed by the French liberals were subsequently realized in the first decades of the Third Republic.

Л.А. Буторин, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет кооперации, Мытищи (Россия)

Ключевые слова: уголовный процесс; гражданский иск; Европейский Суд по правам человека; компенсация морального вреда.

Аннотация: Исследуются вопросы гражданского иска, защиты прав потерпевших, анализируются рекомендации Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации и научные и учебные публикации в уголовном процессе.

С момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на первом месте среди принципов уголовного судопроизводства защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6). Нисколько не умаляя роли других принципов, гарантирующих последовательное осуществление всех необходимых процедур и принятие решений для осуществления задач уголовного процесса, обратим внимание на реализацию именно этого пункта.

В ретроспективном контексте приходится отметить, что его воплощение послужило на первом этапе для постановки весьма важного, но крайне неудачного эксперимента. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ УПК РФ был дополнен весьма важной частью: «Бланки процессуальных документов». Как показал опыт применения данной части, воспринимаемые в качестве документов, имеющих юридическую силу закона, из-за преклонения перед формальными признаками этих документов страдала вся процедура осуществления следственной и судебной деятельности. Как отмечали практики-следователи того времени, из-за несоответствия в количестве строк постановления о продлении срока следствия и содержания под стражей с соответствующим атрибутом (пустыми строчками) бланка данный документ возвращался на доработку, ставил перед необходимостью решать вопрос об освобождении обвиняемых в тяжких преступлениях из-под стражи и в связи с этим создавал угрозу защите прав потерпевшего, его здоровья и даже жизни.

Из опыта с защитой прав потерпевших можно упомянуть и вопрос рассмотрения в уголовном деле искового производства. Весьма ценный институт тоже был отмечен в бланке № 53 «Постановление о признании потерпевшим» упомянутой части УПК. И, хотя, вопреки высказываниям, в нём, наряду с материальным или физическим вредом, говорилось о моральном ущербе для возможного восстановления нарушенного права или законных интересов гражданина или организации, однако словосочетание «гражданский истец» в бланк не попало, а в бланке постановления о признании граждански истцом (приложение 115) было указано о праве требовать возмещения имущественного вреда, а вопрос о возмещении морального вреда, содержащийся в ст. 44 УПК РФ, здесь не затрагивался [1].

Можно отметить, что определенную положительную роль формы бланков сыграли в период становления новых требований, в ряде случаев существенно отличавшихся от имевших место ранее. Особенно в том ракурсе уголовно-процессуальных отношений, который указывает на важнейшее для процессуальных решений, процессуальных протоколов – на форму документов, как необходимый атрибут уголовно-процессуальных доказательств.

Однако ещё более положительным был отказ от жестко узаконенной формы бланка, установленный Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ, поскольку, например, в части реализации права на возмещение морального ущерба появились более широкие возможности.

На наш взгляд, опыт в совершенствовании в регулировании уголовно-процессуальных отношений должен быть и более последовательным, и более продуманным не только с позиции коррупционных составляющих или финансовых затрат, но и как препятствие нарушениям системности отраслевого регулирования, сохранения базовых ценностей, особенно важных в уголовном процессе.

Полагаем уместным напомнить о поисках исследователями более эффективного, соответствующего требованиям времени и международному уровню регулирования отношений по вопросу о возмещении ущерба потерпевшим в этот период. Ряд положительных предложений исследователя международных контактов в уголовной и уголовно-процессуальной сфере А.Г. Волеводза [2, с. 16] нашли отражение в законодательстве. В исследованиях Л.М. Батычко [3, с. 9], О.А. Зайцева [4, с. 258–259], О.В. Голикова и Г.П. Лозовицкой [5, с. 16–18] по вопросам возмещения вреда, обращалось внимание на различные аспекты этого института: о возмещении морального вреда, материального ущерба в полном объеме и по его стоимости на момент исполнения судебного решения и т. п., например, предложения). Поднимался вопрос о возмещении не только прямого ущерба, но и упущенной выгоды [6, с. 40] и другие.

Однако реальное возмещение потерпевшим ущерба нуждается в более конкретном урегулировании. На проблемные вопросы по исполнению нашим государством исковых обязательств, в частности, указал Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Из двух его резонансных решений можно сделать вывод о неэффективном реагировании государства в сфере обеспечения прав или восстановлении справедливости потерпевших (их представителей) от преступных посягательств.

Равные возможности для защиты своих прав у потерпевших и обвиняемых это вопрос, в котором Россия сегодня оказалась на ненадлежащей высоте. Потерпевшие, получившие ранения при применении на поражение табельного оружия майором милиции Евсюковым, не получили от Российской Федерации никакой компенсации за причиненный преступлением ущерб здоровью и расходов на лечение. ЕСПЧ рассмотрел обращения трёх россиян, пострадавших в инциденте и указал России на невыполнение «своего обязательства в соответствии со статьей 2 Конвенции по принятию надлежащих мер для защиты жизни людей, находящихся под его юрисдикцией, не обеспечив тщательный отбор и контроль представителей государства, которым разрешено носить огнестрельное оружие». Для восстановления справедливости назначил к выплате Российской Федерации в их пользу соответствующую компенсацию. Данное решение ЕСПЧ как прецедент необходимо учитывать в целях более полной защиты прав потерпевшего не только в подобного рода случаях, но и тогда, когда причинённый преступлением ущерб взыскать не с кого в силу того, что следственные органы или оперативные аппараты не смогли обнаружить виновное лицо и привлечь его к ответственности за содеянное [7].

Этот упрек, адресованный нашему государству и государственным органам, стоящим на защите прав и законных интересов граждан (включая судебную власть, следственные и другие правоохранительные органы), представляется справедливым. Действительно, поскольку в российском уголовном процессе предусмотрены меры по защите прав и законных интересов участников судопроизводства, включая потерпевших, следствие и суд обязаны безоговорочно обеспечивать их исполнение.

Иная ситуация имела место по событиям в г. Беслане Северной Осетии «которое касается разрешения представителями государства кризиса в ходе крупномасштабного захвата заложников с применением оружия на поражение при проведении контртеррористической операции и уничтожении террористов». Понятно, что государство от самого теракта понесло серьезный ущерб, тем не менее, предприняло ряд мер для компенсации вреда пострадавшим людям или родственникам жертв, а в настоящее время обязано существенно усилить эти выплаты. Безусловно, для государства это тяжелая обязанность, отчасти ставшая следствием политически ангажированного подхода в решении вопросов межгосударственного уровня. Россия стремится к сотрудничеству с Европейским судом по правам человека, но в этом конкретном случае Министерство юстиции РФ просило рассмотреть дело о компенсации морального вреда пострадавшим или семьям лиц, погибших при теракте, в коллегии Большой палаты с учётом исключительной сложности и деликатности затронутых вопросов.

Как сообщили РИА Новости 13 апреля 2017 г. ЕСПЧ призвал Россию выплатить истцам по делу о теракте в Беслане почти три миллиона евро, в том числе 2 миллиона 955 тысяч евро в качестве возмещения нематериального ущерба. Соответствующее решение принято (о выплате компенсации) и пересматриваться не будет [8].

Необходимо отметить, что Верховный Суд Российской Федерации в качестве меры, обеспечивающей более внимательное отношение к исковым требованиям при отправлении уголовного правосудия, выразил свое отношение по урегулированию данного вопроса в разделе «Вопросы гражданского иска» Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре». Одно из его предписаний сформулировано следующим образом: «В частности Судам необходимо иметь в виду, что лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая, в соответствии с законом, осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При разрешении подобного рода исков следует руководствоваться положениями статей 151, 1099, 1100, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие... обстоятельства дела, влияющие на решение суда по... иску... При определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости» [9].

Указание высшей судебной инстанции России на особое положение иска в уголовном судопроизводстве явилось ответом на вызовы европейской юридической общности, выраженные в решениях ЕСПЧ, а также попыткой возмещения судебной власти своим воздействием смягчить отставание от этих требований действующего российского уголовно-процессуального законодательства. Можно отметить и то, что возмещение физического вреда здесь трансформируется в возмещение морального вреда. О необходимости такого преобразования ранее высказывался А.П. Рыжаков [10, с. 106].

В качестве комментария к этому положению полагаем целесообразным отметить, что Пленум акцентирует внимание на потерпевшем и не упоминает других участников уголовного судопроизводства заинтересованных в разрешении исковых требований со стороны обвинения, представителя потерпевшего, гражданского истца и его представителя, из чего на практике вновь могут возникнуть не четкие оценки их прав и ролевого участия.

Представляется, что это мера вынужденная, обусловленная недостаточно четким урегулированием вопроса о гражданском иске в уголовном судопроизводстве. Исследователи обращали внимание на то, что в уголовно-процессуальном законе должны быть четкие формулировки об иске, правах и обязанностях должностных лиц, оформляемых ими процессуальных документах и принимаемых решениях.

Особо выглядит не решаемым, в уголовном процессе, вопрос возмещения ущерба в результате преступлений, которые совершены не установленными следствием лицами или лицами, которые скрылись от следствия или суда, включая и те случаи, когда привлекавшиеся к ответственности лица были оправданы судом. Отсрочка на неопределенное время судебных слушаний и postponement соответствующего приговора лишает пострадавших (потерпевших или физических и юридических лиц, понесших ущерб) от преступления надежд на возмещение утраченного имущества и тем более морального ущерба.

Поскольку неэффективными оказались действия правоохранительных органов, как показывает практика Европейского Суда по правам человека, бремя возмещения ущерба, причиненного преступлением, включая моральный вред, ложится на государство. Об этом, в частности, пишут А.Г. Дык и Н.Е. Муллахметова, поддерживая заслуживающее внимания предложение о создании в государстве соответствующего фонда возмещения вреда [11, с. 36–47].

В связи с рассматриваемыми вопросами целесообразно обратить внимание еще на одно обстоятельство. А.И. Ибрагимов представила теоретическое обоснование, характеризующее иск в уголовном судопроизводстве как институт публичного, а не частного права [12, с. 208–213]. На первый взгляд эта позиция выглядит привлекательно.

Действительно, наличие правового института искового производства в уголовном процессе меняет ряд действий и отношений по рассмотрению иска. На этом основывается также вывод, сформулированный, в частности, С.А. Шейфером, о том, что процедура рассмотрения иска в уголовном судопроизводстве имеет смешанный характер [13, с. 303].

Однако, на наш взгляд, необходимо рассматривать роль иска в двух совершенно разнящихся ситуациях в зависимости от итогового решения по уголовному делу. Во-первых, в ходе подготовительного этапа имеются существенные отличия в процедуре формирования исковых отношений. Но судебное рассмотрение иска следует судебному обвинительному приговору по принципу преюдиции. В целом подход к принятию, обсуждению, оценке и разрешению иска судом принципиально системы не меняет. Соответствующий отсыл к гражданскому законодательству при рассмотрении иска всё-таки сохраняет институт в рамках частного права.

Во-вторых, оправдательный приговор может повлечь либо отказ в удовлетворении иска, либо оставление иска без рассмотрения, что конкретно отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре».

Можно согласиться с тем, что правовой институт иска о возмещении вреда имеет свою специфику в силу особенностей действующих процедур, если его адресуют либо к государству Российской Федерации (например, в рамках ЕСПЧ), либо при возмещении ущерба в связи

с реабилитацией незаконно привлеченного к уголовной ответственности или осужденного. При этом за деяния (дисциплинарный проступок или преступление) должностных лиц вновь становится ответственным государство. Однако природа искомых отношений – прерогатива частного права, а особенности их реализации не влекут преобразования иска в институт публичного права.

Можно сделать вывод, что законодатель не счел возможным отдельно в уголовно-процессуальном законе обозначать институт гражданского иска именно из-за его гражданско-правового статуса. Однако в настоящее время проявляется настоятельная необходимость в более тщательном законодательном регулировании спорных или не нашедших отражения вопросах гражданского иска в уголовном процессе, создания других эффективных средств для возмещения морального ущерба, причиненного преступлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ УПК РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27-1. Ст. 2706.
2. Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 462 с.
3. Батычко Л.М. Проблемы исковой формы защиты интересов в уголовном судопроизводстве: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 24 с.
4. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2001. 512 с.
5. Голиков О.В., Лозовицкая Г.П. Проблемы возмещения вреда потерпевшему в уголовном процессе // Российский следователь. 2000. № 5. С. 16–18.
6. Нор В.Т. Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве. Киев: Высшая школа, 1989. 273 с.
7. ЕСПЧ обязал РФ выплатить компенсации пострадавшим от нападения Евсюкова // Интерфакс 1 декабря 2016 г. URL: interfax.ru/word/539446.
8. ЕСПЧ обязал Россию выплатить матерям Беслана почти три миллиона евро // РИА Новости. URL: ria.ru/world/20170413/1492147963.html.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. № 7145 (277).
10. Рыжаков А.П. Ответственность гражданского ответчика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 105–109.
11. Дык А.Г., Муллахметова Н.Е. Гражданский иск в уголовном деле как один из способов возмещения вреда, причиненного преступлением. М.: Юрлитинформ, 2013. 266 с.
12. Ибрагимов А.И. Особенности процесса возмещения вреда, причиненного преступлением // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 208–213.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2012. 688 с.

URGENT IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF ADVERSARY PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS

© 2017

L.A. Butorin, candidate of legal Sciences, associate Professor
Russian University of Cooperation, Mytishchi (Russia)

Keywords: criminal proceedings; civil proceedings; the European Court of human rights; compensation for moral damage.

Abstract: Examines the issues of civil action, protect victims' rights, analyses the recommendations of the European Court of human rights and the Supreme Court of the Russian Federation and scientific and educational publications in the criminal process.

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
И.Р. Шарафутдинов, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юриспруденция; право; государственная тайна; административная ответственность; уголовная ответственность.

Аннотация: Актуальность работы заключается в том, что, как известно все недоступное и тайное всегда является предметом повышенного интереса общественности. Даже иллюзия секретности вызывает большое количество обсуждений и версий у обычных граждан, а если речь идет о секретности на уровне подразделения, организации, агентства, ведомства или даже государства, то уже возникает интерес государственного соперничества. Важную позицию возглавляет институт государственной тайны, в правоотношениях, возникающих при обороте такой информации. Главным и необходимым является такое направление деятельности органов государственной власти, как сохранение безопасности Российской Федерации, что напрямую связано с информацией, а точнее с государственной и служебной тайной, охрана и защита которой осуществляется по средствам уголовно-правовых норм. Именно предание огласке государственной тайны представляет опасную потенциальную угрозу безопасности государства и может стать мотивом для нарушения суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности и обороноспособности. Целью работы является анализ ответственности за нарушение государственной тайны по административному и уголовному законодательству. В работе рассмотрены составы преступлений за противоправные деяния в отношении сведений, составляющих государственную тайну. Также в работе рассмотрена ответственность за нарушение государственной тайны по административному законодательству.

Определение государственной тайны закрепляется в Законе Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [1].

Под государственной тайной понимаются сведения, которые защищаются государством в сфере военной, экономической, разведывательной, внешнеполитической, контрразведывательной, а также оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести урон безопасности Российской Федерации [2].

Перечень сведений, относящихся к государственной тайне, составляет совокупность категорий сведений, в соответствии с которыми сведения относятся к государственной тайне и засекречиваются на основаниях и в порядке, определенных федеральным законодательством. Данный перечень установлен ст. 5 Закона № 5485-1, а также Указом Президента РФ от 30.11.1995 № 1203.

Обоюдная передача сведений, которые составляют государственную тайну, реализуется органами государственной власти, предприятиями, учреждениями и организациями, не состоящими в отношениях подчиненности и не исполняющими совместные работы, с органами государственной власти, в распоряжении которого находятся такие сведения.

Органы государственной власти, предприятия, учреждения и организации, запрашивающие сведения, которые составляют государственную тайну, должны создать условия, для обеспечения защиты этих сведений, а на их руководителей налагается персональная ответственность за нарушение установленных ограничений по ознакомлению со сведениями, составляющими данную тайну. Государственная тайна – одна из наиболее охраняемых государством, за ее разглашение лицо может быть привлечено к уголовной ответственности [3].

Информация, которая получена гражданами (физическими лицами) при исполнении ими трудовых обязанностей либо организациями при осуществлении определенных видов деятельности (профессиональная тайна), подлежит защите только в тех случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации. Информация, которая относится к профессиональной тайне, может быть предоставлена третьим лицам только в соответствии с федеральными законами и (либо) по решению суда (ст. 9 ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [4].

В случае передачи работником любых сведений, являющихся тайной, третьим лицам он привлекается к ответственности. Трудовым кодексом предусмотрены два вида ответственности за разглашение охраняемой законом тайны – материальная и дисциплинарная. При этом не важно, какая тайна разглашена – государственная, коммерческая, служебная или иная. За разглашение любой из них работодатель может привлечь работника к дисциплинарной ответственности, или к материальной, или к той и другой одновременно.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 243 ТК РФ работник, который разгласил сведения, составляющие коммерческую, государственную, служебную, либо другую тайну, в случаях, которые предусмотрены федеральными законами, несет материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба [5].

Перейдем к вопросу об ответственности за нарушение государственной тайны. Сначала мы рассмотрим административную ответственность, а затем уголовную ответственность за нарушение государственной тайны.

В соответствии с п. 2 ст. 7.31. КоАП РФ [6] административная ответственность наступает в случаях нарушения порядка ведения реестра контрактов, которые содержат сведения, относящиеся к государственной тайне.

В соответствии со ст. 14.49 КоАП РФ к ответственности также привлекают за нарушение изготовителем либо поставщиком обязательных требований в отношении оборонной продукции, которая поставляется по государственному оборонному заказу, в том числе и продукции, которая используется в целях защиты сведений, составляющих государственную тайну.

В соответствии с п. 7 ст. 13.15 КоАП РФ административная ответственность наступает за разглашение сведений, которые составляют государственную тайну с использованием СМИ, а также информационно-телекоммуникационных сетей.

Пункт 2 ст. 13.13 КоАП РФ говорит об административной ответственности за осуществление деятельности без лицензии. А именно занятие видами деятельности, которая связана с использованием, а также защитой информации, относящейся к государственной тайне, в том числе и созданием средств, которые предназначены для защиты такой информации, проведением мероприятий и (либо) оказанием услуг по защите информации, относящейся к государственной тайне.

В соответствии с п. 7 ст. 13.12 КоАП РФ предусматривается административная ответственность за нарушение требований о защите информации, которая составляет государственную тайну.

Административная ответственность также, в соответствии с п. 4 ст. 13.12 КоАП РФ, наступает за использование несертифицированных средств, предназначенных для защиты информации, которая составляет государственную тайну.

В соответствии с п. 3 ст. 13.12 КоАП РФ административная ответственность наступает за нарушение условий, предусмотренных лицензией на проведение работ, которые связаны с использованием, а также защитой информации, составляющей государственную тайну. В том числе и созданием средств, предназначенных для защиты информации, которая относится к государственной тайне, и осуществлением мероприятий и (либо) оказанием услуг по защите информации, относящейся к государственной тайне.

Помимо административной ответственности за нарушение государственной тайны законодательством предусмотрена и ответственность по уголовному законодательству.

В соответствии с уголовным законодательством (ст. 275 УК РФ) [7] к уголовной ответственности привлекаются за государственную измену, а именно за шпионаж, выдачу иностранному государству, иностранной организации или их представителям, международной организации сведений, составляющих государственную тайну.

К ответственности по уголовному законодательству могут быть привлечены за собирание, передачу, хранение или похищение сведений, составляющих государственную тайну для передачи иностранному государству (ст. 276 УК РФ).

За разглашение сведений, составляющих государственную тайну, также предусмотрена ответственность в соответствии с уголовным законодательством (ст. 283 УК РФ).

Так, в соответствии со ст. 283.1. УК РФ в случае получения сведений, составляющих государственную тайну незаконно, лицо подлежит уголовной ответственности. Для получения таких сведений может использоваться обман, шантаж, принуждение и т. д.

За утрату документов, которые содержат сведения, составляющие государственную тайну, предусмотрена ответственность в соответствии со ст. 284 УК РФ. А именно, если лицо, имеющее допуск к государственной тайне, нарушило правила обращения с документами, содержащими государственную тайну. Причем не только с документами, но и с предметами, сведения о которых составляют государственную тайну, и если все это привело к их утрате и наступлении тяжких последствий по неосторожности.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что за разглашение государственной тайны может быть применена дисциплинарная, материальная, административная либо уголовная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 41. Ст. 4673.
2. Соколов М.С. Некоторые вопросы противодействия угрозам разглашению государственной тайны // Военное право. 2013. № 4. С. 24–40.
3. Куревина Л.В. Увольнение за разглашение тайны: основания и порядок // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2013. № 10. С. 9–18.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. 2006. № 165.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: ред. от 03.07.2016: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 // Российская газета. 2001. № 256.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 28.12.2016: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 // Российская газета. 2001. № 256.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 19.12.2016 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

THE CONCEPT OF STATE SECRETS AND LIABILITY FOR THE DISCLOSURE

© 2017

O.A. Vorobyova, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of “Business and labour law”

I.R. Sharafutdinov, graduate
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: law; right; state secrets; administrative liability; criminal liability.

Abstract: The relevance of the work lies in the fact that, as we know all secret and unavailable is always the subject of increased interest of the public. Even the illusion of secrecy raises a lot of discussions and versions of the ordinary citizens, but if we are talking about secrecy at the level of departments, organizations, agencies, departments, or even state, it is the interest of the state rivalry. The important position of head of the Institute of state secrets in legal relations arising from the circulation of such information. The main and necessary is such activity of the state authorities, as the preservation of the security of the Russian Federation, which is directly related to the information, but rather with the state and office secret, the protection of which is carried out by means of criminal law. It is the betrayal of the state secrets that constitutes a dangerous potential threat to the security of the state and may become a motive for the violation of sovereignty, territorial integrity, inviolability and defense. The aim of this work is the analysis of liability for violation of state secrets in the administrative and criminal legislation. The paper considers the offences for wrongful acts in relation to information constituting a state secret. Also discussed are liabilities for violation of state secrets in the administrative legislation.

Э.А. Джалилов, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: правонарушение; юридическая ответственность; интеллектуальная собственность; системный метод, методология.

Аннотация: Рассматривается системный метод исследования юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности. Автором выделяются особенности исследования правонарушений в сфере исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также связь исторического подхода к пониманию проблем, возникающих в связи с динамическим изменением нормативно-правовых актов, а также появлением новых правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Юридическая ответственность – важнейший институт правовой системы, один из главных признаков права, необходимый элемент механизма его действия. В силу этого, связанные с ней проблемы занимают центральное место в общей теории права и в отраслевых юридических науках.

Между тем, в отечественной правовой науке нет законодательного определения юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности. В общей теории правовой ответственности имеют место терминологическая перенасыщенность, и отсутствие должной чёткости. Каждый автор дает свое определение, подчеркивая те стороны, которые считает приоритетными. Специалистами сформулировано несколько вариантов понятия юридической ответственности, что свидетельствует о многоаспектности и многоплановости указанной правовой категории.

Методологический ориентир, направленный на поиск оптимального варианта системного подхода к определению места юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности позволяет выявить методологические недочеты, абстрагирующие исследователей системы юридической ответственности от наиболее эффективного концептуального решения, разработанного в пределах общей теории систем. Определение системного подхода к изучению юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности позволит сформулировать базовое понятие, которое можно применять при исследовании института юридической ответственности в целом.

Историзм как принцип познания вещей и явлений в их динамике и становлении, предполагает фиксацию любых изменений специфических свойств и связи вещей, определяющих их сущность. По мнению П.В. Копина историзм является одним из важнейших принципов науки, позволивших ей дать объективную картину природы и открыть закономерности ее развития [1]. Принцип историзма дает возможность проследить становление системного подхода.

Зачатки системных идей мы можем найти в древнейших цивилизациях, стремящихся к упорядочению жизни. Некоторые ученые связывают развитие системности с появлением мифологии, считая, что общество тем самым стремилось перейти от хаотичного существования к соразмерному и гармоничному развитию. Системное мировоззрение присутствовало и в философии Древнего Китая, которая упорядочивала общественную жизнь и рационально объясняла устройство государственного и общественного строя. Согласно этой философии, человек должен всегда помнить о законах мироздания, не вправе их менять, он может лишь влиться в существующее течение жизни [2].

Корни системного подхода наблюдаются и в античной философии, которая пыталась систематизировать не толь-

ко иерархию богов и их родословную, но и историю происхождения мира и человека [3]. В системном мировоззрении Аристотеля важное место отводилось представлениям о форме и материи. Вся природа рассматривается им в виде последовательных переходов от материи к форме, где материя является пассивным началом, в то время как к форме сводится начало движения и цель. Системные методы Аристотеля о взаимодействии формы и материи использовали в своих учениях стоики. Наряду с системными взглядами на мироздание античные ученые пытались систематизировать знания. При этом, ведущим фактором при этом выступала цель – установление истины, объективного знания о сущем и вещах природы [4].

В указанные периоды, как отмечает В.С. Нерсисянц, начинаются поиски принципов, форм и конструкций для установления надлежащих взаимосвязей и согласованного взаимодействия права и власти [5]. В частности, разрабатывались такие аспекты, как справедливость устройства полиса, его власти и законов, разумное распределение полномочий между различными органами государства, значение законности как критерия классификации. Р.Р. Хастнудтинов пишет, что в названный период также была сформирована первая система права. Наиболее развитой системой рабовладельческого права автор называет систему римского права, закреплявшую деление права на частное и публичное [6].

В Средневековье системные взгляды античности на мироздание развивались только в части усиления идеалистических элементов и искоренения материалистических составляющих. Развитие системности продолжилось в эпоху Нового времени, где соответствующая организация научного знания получила глубокую и основательную разработку в немецкой классической философии, с утверждением которой осуществлялся переход от онтологического подхода к изучению сложных объектов к гносеологическому подходу.

Э.Г. Юдин считает, что наиболее последовательное выражение эта линия получила в системах И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля, поскольку Фихте впервые возвел на уровень субстанции деятельность, а Гегель, пытаясь реализовать объективно-логический подход к деятельности, сформулировал тезис о субстанции-субъекте, посредством которого он выражал идеи тождества мышления и бытия, совпадения логики, гносеологии и онтологии [7].

Анализируя системность науки на основе обобщенного рассмотрения систем, И.Г. Ламберт подчеркивал, что «всякая наука, как и ее часть, предстает как система, поскольку система есть совокупность идей и принципов, которая может трактоваться как целое» [8]. И. Кант под «системой» понимает единство многообразных знаний, связанных общей идеей. По мнению Э.Г. Юдина этот аспект понятия «системы» стал одним из наиболее глубоких выражений развитого самосознания науки и оказал значительное влияние на последующее развитие

методологии. В.Н. Спицнадель говорит, что понимание Кантом системности знания довольно ограничено, поскольку конструктивно-методологические принципы образования научных систем являются у него характеристиками формы, а не содержания знания. Эта линия прослеживается в системном исследовании И.Г. Фихте, который называл научно разработанную теоретическую систему «наукой о науке». И.Г. Фихте признавал системность научного знания, но сводил ее к системности формы, а не содержания. Г.В.Ф. Гегель понимал системность как свойство движущейся идеи [9].

Ю.П. Сурмин считает, что, благодаря К. Марксу, система стала полноценным явлением человеческого мышления. Ф. Энгельс также сформулировал важнейшие положения системного мировоззрения, например, представление об объективном мире как бесконечно большой, неоднородной и саморазвивающейся системе, обоснование идеи организации общества и природы, рассмотрение взаимодействия между элементами.

Исследование теории системного подхода в российской науке связано с именем П.К. Анохина, который в качестве основы функционирования любой системы определил полезный результат взаимодействия её элементов [10].

Системный метод исследования является составным элементом механизма теории познания и ориентирует на раскрытие целостности объекта и выявление многообразных типов связи в нем [11].

В.М. Сырых отмечает, что вследствие полиструктурности права можно говорить о четырех уровнях системно-структурного анализа: норм права, системных образованиях, включающих нормы права, систем, включающих такие системные образования и права в целом. Автор подчеркивает, что системный метод должен применяться в качестве самостоятельного при исследовании структурных элементов предмета познания, при этом он не должен дублировать другие методы [12].

Четырехуровневая конструкция приемлема для исследования правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, поскольку позволяет анализировать их по отраслевой принадлежности, видам юридической ответственности и условиям для их совершения.

В юридической науке оптимальные результаты достигаются при детальном исследовании не только текста нормативно-правовых актов, но и их доктринального толкования, а также правоприменительной практики. Системный метод исследования юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности тесно связан с историческим подходом к пониманию проблем, возникающих в связи с динамическим изменением нормативно-правовых актов, а также появлением новых правоотношений в сфере интеллектуальной собственности. В.Г. Афанасьев констатирует, что системный подход, взятый вне исторического аспекта, становится простой фотографией объекта в его статике, что означает отрицание закономерностей [13].

В настоящее время в российской правовой науке накоплен определенный объем знаний о системе юридической ответственности. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский представили юридическую ответственность в качестве системного, многофункционального института, представляющего собой часть системы российского права. Под элементами системы юридической ответственности авторы понимают отдельные виды юридической ответственности. Первичным элементом данной системы является конкретная правовая норма, предусматривающая санкцию за нарушение установленных в ней предписаний.

В указанной системе данные авторы различают четыре уровня: юридическая ответственность в целом, ответственность на уровне отрасли права, ответственность на уровне института права и ответственность на уровне нормы права. Каждый вид юридической ответственно-

сти выступает в качестве самостоятельной системы на уровне отрасли права. Ее компонентами являются подвиды юридической ответственности на уровне институтов права.

Таким образом, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский под системой юридической ответственности понимают совокупность и взаимодействие норм и институтов права, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, и применение которых при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок. В качестве системообразующих факторов выделены предмет и метод правового регулирования, а также единые принципы и функции юридической ответственности [14].

Системный подход к исследованию юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности направлен на то, чтобы каждый ее элемент рассматривать не как самостоятельный, а как неотъемлемую часть всей структуры системы юридической ответственности, направленную на регулирование интеллектуальных прав.

Системный метод используется законодателем при подготовке текстов законов. В частности, кодификация в 2007 г. значительного количества отдельных нормативных актов в единое системное образование ч. IV ГК РФ позволила выстроить логичную структурную форму правовых норм, направленных на регулирование правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Юридическая ответственность в сфере интеллектуальной собственности представляется в виде процесса, возникающего при появлении и взаимодействии всех его образующих структурных элементов, результатом которого является признание лица виновным в нарушении интеллектуальных прав и заслуживающим конкретного наказания.

Данный правовой процесс характеризуется такими элементами, как установление самого события правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, выявление характера и степени вины лиц, определение состава правонарушения, учёт основных доказательств и других материалов, определяющих виновность лица, а также определение характера и мер юридической ответственности за совершение данного правонарушения.

Юридическая ответственность в сфере интеллектуальной собственности является структурным элементом системы юридической ответственности в системе права и имеет все присущие общественным системам признаки. Это следует из наличия таких элементов системы юридической ответственности, как субъекты и объекты, содержание правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, включающее субъективные права и юридические обязанности. Исходя из этого, система юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности воспринимает и проявляет характерные исторические, социальные и правовые особенности общества, в котором она реализуется.

Вопросы юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности имеют специфику своего проявления, в том числе и в конфликтах, отличаясь от вопросов договорного права в других сферах гражданского права. Так, например, автор, не представивший в установленное договором авторского заказа время произведение, безусловно, нарушил права стороны заказчика и причинил ему материальный ущерб, а возможно и сопряжённый с моральным вредом. Однако до определённых пределов во времени наказание для исполнителя не последует. В этом случае законодатель учитывает не рутинный, а творческий характер работы автора, который не может иногда точно в указанный в договоре срок исполнить свои обязательства. В данной ситуации это форс-мажор, являющийся абсолютным и имеющий внутреннюю творческую причину, в основе которой сложное взаимодействие эмоционально-волевых настроений, качеств и творческих способностей автора.

Форс-мажор в сфере материальных объектов гражданского права (ст. 401 ГК РФ) учитывает другие обстоятельства невозможности выполнения договора, которыми признаются чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства. В сфере интеллектуальной собственности под форс-мажором можно понимать творческую неудачу автора, которая является основанием освобождения его от юридической ответственности.

Специфика проблемы юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности заключается и в характере споров, и в видах рисков, связанных с интеллектуальной собственностью.

Е.В. Шестакова включает в категорию субъектов – правообладателей регистрирующие органы, конкурентов правообладателей и налоговые органы. Автор анализирует виды рисков, подразделяя их на девять групп, которые затем сводит в три укрупнённые группы: правовые, экономические и организационные. Для системного исследования юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности имеет значение группа правовых инновационных рисков, наличие и причины которых Е.В. Шестакова прослеживает на всех стадиях проекта создания продукта интеллектуальной собственности, в том числе на стадиях научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских работ и стадии подготовки производства [15].

Приведённые примеры дополнительно убеждают в том, что для законного и справедливого применения юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности необходимо очень тщательное, скрупулёзное отношение к деталям каждого рассматриваемого дела.

Применяя метод системного подхода к исследованию юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности, следует помнить о том, что основное достоинство системного подхода заключается в максимально возможном учёте всех аспектов проблемы в их взаимосвязи и целостности, выделении главного и существенного, определении характера и направленности связей между структурными составляющими проблемы.

Системный анализ юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности должен обеспечить возможность рассмотрения правовых альтернатив, которые возникают в аргументации сторон спора или в аргументах истца и ответчика при совершении правонарушения с целью принятия обоснованного правового решения.

Е.П. Тавокин отмечает, что любой метод эффективно работает только в рамках той аксиоматики, для которой он разрабатывался. Процедура системного анализа юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности заключается в сравнительном сопоставлении последствий каждого из возможных альтернативных правовых решений на основе норм процессуального права с соблюдением требований, обосновывающих юридическую ответственность в конкретном случае, причин и условий, создавших ситуацию юридической ответственности в рассматриваемом юристами деле [16].

При этом следует помнить о двух аспектах юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности. Первый аспект заключается в определении соответствия юридических фактов основанию, причинам и условиям наступления юридической ответственности, содержащихся в законодательстве РФ.

Основанием юридической ответственности согласно российскому законодательству является совершение правонарушения. Многие отечественные и зарубежные авторы едины во мнении о том, что юридическая ответственность всегда связана с государственным принуждением, влечёт за собой государственно-правовое осуждение поведения лица, нарушившего закон, сопровождается наступлением отрицательных последствий

для правонарушителя в виде ограничений личного или имущественного порядка.

Юридическая ответственность всегда выступает в форме общественного отношения, которое устанавливается между государством в лице уполномоченных на то органов и правонарушителем. Государство при этом является управомоченной стороной, а правонарушитель – обязанной [17].

Второй аспект, органически связанный с первым, заключается в познании сущностного смысла проявления специфики права интеллектуальной собственности в данном споре. При установлении необходимости привлечения к юридической ответственности требуется определять юридическую ответственность, исходя из ее принципов законности и справедливости, как в общеправовом отношении, так и в оценке обстоятельств, причин и условий в сфере права интеллектуальной собственности и создавших юридические факты, которые в свою очередь привели к наступлению юридической ответственности [18].

Действия субъектов правоотношений в праве интеллектуальной собственности достаточно строго регламентируются. При этом наиболее приемлемым для системного исследования представляется метод, принятый как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании – метод анализа и сравнения, а иногда и аналогии закона в связи с недостаточным опытом разрешения коллизий в сфере интеллектуальной собственности.

Учитывая особенности системного анализа юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности и её межотраслевую специфику как частной проблемы юридической науки, следует заметить, что данный подход применим при подготовке концептуальных предложений по совершенствованию законодательства и превенции правонарушений. В юридической науке существует потребность в квалифицированном обобщении информации, уяснении сильных и слабых сторон правоприменительной практики.

На основе изложенного о системном методе исследования юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности, можно сделать ряд выводов.

1. Юридическая ответственность в сфере интеллектуальной собственности представляет собой подсистему системы юридической ответственности, которая является структурным элементом системы права.

2. Использование системного метода показывает, что отрасли и подотрасли российского права, институты, категории, понятия и определения выступают в качестве единой структуры системы права, определяющей правопорядок в обществе.

3. Применение системного метода в правоприменительной практике позволяет решать вопрос об отсутствии или наличии оснований для наступления юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности, необходимости установления и доказывания юридических фактов, влекущих ответственность правонарушителя.

4. Применение системного метода в исследовательской деятельности позволяет раскрыть юридическую ответственность в сфере интеллектуальной собственности с помощью анализа ее структурных элементов, а также объективно оценить позиции научных школ по данной проблематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копнин П.В. Диалектика как логика. Киев: Сфера, 1961. 324 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 1930. 558 с.
3. Кальнов И.И., Сандулов Ю.А. Философия для аспирантов. 3-е изд. СПб.: Лань, 2003. 512 с.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 720 с.

5. Алексеев П.В. История философии. М.: ТК Велби, 2005. 240 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. 652 с.
7. Хаснугудинов Р.Р. Методология системного подхода к юридической ответственности. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. 172 с.
8. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
9. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа. СПб.: Бизнес-пресса, 2000. 326 с.
10. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ. Киев: МАУП, 2003. 368 с.
11. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 448 с.
12. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
13. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В. 2 т. Т. 1. Элементарный состав. 2-е изд., стереотип. М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
14. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 432 с.
15. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с.
16. Шестакова Е.В. Правовые аспекты управления интеллектуальной собственностью. Ростов н/Д.: Феникс, 2014. 221 с.
17. Тавокин Е.П. Исследование социально-экономических и политических процессов. М.: ИНФРА-М, 2009. 189 с.
18. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 2013. 757 с.
19. Иванов А.А. Принцип законности юридической ответственности. Тольятти: ТГУ, 2010. 170 с.

**SYSTEM METHOD OF RESEARCH LEGAL LIABILITY
IN THE SPHERE OF THE RIGHT OF INTELLECTUAL PROPERTY**

© 2017

E.A. Dzhalilov, candidate of law sciences, associate professor of “Civil law and process”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: offense; legal liability; intellectual property; system method; methodology.

Abstract: A systematic method of investigating legal responsibility in the field of intellectual property is considered. The author highlights the peculiarities of investigating offenses in the sphere of exclusive rights to the results of intellectual activity, as well as the connection of the historical approach to understanding the problems arising in connection with the dynamic change in regulations and the emergence of new legal relationships in the field of intellectual property.

ТВОРЧЕСКИЙ ВКЛАД АВТОРА В СОЗДАНИЕ
ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2017

Е.А. Джалилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; исключительное право; патентное право; авторское право; правовая охрана.

Аннотация: В статье рассматриваются правовые признаки неурегулированных законодателем понятий «произведение», «творчество» и «творческий вклад» в аспекте предоставления объектам интеллектуальной собственности правовой охраны. Автор исследует содержание творческого вклада в произведение, позволяющего индивидуализировать объект исключительных прав и соотносить данное творчество с его автором.

В соответствии с п. 1 ст. 1259 Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), к объектам авторского права относятся результаты творческой деятельности автора в сфере науки, литературы, искусства, а также результаты интеллектуальной деятельности автора, в которых явно отражен творческий оригинальный замысел. Объекты авторского права подлежат защите с момента их выражения в объективной форме.

Законодатель в п. 1 ст. 1259 ГК РФ говорит о защите объектов авторского права, независимо от формы их выражения, однако очевидно, что для общества, как для главного потребителя данных объектов, они становятся доступными только с момента придания им объективной формы. П. 3 ст. 1259 ГК РФ уточняет, что авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме. До момента выражения объекта авторского права в объективной форме невозможно нарушить исключительные права на него в связи с тем, что, в соответствии с п. 5 ст. 1259 ГК РФ, права на идеи не охраняются.

Необходимым условием для охраноспособности объекта авторского права является творческий вклад автора в процесс его создания. В содержании ст. 1259 ГК РФ отсутствует указание на то, что произведение должно являться результатом творческой деятельности. Недостатком действующего гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности является также отсутствие понятия «произведения», хотя законодательное закрепление данного понятия позволило бы максимально точно определить его признаки и черты.

Действующее законодательство не содержит дефиниции «творческого вклада», также в нём отсутствует понятие «произведения». В действующем законодательстве в сфере интеллектуальной собственности отсутствуют критерии творческого подхода или творческого вклада автора или изобретателя, что существенно снижает эффективность правоприменения в спорах об авторстве или при проведении криминалистических автороведческих экспертиз. Результатом отсутствия в законе указанных понятий также является то, что к объектам авторского права по формальным признакам относят результаты интеллектуальной деятельности, которые не содержат в себе творческой составляющей.

Замысел законодателя о том, что объект авторского права должен быть создан путем творческой работы автора, прослеживается в п. 1 ст. 1228 ГК РФ. В данной норме предусмотрено, что признаваться автором результата интеллектуальной деятельности может исключительно гражданин, чьим творческим трудом он создан и только творческий процесс создания произведения будет являться основанием возникновения производных авторских прав у автора. Аналогичная правовая норма содержится в ст. 1257 ГК РФ, которая дублирует положения п. 1 ст. 1228 ГК РФ и также говорит о презумпции авторства, вытекающей из процесса творческого создания объекта авторского права. Таким образом, объекты

авторского права должны быть созданы исключительно при наличии творческого вклада автора.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» рекомендует при рассмотрении споров в сфере интеллектуальной деятельности в первую очередь рассматривать способ создания объекта, а не сам объект, утверждая, что творческий вклад автора не требует доказательства [1].

В Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 сентября 2007 г. № Ф08-5998/2007 о бездоговорном использовании методов вязания указано, что приложенные истцом к иску иллюстрации не обладают признаками новизны и оригинальности, а, следовательно, не являются объектами авторского права [2]. Однако, на наш взгляд, отсутствие новизны или уникальности каждого отдельного рисунка, которые в комплексе отражают новую технологию или методику не может свидетельствовать об отсутствии признаков объекта авторского права. Данное произведение обладает такими признаками, как выражение в объективной форме, а также творческий подход к созданию подборки рисунков, позволяющих при ее использовании получить совершенно новый результат.

Аналогичные требования законодатель предъявляет к созданию объектов патентного права. Так, в ст. 1347 ГК РФ определяется, что автором изобретения, полезной модели или промышленного образца признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности. Презумпция авторства также действует в отношении объектов патентного права. Лицо, указанное в качестве автора в заявке на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, считается автором изобретения, полезной модели или промышленного образца, если не доказано иное.

Э.П. Гаврилов считает, что в рамках патентного права право авторства возникает у заявителя еще на стадии подачи заявочной документации, при этом он подчеркивает, что данное право возникает только у разработчика объекта интеллектуальной собственности, а не у технических исполнителей [3].

Право авторства, которое возникает у автора произведения не совпадает с правом авторства, которое действует в рамках патентного права. Право авторства в патентных правоотношениях имеет своим объектом не произведение, а техническое или дизайнерско-конструкторское решение объекта. Э.П. Гаврилов отмечает, что патентное право охраняет не форму выражения этого решения, а его существо, в то время как авторское право охраняет форму произведения, а содержание произведения если и получает охрану, то только через его форму [3].

Таким образом, в патентном праве творческий подход трансформируется в изобретательский уровень и оригинальность решения, но по-прежнему остается важ-

ным критерием для охраноспособности результата интеллектуальной деятельности. В патентном праве неотъемлемым критерием охраноспособности объекта также является новизна. Новизна представляет собой создание ранее неизвестного из уровня науки и техники решения. К созданию нового объекта интеллектуальной собственности разработчик приходит через творческий мыслительный процесс, через творческий индивидуальный подход к обобщению уже имеющихся в науке открытий и решений.

Вопрос размера творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности приобретает значительный интерес в спорах соавторов о распределении вознаграждения и авторских долей. Действующим законодательством данный вопрос не урегулирован в достаточной мере. Законодатель лишь устанавливает круг лиц, которые не могут претендовать на авторство при создании объекта интеллектуальной деятельности.

В ст. 1228 ГК РФ определено, что не внесшие личного творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности граждане, в том числе оказавшие автору только техническое, организационное, материальное или иное содействие, не могут быть признаны его авторами.

Возможны ситуации, когда лицо, претендующее на соавторство, только высказало общую идею или концепцию создания результата интеллектуальной деятельности либо принимало участие в разработке данной идеи или концепции, но не принимало непосредственного участия в создании полученного результата интеллектуальной деятельности. По справедливому замечанию С.П. Гришаева, такие граждане не могут быть признаны соавторами, поскольку в их деятельности отсутствовала творческая составляющая, являющаяся обязательным элементом для презюмирования авторства [4].

Однако существует возможность, что два независимых автора создают схожие результаты интеллектуальной деятельности. Более высока вероятность такого параллельного создания объекта в патентном праве. В данной ситуации творческий вклад вносят оба автора, и законодатель даже предусматривает законодательное регулирование для таких случаев в ст. 1361 ГК РФ, но приоритет исключительных прав в этом случае будет у лица, которое первым оформило права на созданный

им объект интеллектуальной собственности. В рассматриваемой ситуации законодатель признаёт творческий вклад двух независимых авторов, но исключительные права отдаёт только одному из них.

Решением вопроса о творческом вкладе двух лиц, претендующих на авторство по отношению к результату интеллектуальной деятельности, может стать экспертная оценочная деятельность, при которой будет определена доля участия каждого автора в стоимостном соотношении.

Творческий вклад в создание произведения должен приводить к созданию нового решения в литературе, искусстве или науке. Н.А. Райгородский считает, что новизну результата интеллектуальной определяет оригинальность мышления автора, создавшего его. Таким образом, новизна объекта как показатель результата деятельности свидетельствует об оригинальном мышлении у субъекта этой деятельности и наоборот [5].

В случае если в процесс создания объекта авторского права автор не вкладывает свой творческий труд, то созданный объект не может являться произведением, что означает невозможность предоставления ему правовой охраны в качестве объекта интеллектуальной собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калятин В.О., Марзин Д.В., Новоселова Л.А., Павлова Е.А., Робинов А.А., Рожкова М.А., Снегур А.А. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав. М.: Норма, 2014. 480 с.
2. Калятин В.О., Марзин Д.В., Новоселова Л.А., Павлова Е.А., Робинов А.А., Рожкова М.А., Снегур А.А. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав. М.: Норма, 2014. С. 134.
3. Гаврилов Э.П. Об авторских правах на заявочную патентную документацию // Патенты и лицензии. 2014. № 8. С. 21–26.
4. Гришаев С.П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности. М.: Гарант, 2011. 23 с.
5. Райгородский Н.А. Изобретательское и авторское право в системе гражданского права // Правоведение. 1958. № 1. С. 54–60.

AUTHOR CREATIVE INPUT IN THE CREATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

© 2017

E.A. Dzhaliyeva, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: intellectual property; exclusive rights; patent rights; copyright; legal protection.

Abstract: This article examines the legal characteristics of outstanding “legislator concepts of work”, “creativity” and “creative contribution” in terms of objects of intellectual property legal protection. The author explores the creative contribution to the content of the product, allowing to individualize the object of exclusive rights and to relate this work with its author.

В.К. Дуонов, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе
Самарская гуманитарная академия, Самара (Россия)

Ключевые слова: преступление; состав преступления; критерии квалификации преступлений; множественность преступлений; основание уголовной ответственности.

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискуссионного вопроса о том, руководствоваться ли при разграничении единичных преступлений и их отграничении от множественности таковых в качестве критериев видами преступлений или видами составов преступлений; рассматривается понятие, соотношение и значение этих критериев.

В основании уголовно-правовой квалификации лежат два важнейших положения, вытекающих из закрепленных в Конституции РФ и УК РФ принципов: а) оцениваемое при квалификации деяние (при множественности – каждое из составляющих ее деяние) должно быть непосредственно предусмотрено уголовным законом в качестве преступления (ст. 3 УК) и б) в совершенном деянии (при множественности – в каждом из составляющих ее деянии) должны наличествовать все признаки предусмотренного уголовным законом конкретного состава преступления (ст. 8 УК).

Эти положения являются необходимыми условиями квалификации преступлений, а понятия преступления и состава преступления применяются не только при определении оснований уголовной ответственности (ст. 8 УК), при совершении и единичного преступления, и их множественности, но и при осуществлении квалификации в качестве ее обязательных предпосылок и критериев, позволяющих разграничивать преступления между собой и единичные преступления отграничивать от их множественности.

Необходимыми составляющими, первоосновой множественности преступлений являются несколько отдельных, единичных, как иногда их именуют – «самостоятельных» преступления, которые в зависимости от особенностей их описания законодателем могут иметь самое разное «обличье» в виде разных видов составов преступлений. Поэтому для понимания множественности преступлений и решения непрых вопросов их квалификации важное значение имеет определение того, что следует понимать под отдельным, единичным преступлением и как его отграничивать от множественности преступлений.

Под преступлением в уголовном законодательстве России понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, которое под угрозой наказания запрещено Уголовным кодексом (ч. 1 ст. 14 УК). Это и есть общее определение отдельного, единичного или «самостоятельного» преступления. При отсутствии хотя бы одного из указанных признаков акт поведения человека не может квалифицироваться как преступление и признаваться первоосновой множественности преступлений, а лицо, его совершившее, не может быть привлечено к уголовной ответственности.

От понятия преступления следует отличать близкое, но не тождественное ему понятие – *состав преступления*, также используемое и необходимое для осуществления квалификации. Если преступление – это акт поведения человека, общественно опасное деяние, фактически совершенное человеком в объективной реальности, то состав преступления – это описание в статьях уголовного закона типичных, наиболее важных признаков, характерных для этого и всех иных данного вида (тождественных ему) преступлений, которые в совокупности характеризуют соответствующее деяние и лицо, его совершившее, как опасные для общества (законодательная модель всех преступлений данного вида).

Таким образом, состав преступления представляет собой совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, определяющих общественно опасное деяние как конкретное преступление, необходимых и достаточных для привлечения виновного к уголовной ответственности. Как законодательная модель преступлений определенного вида он выполняет три важнейшие функции: а) служит юридическим основанием уголовной ответственности; б) является основанием разграничения преступлений и их квалификации, в том числе при множественности преступлений; в) служит гарантом прав граждан от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Решение задачи обеспечения справедливого реагирования на совершаемые преступления опосредуется процедурой *уголовно-правовой квалификации*, которая состоит в оценке конкретного акта поведения человека, которым причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, с позиций норм уголовного закона как преступного или не преступного, и, при установлении преступного характера деяния, определение того, какая именно статья (статьи) закона нарушена и должна быть применена к нарушителю. Такая оценка осуществляется на основании уголовного закона и в строгом соответствии с ним и заключается в сопоставлении признаков совершенного деяния с содержащимся в законе описанием признаков конкретного преступления (с признаками конкретного состава преступления) и последующем юридическом закреплении их точного соответствия в процессуальных актах.

Квалификация преступлений – один из наиболее ответственных моментов в деятельности правоприменительных органов государства, связанной с отправлением правосудия по уголовным делам. От того, насколько точно и правильно она будет выполнена, во многом зависит решение задач, стоящих перед уголовным законодательством и уголовным судопроизводством. Правильная квалификация является необходимым условием законного, обоснованного и справедливого применения уголовно-правовых норм, служит обеспечению законности и правопорядка, надежной охране прав и законных интересов граждан.

Составной частью проблемы и средством осуществления квалификации преступлений является разграничение различных видов преступлений между собой и решение вопроса о том, совершено ли единичное преступление или имеет место их множественность.

Эта проблема представляет значительную сложность в связи с тем, что каждое преступление неповторимо, и существует огромное многообразие их видов, которые различаются по самым разным объективным и субъективным признакам, в процессе квалификации их необходимо распознать и правильно оценить характер и степень их общественной опасности и избрать справедливую меру уголовно-правового воздействия.

Задача усложняется в случаях, когда совершаются преступления тождественные и однородные, между

которыми больше сходства, чем различий, и тем более в случаях совершения не одного, а двух и более таких преступлений, в особенности при самых разных обстоятельствах (до осуждения или после, одним деянием или несколькими и т. д.).

Ключевое значение приобретает *определение критерия*, которым следует руководствоваться при решении данной задачи – содержательную часть общественно опасного поведения лица, т. е. характер и степень общественно опасности преступления, или формально-юридическую – как это деяние оформлено законодательно в виде состава преступления.

В российской науке уголовного права одни авторы делают акцент на первом критерии и различают разные «*виды преступлений*»: простые и сложные, а среди последних составные, продолжаемые и длящиеся; либо составные, преступления с несколькими объектами, преступления с усложненной субъективной стороной, преступления с альтернативным составом, продолжаемые, длящиеся и т. д. [1, с. 214; 2, с. 344–352; 3, с. 473–476; 4, с. 365–368].

Другие – на втором критерии, и выделяют *виды не преступлений, а составов преступлений*, справедливо указывая при этом, что состав преступления, будучи категорией субъективной, определяемой волей законодателя, в целях, в частности, правильной квалификации преступлений и назначения справедливого наказания за их совершение имеет разные варианты воплощения (поразному конструируется) в уголовном законе. Чаще всего составы преступлений, предусмотренные законом, классифицируют: по степени общественной опасности преступления – на основные, квалифицированные, особо квалифицированные и привилегированные; по особенностям конструирования объективной стороны состава преступления, определяющим момент окончания преступления – на материальные, формальные и усеченные; по структуре состава – на простые и сложные, а последние на составы преступлений: с двумя (или более) видами объектов; с двумя формами вины; с двумя (или более) видами действий; с альтернативными действиями либо последствиями; с неоднократными действиями; с двумя видами последствий; составы длящихся и составы продолжаемых преступлений. Имеются и другие виды классификаций составов преступлений [5, с. 106–111].

Обращают на себя внимание *одинаковые в ряде случаев наименования видов преступлений и видов составов преступлений*: простые и сложные, квалифицированные и привилегированные, длящиеся и продолжаемые, и т. д. Правильно ли это? Если преступление и состав преступления – это не одно и то же, не тождественные понятия, правильно ли отождествлять понятия «материальный состав преступления» и «материальное преступление», «привилегированный состав» и «привилегированное преступление»? Представляется, что ответ должен быть отрицательным. Простыми или сложными; материальными, формальными или усеченными; основными, квалифицированными или привилегированными бывают составы преступлений, а не преступления. «Привилегированное» преступление или преступление «материальное», «формальное» или «усеченное» – это нонсенс. Как вне состава преступления нет преступления, так и вне видов составов нет видов преступлений простых или сложных, длящихся, продолжаемых или составных, с альтернативными действиями, с двумя видами объектов, с двумя формами вины и т. д.

Поэтому в целях уголовно-правовой квалификации следует, как нам представляется, различать, прежде всего, виды составов преступлений, для квалификации преступлений имеет значение то, как описаны признаки разных преступлений в законе, как они «смоделированы» – в виде простых составов (если все признаки «одномерны») или в виде сложных (если один или несколь-

ко признаков усложнены), с включением последствий в число обязательных признаков состава или нет, и т. д. Практический смысл деления составов на виды в том, что от этого будет зависеть признание или непризнание деяния преступлением и каким именно, признание наличия или отсутствия множественности преступлений и, соответственно, будет зависеть мера уголовно-правового воздействия в отношении виновного.

Решение данного вопроса служит решению другого, дискуссионного и очень важного вопроса о том, *руководствоваться ли при определении единичности в качестве критерия видами преступлений или видами составов преступлений?*

В указанной «паре» преступление, конечно же, первично, в отличие от субъективной модели состава преступления, это реальный акт поведения человека в объективном мире. Каждый такой акт неповторим, в связи с чем объективно существует огромное многообразие преступных проявлений, которые в зависимости от решаемых задач можно классифицировать по самым разным уголовно-правовым, криминологическим или иным значимым признакам.

Однако при всей важности данного понятия следует иметь в виду, что общественно опасное деяние, посягающее на охраняемые уголовным законом общественные отношения, признается преступлением, причем преступлением того или иного вида лишь по воле законодателя – когда законодатель решит установить запрет на совершение такого деяния и в связи с этим сконструирует и установит соответствующий состав преступления в статье закона. Для целей квалификации преступлений необходимое и существенное значение имеет именно то, как, какими признаками описаны преступления в уголовном законе. Что это за преступление, каковы будут его квалификация и ответственность, а также, сколько их – целиком зависит от уголовно-правовой оценки законодателя, которую он осуществляет через конструкцию состава преступления. Именно состав преступления «признает» акт общественно опасного поведения лица преступлением, причем преступлением того или иного вида, единичным или множественностью. То, что, к примеру, причинение легкого вреда здоровью потерпевшего при совершении разбойного нападения должно квалифицироваться как единичное преступление, а причинение в подобной же ситуации при разбое тяжкого вреда здоровью как два разных преступления – определяет законодатель при конструировании составов преступлений, принципов и правил уголовной ответственности.

Состав преступления служит критерием определения деяния как преступления, он же служит юридическим основанием уголовной ответственности и основанием для разграничения преступлений, их квалификации. Также к составу преступления следует обращаться при разграничении единичных преступлений и их множественности. Поскольку основанием уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК, является совершение деяния, содержащего в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, естественно сделать вывод, что основанием ответственности за два и более преступлений должно служить совершение деяний, содержащих в себе все признаки соответственно двух или более составов преступлений, предусмотренных уголовным законом.

От того каким образом (в каком виде) преступление описано в уголовном законе (от вида состава преступления), зависит не только квалификация преступления, но и решение вопроса о том, является ли оно оконченным или имеет место приготовление или покушение, совершено ли единичное преступление или множественность преступлений, и т. д.

Преступление и состав преступления при том, что это разные понятия – тесно взаимосвязаны. Когда мы го-

ворим: убийство и состав убийства, кража и состав кражи, хулиганство и состав хулиганства, бандитизм и состав бандитизма и т. д., мы подчеркиваем близость этих понятий, их взаимную зависимость. Эти понятия очень близки, но не тождественны. Диалектика их соотношения – это диалектика содержания и формы.

Преступление имеет юридическую форму состава, составляет его социальное содержание, при этом состав одного и того же вида может служить формой для разных видов преступлений. Например, простой по структуре состав кражи (ст. 158 УК) может служить формой как простого преступления, так и сложного продолжаемого; простой состав незаконного лишения свободы – формой как простого преступления, так и сложного, длящегося.

И напротив, имеют место случаи, когда составы преступлений смоделированы в уголовно-правовых нормах как сложные (например альтернативные или составные), а фактически совершаемые деяния, содержащие признаки таких составов, являются простыми. Например, ч. 1 ст. 325 УК содержит описание сложного состава преступления, предусматривающего ответственность альтернативно за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов, штампов или печатей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, а на практике зачастую совершается только одно из перечисленных видов деяний, т. е. простое преступление. То же можно констатировать и относительно других составов преступлений с альтернативными действиями (ст. 222, 222.1, 228, 228.1, 228.2, 228.3 и др.).

«Законодатель криминализирует деяния и определяет конструкцию их составов, исходя из особенностей общественно опасных действий (бездействия), происходящих в объективной действительности. Он также определяет, в силу каких обстоятельств множественность действий не подлежит отдельной квалификации, а может быть объединена в рамках одной уголовно-правовой нормы. Правовой критерий обусловлен социальным, где последний является для законодателя определителем границ преступного поведения». Так социальные факторы воздействуют на юридическое закрепление общественно опасных деяний в качестве преступлений [6, с. 273].

Поэтому при определении единичного преступления целесообразно учитывать оба критерия, и под единичными преступлениями понимать «общественно опасные деяния, характеризующиеся взаимосвязанными субъективными и объективными признаками, часто встречающимися в объективной действительности именно в таком сочетании, а также содержащие признаки, как правило, одного состава преступления и квалифицируемые по одной статье или части статьи» [6, с. 275].

Множественность же преступлений складывается из двух или более отдельных, единичных преступлений, и по существу представляет собой множественность их составов. При этом в связи с объективно существующим разнообразием преступлений и их различным описанием в нормах уголовного закона (разнообразием видов составов преступлений) нередко бывает трудно отличить единичное преступление от множественности таковых, и в правоприменительной практике возникает немало проблем, связанных с отграничением множественности от единичных преступлений.

Множественность преступлений на практике формируется по-разному: «...одни случаи множественности преступлений образуются в результате последовательного и одновременного совершения лицом отдельных преступных деяний, другие – в результате одного действия, которым учиняется два либо более преступлений, подпадающих под одну и ту же статью либо под различные статьи (части статьи) Особенной части УК».

Разновременное совершение одним и тем же лицом двух или более преступлений нередко также существен-

но различается: в одних случаях одно за другим лицо последовательно совершает преступления, ни за одно из которых оно еще не было привлечено к уголовной ответственности и не осуждалось, в других – им совершается новое преступление после разоблачения и привлечения в качестве обвиняемого (во время предварительного расследования либо рассмотрения уголовного дела в суде), либо после провозглашения приговора, но до вступления его в законную силу, либо после вступления обвинительного приговора в законную силу и во время отбывания наказания или после его отбытия, но до погашения либо снятия судимости за прежнее преступление, а также – после освобождения от уголовной ответственности или наказания по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76, 78, 80, 80.1, 81, 82, 83 УК РФ, либо по актам об амнистии или помилования» [6, с. 441–442].

В уголовном праве значительную сложность представляет вопрос о том, что считать основанием уголовной ответственности при совершении лицом нескольких преступлений, на каком основании лицо может быть привлечено к уголовной ответственности не за одно, а за несколько преступлений, и связанные с этим вопросы квалификации, т. е. отграничения преступлений единичных (в особенности, так называемых, сложных) от их множественности.

Согласно действующему уголовному законодательству Российской Федерации, лицо, виновно совершившее преступление (ст. 14 УК), должно понести уголовную ответственность за его совершение. Основанием для этого является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом (ст. 8 УК).

Логично предположить, что в случаях обнаружения в поведении лица признаков нескольких предусмотренных уголовным законом составов преступлений возникают основания для привлечения лица к уголовной ответственности за все совершенные лицом преступления. Законодатель прямо указывает, что за каждое из совершенных преступлений виновный должен ответить по соответствующей статье или части статьи уголовного закона (ст. 17, 18, 68–70 УК РФ).

Более того, фундаментальное положение ст. 8 УК, определяющее, в каких случаях лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, имеет еще и другое, не менее важное значение: при наличии в поведении лица признаков состава преступления (а тем более нескольких) *его уголовная ответственность должна быть неотвратимой*. Данная норма содержит императивное веление правоприменительным органам привлечь каждого виновного в совершении преступления к уголовной ответственности. При множественности преступлений эта проблема становится еще более актуальной.

Уголовная ответственность и квалификация преступлений как ее инструмент *должны служить реализации задач уголовного законодательства* Российской Федерации: охраны прав и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, обеспечения мира и безопасности человечества, и предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК) и при этом в полной мере соответствовать и *реализоваться на уголовно-правовых принципах* законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма (ст. 3–7 УК) и мы бы добавили – принципа неотвратимости уголовного-правового воздействия (ст. 8 УК) [7, с. 116–120; 129–133; 8, с. 152–164].

В ряду этих принципов (каждый из которых необходим и важен) особое значение для решения рассматриваемых здесь проблем имеют принцип неотвратимости уголовного-правового воздействия и принцип его справедливости.

Согласно первому из них, на каждый случай нарушения уголовного закона (совершения преступления) обязательно должна быть адекватная реакция государства,

чтобы каждое лицо, совершившее преступное деяние, претерпело за это предусмотренные уголовным законом лишения и ограничения, и ни один виновный не ушел от справедливого воздаяния за содеянное. Согласно второму – уголовная ответственность и в целом уголовно-правовое воздействие должны быть справедливыми, то есть «соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ч. 1 ст. 6 УК), при этом «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК).

Правильная квалификация преступлений должна осуществляться в соответствии с этими принципами и, в свою очередь, служить их реализации. Эти важнейшие, фундаментальные положения, как представляется, имеют значение ключевых, исходных, лежащих в основании подходов, в том числе и к вопросам теории и практики квалификации преступлений, как единичных, так и их множественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997. 454 с.
2. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И.Я. Козаченко. 5-е изд. М.: ИНФРА-М, 2013. 720 с.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2008. 736 с.
4. Сабитов Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. М.: Юрлитинформ, 2013. 592 с.
5. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: НОРМА-М, 2001. 639 с.
6. Энциклопедия уголовного права: понятие преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. Т. 3. 522 с.
7. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М.: Научная книга, 2003. 520 с.
8. Дуюнов В.К. Неотвратимость уголовно-правового воздействия и проблемы ее обеспечения // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 2. С. 152–164.

CRIME AND ELEMENT OF CRIME AS THE CRITERIA AND PREREQUISITES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES AS A SINGLE OR PLURALITY

© 2017

V.K. Dyuunov, doctor of legal Sciences, Professor, Vice-rector for research
Samara Academy of Humanities, Samara (Russia)

Keywords: crime; crime structure; criteria of qualification of crimes; multiple crimes; the basis of criminal responsibility.

Abstract: The article is devoted to the discussion question, be guided by the distinction between individual crimes and their delimitation from those of the plurality of criteria types of crime or types of crimes; discusses the concept, value and importance of these criteria.

**ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1950–1960-Х ГГ.**

© 2017

О.Ю. Ельчанинова, кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры «Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: преступление; уголовная ответственность; лишение свободы; смертная казнь; конфискация имущества; ссылка; штраф; высылка; исправительные работы; общественное порицание.

Аннотация: В статье рассмотрены направления и итоги кодификации уголовного законодательства 1950–1960-х гг., дана характеристика новеллам уголовного права. Обосновывается мысль о том, что в этот период происходит смягчение карательной составляющей уголовно-правовой политики, расширена сфера применения исправительно-воспитательных мер, отменено применение аналогии закона в уголовном праве и т. п. Автором показано, что либерализация уголовно-правовых норм не распространялась на деяния против государства, против воинской службы, против государственного имущества и др.

В современных реалиях государственно-правовой действительности все более актуальной становится проблема эффективности правовых норм. Очевидно, что результативность правовых предписаний обусловлена множеством факторов. К сожалению, на сегодняшний день можно констатировать, что при анализе большинства проблем, имеющих место в Российской Федерации, при оценке методов и способов регулирования правоотношений среди широкого круга субъектов (представители депутатского корпуса, политики, обыватели) появляется все больше сторонников ужесточения государственно-правовой политики в целом и уголовно-правовой в частности. Складывается впечатление, что ужесточение наказаний для многих является единственным способом сохранения режима законности в нашей стране. Увлечение тезисом относительно того, что если закон не работает, то надо ужесточить наказание, не может не беспокоить. Крайние позиции всегда чреваты негативными последствиями. Очень важно, чтобы оценки правовых реалий прошлого и настоящего носили взвешенный характер, а регулирование общественных отношений базировалось на безусловном главенстве буквы закона. Поэтому наше обращение к анализу регулирования уголовно-правовой сферы в период хрущевского десятилетия считаем вполне обоснованным и показательным.

Запущенные Н.С. Хрущевым процессы так называемой демократизации советского общества, осуждение политических репрессий сталинского периода имели следствием смягчение карательной политики государства, и в первую очередь в уголовно-правовой сфере. В этой связи с середины 1950-х годов начинается новый этап кодификации уголовного законодательства, в результате которой были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (25 декабря 1958 г.) [1].

В структуре Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы) было выделено четыре раздела, статьи которых содержали общие положения, нормы-дефиниции о наказании и преступлении. В числе наиболее важных новелл, направленных на демократизацию уголовной политики и уголовного законодательства, можно назвать следующие.

Законодатель определил задачи уголовного законодательства, основания привлечения к уголовной ответственности, действие уголовного закона в пространстве и времени, а также по кругу лиц. Закрепленная ранее в ст. 10 Уголовного кодекса 1922 г. аналогия закона была отменена. Теперь уголовное наказание могло применяться только за деяние, предусмотренное уголовным законом.

Статья 7 содержала дефиницию преступления, под которым признавалось общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский государственный строй, социалистическую систему хо-

зяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное законом (ст. 7) [1]. Основными признаками преступного деяния определялись общественная опасность, виновность, наказуемость и противоправность.

Вместе с тем, согласно ч. 2. ст. 7 Основ, не признавалось криминальным деяние, которое, хотя формально содержало характеристики преступления, из-за своей незначительности не представляло общественной опасности [1].

В ст. 7.1. закреплялось понятие тяжкого преступления, под которым признавались деяния, совершенные умышленно, и представлявшие повышенную общественную опасность. К числу тяжких преступлений законодатель относил: массовые беспорядки; контрабанду; действия, препятствующие работе исправительно-трудовых учреждений; особо опасные государственные преступления; бандитизм; нарушение расового и национально-го равноправия с отягчающими обстоятельствами; изготовление и сбыт фальшивых денег либо ценных бумаг; разбой и др. Дальнейшей разработке были подвергнуты нормы, касающиеся уголовно-правового статуса несовершеннолетних. Так в ст. 10 закреплялись основания для их привлечения к уголовной ответственности.

В ст. 6 определялось действие уголовного закона во времени. Законодатель установил, что закон, смягчавший наказание виновных лиц, обладал обратной силой и, наоборот, закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет.

Основы закрепили новый подход к целям наказания. Согласно ст. 20 наряду с карательной целью наказания представлены были исправление, перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами.

Все наказания (ст. 21) были разделены на основные и дополнительные виды. К основным наказаниям относились: общественное порицание (ст. 28); штраф (ст. 27); исправительные работы без лишения свободы (ст. 25); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 26); ссылка, высылка (ст. 24); лишение свободы (ст. 23). В качестве дополнительных наказаний могли применяться лишение воинского или специального звания и конфискация имущества. Законодатель также допускал применение в качестве дополнительных наказаний лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, высылку, ссылку, штраф [1]. В Основах снижался максимальный срок лишения свободы с 25 до 15 лет [1].

Ст. 22 в качестве исключительной меры наказания закрепляла смертную казнь, которая применялась к осужденным (за исключением беременных женщин и несовершеннолетних), совершившим убийство при отягчающих обстоятельствах, особо опасные государственные преступления. Кроме того, в Основах сохранялось право применять эту меру наказания в условиях военного времени и за иные преступления.

По сравнению с УК 1922 г. в Основах были исключены уголовные наказания за трудовые и гражданско-правовые нарушения. Законодатель отказался от закрепления ранее применяемых к осужденным мер, таких как: изгнание из советского государства; объявление врагом народа с лишением гражданства СССР; лишение избирательных прав.

Кроме того, более широкой становится область применения исправительно-воспитательных мер: условного осуждения лиц, впервые преступивших закон, передачи трудовым коллективам на поруки условно осужденных (ст. 43) [1]. Ст. 44 определяла условия применения условно-досрочного освобождения. Институт условно-досрочного освобождения играл и играет важную роль в деле ресоциализации осужденных, так как применялся только к тем преступникам, которые отбыли более половины срока наказания, а также доказали свое исправление честным трудом и примерным поведением [1].

Основы, по сравнению с ранее действующими нормами, предусматривали повышение возраста привлечения к уголовной ответственности. Исходя из большинства составов преступлений, уголовная ответственность наступала с 16-летнего возраста (согласно ст. 18 УК 1922 г. – с 14 лет). Основы сохраняли уголовную ответственность с 14 лет лишь по незначительному кругу преступлений. В случае если суд находил, что несовершеннолетние преступники могли быть исправлены без уголовно-правового воздействия, к ним допускалось применять принудительные меры воспитательного характера:

- передачу под строгий надзор родителей;
- объявление выговора или строгого выговора;
- передачу на поруки трудового коллектива.

Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» детализировал виды государственных преступлений, разделив их на две группы: особо опасные государственные преступления и иные государственные преступления. В первую группу были включены антисоветская агитация и пропаганда, шпионаж, измена Родине, террористический акт, диверсия, вредительство, пропаганда войны и др. Среди преступлений второй группы законодатель определял: утрату документов, содержащих государственную тайну, нарушение национального и расового равноправия, бандитизм, контрабанду, массовые беспорядки и др.

Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за воинские преступления» содержал дефиницию воинского преступления, под которым законодатель понимал деяния против установленного порядка несения воинской службы, совершенные военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими учебных сборов. К данному виду преступлений были отнесены неповиновение, неисполнение приказа, сопротивление начальнику, оскорбление подчиненным начальника и начальником подчиненного, дезертирство, мародерство и др.

В 1959–1961 гг. в соответствии с Основами были приняты уголовные кодексы союзных республик. Республиканские уголовные законы объединяли Общую и Особенную части. В Общую часть входили положения и принципы советского уголовного законодательства, аналогичные тем, которые были закреплены в Основах 1958 г. Концептуальные подходы к конкретным составам преступлений нашли отражение в Особенной части этих кодексов [2, с. 78].

Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) был утвержден 27 октября 1960 г. и состоял из 18 глав и 259 статей. УК РСФСР 1960 г. предусматривал своей задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Особенная часть УК была разделена на двенадцать глав в зависимости от родового объекта посягательства. По этому признаку все преступления были дифференцированы как государственные преступления; преступления против социалистической собственности; преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности; хозяйственные преступления; должностные преступления; преступления против правосудия; преступления против общественной безопасности; воинские преступления и др.

Система наказаний в УК РСФСР была аналогичной той, которая была закреплена в Основах 1958 г. Лишение свободы по-прежнему оставалось основным видом наказания. Смертная казнь в перечень видов наказаний не была включена, ей был придан статус исключительной меры.

В УК РСФСР были расширены нормы об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, которые не представляли большой общественной опасности или были малозначительными, с передачей их на поруки в трудовые коллективы или для рассмотрения в товарищеских судах [3].

С учетом криминогенной обстановки в стране, кампаний по борьбе с определенными видами преступлений, периодически объявляемыми партийными органами, нормы уголовного права подвергались корректировке permanently [4, с. 179]. Причем новеллы в законодательство вводились Указами Президиума Верховного Совета СССР.

Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 «Об усилении борьбы с «особо опасными преступлениями» допускал применение смертной казни за хищение государственной и общественной собственности, за изготовление в особо крупных размерах поддельных денег и ценных бумаг. Эта же мера могла быть применена и к особо опасным рецидивистам и лицам, которые терроризировали в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления; лицам, совершающих нападения на администрацию исправительного учреждения и организующих преступные группировки.

В 1961 г. была установлена уголовная ответственность за изготовление и хранение самогона, тутовой водки, браги, чачи, араки и других самодельных спиртных напитков. Вводилась также ответственность за изготовление аппаратов для самогонирования. Однако в законе не были раскрыты понятия самогона, чачи, араки, тутовой водки, браги и т. д., что создавало серьезные трудности для правоприменительной деятельности сотрудников правоохранительных органов [5].

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» за изнасилование несовершеннолетней, совершенное особо опасным рецидивистом или группой лиц, законодатель определял наказание в виде лишения свободы сроком от восьми до пятнадцати лет со ссылкой либо смертной казни.

В 1962 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» вводил новые санкции за получение и дачу взятки, посредничество во взяточничестве. По этим деяниям в качестве максимального предела наказания в виде лишения свободы устанавливалось пятнадцать лет. Однако, для лиц, ранее имевших судимость за взяточничество или за получение взятки в особо крупном размере, могла применяться смертная казнь с конфискацией имущества.

Таким образом, период 1950–1960-х гг. характеризовался, с одной стороны, либерализацией уголовно-правовой сферы. Постепенно нивелируется понимание уголовного наказания как самого эффективного средства противодействия преступности. В кодифицированных уголовно-правовых актах союзного и республиканского значения нашли реализацию тенденции сужения сферы государственного принуждения, смягчения наказаний за отдельные виды преступлений, было запрещено применение аналогии закона в уголовно-правовой сфере. Законодатель, сохраняя кару в качестве одной из главных целей наказания, добавил к ней исправление и перевоспитание осужденного. Был отменен целый ряд одиозных статей (объявление врагом народа, лишение избирательных права и др.), была расширена сфера применения мер исправительно-воспитательного характера. Деление преступлений на виды усиливало их категоризацию и дифференциацию, что не могло не сказаться на четкости определения индивидуализации уголовной ответственности.

С другой стороны, по преступлениям против государства, против воинской службы, против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, против государственной собственности санкции были значительно ужесточены, что указывало на приоритеты государства. В отношении рецидивной преступности позиция законодателя также не отличалась мягкостью. Новеллы уголовного за-

конодательства свидетельствовали также о дальнейшем развитии нормотворческой и правоприменительной техники. Конструкции составов преступлений содержали более четкие критерии квалифицирующих признаков и выступали эффективным инструментом уголовно-правовой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.
2. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 344 с.
3. Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
4. История государства и права. В 2 ч. Ч. II / под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. М.: Юрлитинформ, 2015. 352 с.
5. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 мая 1961 «Об усилении ответственности за самогонование и изготовление других спиртных напитков домашней выработки» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 8. Ст. 274.

PROBLEMS OF CONSTRUCTING CRIMINAL COMPOSITIONS AND DIFFERENTIATION OF LIABILITY IN CRIMINAL LEGISLATION OF THE 1950–1960S

© 2017

O. Yu. Elchaninova, candidate of History, associate Professor, head of “Theory and History of State and Law”

Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: crime; criminal responsibility; imprisonment; death penalty; exile; expulsion; correctional labor; fine; public censure; confiscation of property.

Abstract: In the article the directions and results of codification of the criminal legislation of 1950–1960s are considered, the characteristics of the novels of criminal law are given. The author substantiates the idea that during this period, the punitive component of the criminal legal policy is mitigated, the scope of correctional and educational measures is expanded, the application of the analogy of the law in criminal law is abolished, etc. The author established that for crimes against the state, against military service, against state property, etc., the liberalization of criminal law did not apply.

А.И. Иванников, аспирант

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Ключевые слова: мера; санкция; меры ответственности; меры гражданско-правовой ответственности; меры гражданской процессуальной ответственности.

Аннотация: Статья посвящена сравнению учений о мерах ответственности в гражданском и гражданском процессуальном праве России. Делается вывод о том, что теория мер ответственности в гражданском процессуальном праве наиболее разработана, чем в гражданском праве.

Мера в философии – это категория, которая выражает диалектическое единство качественной и количественной характеристики объекта, которые «...могут меняться за счет изменения числа, размеров, порядка, связи элементов, скорости движения, степени развития и т. п.» [1].

В юридической литературе термин «мера» употребляется широко: мера защиты, мера ответственности и т. д. Часто в юридической науке меры понимаются как виды санкций. Так, К.А. Бекяшев отмечает, что санкции – это принудительные меры, применяемые к правонарушителю [2].

С.С. Алексеев предлагал отличать меры защиты от мер гражданско-правовой ответственности [3]. Н.В. Южанин отмечает, что «...односторонние правозащитные меры характеризуются как самостоятельные правовые меры, выполняющие специфическую и самостоятельную функцию в механизме гражданско-правового регулирования, и не являются мерами гражданско-правовой ответственности» [4]. Употребление термина меры защиты вообще следует признать неуместным, так как в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации приведены способы, а не меры защиты гражданских прав. Договорная и внедоговорная формы ответственности Е.А. Сухановым подразделяются на долевые, солидарные и субсидиарные. Однако в юридической литературе по вопросу классификации видов и форм ответственности единство мнений отсутствует. Некоторые ученые относят виды гражданской правовой ответственности к формам гражданской правовой ответственности. Как правило, выделяются следующие формы гражданской правовой ответственности: по кругу ответственных лиц, внедоговорная, договорная.

Е.А. Суханов называл гражданско-правовые санкции мерами ответственности, которые влекут «возложение на правонарушителя неблагоприятных, невыгодных имущественных последствий его поведения» [5].

Называя гражданско-правовые санкции мерами гражданско-правовой ответственности, Е.А. Суханов определяет их как «предусмотренные законом имущественные меры государственно-принудительного характера, применяемые судом к правонарушителю с целью компенсации имущественных потерь потерпевшего и возлагающего на правонарушителя неблагоприятные имущественные последствия правонарушения» [5]. А меры, согласно Е.А. Суханову, в соответствии с гражданско-правовыми санкциями, подразделяются на виды. К их числу он относит убытки и неустойки (в форме штрафов и пени). Е.А. Суханов выделяет виды и меры гражданско-правовой ответственности, но не выделяет форм гражданско-правовой ответственности в названиях параграфов, но в параграфе о видах гражданско-правовой ответственности отмечает, что «ответственность за имущественные правонарушения в гражданском праве подразделяется на договорную и внедоговорную» [6].

В.Ф. Яковлев считает, что суд определяет меры ответственности в своём решении. «Ведь мера ответственности, – считает он, – это мера, установленная законом. Такая формула годится для права в целом, для всех его отраслей» [7]. В уголовном праве применяются только такие меры ответственности, которые установлены зако-

ном, а в гражданском праве установленные законом и договором (при условии, что эта мера содержится в норме закона). «Меры ответственности, уточняет В.Ф. Яковлев, сопряжены с принуждением... Мера ответственности и есть мера определённого принуждения», – отмечает он [7]. Только меры принуждения в разных отраслях права свои. По мысли В.Ф. Яковлева, в уголовном праве санкция, наказание и принуждение (содержание уголовно-правовой санкции) – это одно и то же, а в гражданском праве меры ответственности (возмещение убытков правонарушителем, выплата неустойки правонарушителем) могут быть осуществлены, как в принудительном, так и добровольном порядке. В уголовном праве государство всегда является субъектом, который обеспечивает применение мер ответственности к другим субъектам права, которые нарушили закон, а в гражданском праве каждая из сторон, в случае правонарушения, может подвергаться применению меры ответственности. Любая принудительная мера, по мнению В.Ф. Яковлева, и есть мера ответственности, но в гражданском праве «принудительное исполнение обязанностей есть мера защиты, а не мера ответственности, поскольку нет дополнительного обременения.

Меры ответственности в гражданском праве: возмещение убытков, неустойка, потеря суммы задатка, возмещение вреда материального, возмещение вреда морального. Меры защиты в гражданском праве имеют иные основания (противоправное поведение правонарушителя, противоречия с законом, противоречия с договором), чем меры принуждения (нужен полный состав правонарушения). В гражданском праве возможна ответственность без вины, а в уголовном нет. В уголовном праве есть четкая система и классификация видов наказаний, отдельно выделены основные и дополнительные виды наказаний, а в гражданском праве нет. В гражданском праве нет четких различий форм и мер гражданско-правовой ответственности.

Сопоставление мнений ведущих ученых цивилистов России показывает, что для одних гражданско-правовые меры (виды мер) тождественны понятию санкций (видам санкций). Позиции В.Ф. Яковлева и Е.А. Суханова по мерам гражданско-правовой ответственности совпадают.

По российскому гражданскому процессуальному законодательству выделяются две меры гражданско-правовой ответственности: статья 99 ГПК РФ о взыскании компенсации за потерю времени и положения главы 8 ГПК РФ о наложении судебного штрафа.

Справедливо отмечено Н.В. Кузнецовым и А.Г. Новиковым, что гражданская процессуальная ответственность не включает санкций, которые заимствованы из других отраслей права [8].

В научной литературе нет единой точки зрения об отнесении судебных расходов к мерам гражданско-процессуальной ответственности. Одни исследователи считают мерой гражданско-процессуальной ответственности возложение судебных расходов на лицо, проигравшее процесс. Исследовательница из Саратова, О.В. Николайченко, не считает эти расходы мерами гражданской про-

цессуальной ответственности. Так как в данном случае отсутствует противоправность в действиях обеих составившихся в судебном процессе сторон [9]. Стоит согласиться с мнением О.В. Николайченко поскольку одна из функций юридической ответственности предотвращение неблагоприятных последствий для правонарушителя. В данном случае противоправности не было.

Наряду с нормами материального права, содержащие санкции есть и нормы процессуального права, которые содержат санкции, предусматривающие меры процессуальной ответственности.

Мнение О.В. Николайченко заслуживает внимания еще и потому, что она не отождествляет санкции и меры ответственности.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в гражданском процессуальном праве категория мер гражданской процессуальной ответственности разработана более детально, чем в гражданском праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.

2. Бекашев К.А. Виды и формы международно-правовой ответственности // Международное публичное право. М.: Волтерс Клувер, 2003. С. 619–622.
3. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 710 с.
4. Южанин Н.В. Соотношение понятия односторонних правозащитных мер с понятием юридической ответственности // Гражданское право. 2014. № 2. С. 8–11.
5. Суханов Е.А. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право. М.: Статут, 2010. Т. 1. С. 444–447.
6. Суханов Е.А. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право. М.: Статут, 2010. Т. 1. С. 447–449.
7. Яковлев В.Ф. О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 5–7.
8. Кузнецов Н.В., Новиков А.Г. Некоторые вопросы гражданской процессуальной ответственности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2002. № 2. С. 12–14.
9. Николайченко О.В. Гражданская процессуальная ответственность и меры гражданско-процессуальной защиты. Саратов: СГЮА, 2015. 107 с.

MEASURES OF RESPONSIBILITY IN RUSSIAN CIVILIZATION

© 2017

A.I. Ivannikov, postgraduate student
Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)

Keywords: measure; sanction; measures of responsibility; measures of civil liability; measures of civil procedural responsibility.

Abstract: The article is devoted to the comparison of exercises on the measures of responsibility in the civil and civil procedural law of Russia. The conclusion is made that the theory of liability measures in civil procedural law is most developed than in civil law.

И.А. Иванников, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Ключевые слова: свобода; юридическая ответственность; право выбора; референдум; демократия.

Аннотация: В статье кратко рассмотрен вопрос о проблеме соотношения свободы и юридической ответственности в истории политико-правовой мысли и в современном мире.

Проблема взаимосвязи свободы и юридической ответственности является вечной. Цель статьи – выявить, как изменились представления о взаимосвязи свободы и юридической ответственности с момента провозглашения юридического равенства людей до наших дней.

В истории политико-правовой мысли взаимосвязь свободы и юридической ответственности часто пытались рассматривать под влиянием религиозных, политических и идеологических факторов, правовых доктрин. В Новое время в Европе она приобрела актуальность в связи с демократизацией обществ, политических систем и разработкой философских основ правового государства, провозглашения юридического равенства граждан. Ш. Монтескье отмечал: «В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принужденным делать то, что не должно хотеть». В итоге, по его мнению, «свобода есть право делать все, что дозволено законами» [1]. Позднее И. Кант писал, что человек «...обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение» [2]. Свобода понимается Кантом как независимость. Свобода там, где человек поступает в соответствии с нормами морали.

Согласно позиции К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, любое государство, если в нем сохраняется классовое насилие, подавление, является антиподом свободы. С точки зрения молодого К. Маркса «свод законов есть библия свободы народа» [3].

В.И. Ленин отмечал, что «государство нужно не для свободы, а для подавления противников пролетариата. Когда будет свобода, тогда не будет государства» [4]. После укрепления власти большевиков свободы становилось меньше, а юридическая ответственность усиливалась. В условиях отсутствия политического и идеологического плюрализма была еще одна большая проблема – это несоответствие в ряде случаев провозглашенных успехов реальной жизни, теории и практики. Статья 127 Конституции СССР закрепляла неприкосновенность личности, но права человека грубо нарушались. Было право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, но первоначально оно не везде обеспечивалось. Конституция СССР возлагала на граждан много обязанностей по соблюдению законов, сохранению социалистической собственности. Международная ситуация того времени требовала ограничения свободы в СССР иностранцев, усиления юридической ответственности за ряд преступлений. Массовые репрессии, привлечение к ответственности родственников, перешедших на сторону противника, военнослужащих, свидетельствовали о кризисе демократии и, фактически, в отсутствие реальной свободы выбора, которая зависела от политических и идеологических симпатий.

Безусловно, абсолютная свобода человека возможна тогда, когда он живет на необитаемом острове. В государственно-организованном обществе свобода, выходящая за пределы разрешенного поведения, влечет юриди-

ческую ответственность. В современной теории права уже устоялось определение юридической ответственности, данное Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским. С их точки зрения юридическая ответственность есть «...нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, которая реализуется в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом, а в случае её нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и её реализации» [5]. Вопрос лишь в признании правовых норм субъектами права, в возможности свободы выбора ими вариантов поведения.

Проблема свободы и юридической ответственности всегда обостряется в условиях политических кризисов. Распад государств – это последствия глубокого политического кризиса. В период с 2014 по 2017 годы в условиях политических кризисов в целом ряде государств возникла проблема реализации права наций на самоопределение. Референдумы в Крыму, ДНР и ЛНР, Шотландии, испанской Каталонии и иракском Курдистане показали, что демократия в ряде стран имеет непрочное положение. Референдум 25 сентября 2017 года в иракском Курдистане, показал, что 90 % проголосовавших выступили за независимость. Референдум 1 октября 2017 года в испанской Каталонии показал, что 90 % проголосовавших на референдуме выступили за независимость. В Украине, в Ираке, в Испании центральная власть не признала итоги референдумов. Борьба с демократами велась и ведется с применением силы. Чем ниже уровень демократии и культуры, тем выше национализм и проявление жестокости при подавлении свободолюбивых народов. При распаде СССР все было наоборот. Центральная власть в лице М.С. Горбачева, вопреки решению населения страны: сохранить целостность территории государства, принятом на референдуме 17 марта 1991 года, разрушила страну.

Помимо недемократических правительств, которые не признают мнение народа на референдумах, угрозу свободе в современном мире представляют войны, терроризм, а также религиозный, расовый, национальный и языковой фанатизм, коррупция. Если существует сразу несколько угроз свободе, то проблема ответственности становится более актуальной.

Происходит ограничение свободы при борьбе с терроризмом. При росте исламского терроризма в странах Европы начинается процесс ограничения прав лиц, исповедующих ислам. Если ранее право женщины открывать или закрывать лицо было проявлением свободы, то в последнее время оно отменено в ряде стран Европы.

В эпоху перемен всегда наблюдался значительное обострение этих проблем, а также рост преступности, вызванной перераспределением или несправедливым распределением собственности, сменой ценностей, которые раскалывают общество.

Свобода – это сфера жизнедеятельности человека и ценность для любого разумного человека. В условиях государственно-организованного общества жизнедея-

тельность человека ограничивается позитивными законами или позитивными правовыми законами (правом).

При этом позитивное право есть инструмент в руках государственной власти для ограничения свободы управляемого ею общества, отдельных его индивидов и их объединений. Закрепляя субъективные права человека, государственная власть определяет большую часть юридической свободы личности, которая дополняется субъективными правами.

Свобода, право и ответственность зависят от общества и государства. Для реализации своих целей и интересов человеку нужна свобода действий, но в условиях правового и демократического государства она не должна ущемлять свободу других членов общества. Хотя каждый дееспособный человек может ограничить свою свободу сам. Это его личное право.

Закрепляя субъективные права человека, государственная власть определяет большую часть юридической свободы личности, которая дополняется субъективными правами, которые следуют из реализации принципа «разрешено все, что не запрещено законом». Однако, в силу того, что обычаи и мораль также являются мощными регуляторами общественных отношений, то и они должны быть учтены при реализации свободы индивидом. Злоупотребление свободой может повлечь за собой юридическую или моральную ответственность.

Право и свобода многими людьми воспринимаются как социальные ценности. При этом категория свободы есть сложная и имеющая тысячелетнюю историю философского, экономического, политического, юридического и религиозного осмысления ценность. Не всякий закон есть ценность. Свобода, если это не произвол, всегда является ценностью.

Это может быть урегулировано справедливыми законами, разработанными на высоком уровне юридической техники. В советское время был институт отзыва депутатов, по которому можно было отозвать депутата, который не оправдал надежд своих избирателей. Это дисциплинировало народных избранников, налагало на них определенную ответственность. Возродить институт отзыва депутатов ныне не удается, а это – один из признаков слабости законодательной власти и ответ на вопрос о причинах низкой явки избирателей на выборы. Наличие этого института – это и возможность контроля работы депутата. Механизм отзыва депутата должен быть прост и непродолжителен во времени. Это признак не тоталитарного, а подлинно демократического государства.

Многочисленные террористические акты, совершенные на территории Российской Федерации свидетель-

ствуют о неэффективности действий правоохранительных органов. В демократических государствах Европы министры, допустившие большие просчеты в работе, уходят в отставку. В России механизм политической и моральной ответственности министров еще не работает. Высокопоставленные чиновники непрофессиональны, порой они сами признают свою неспособность обеспечить безопасность граждан, при этом не уступают своих должностей профессионалам.

В последние годы представления о взаимосвязи свободы и юридической ответственности со времени провозглашения юридического равенства людей практически не изменились. Если на референдуме (высшей форме демократии) народ решит самоопределиваться, то этот факт не признают имеющим юридическую силу. В приоритете законы, которые противоречат воле народа (референдум 17 марта 1991 года в СССР), наций (референдумы в Украине, Ираке, Испании). Попытки центральной власти помешать проведению референдумов или с помощью репрессий подавить свободолюбие участников референдумов приводит к недоверию к центральной государственной власти, гражданской войне. Стремление к референдуму – это стремление к свободе. Силы, выступающие против референдумов, демонстрируют свою реакционность и политическую застывленность. Свобода референдумов, свобода выбора варианта поведения в рамках законов, которые приняты на референдуме большинством населения, есть требования времени. Такие законы фактически устанавливают демократическую юридическую ответственность, которая не противоречит принципу свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 289–292.
2. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения. СПб.: Наука, 2006. Т. 11. С. 428–438.
3. Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 63–66.
4. Ленин В.И. Подготовительные материалы к книге «Государство и революция» // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1974. Т. 40. С. 169–172.
5. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.

FREEDOM AND LEGAL RESPONSIBILITY

© 2017

I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences,
Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)

Keywords: freedom; legal responsibility; the right to choose; referendum; democracy.

Abstract: The article briefly discusses the problem of the correlation of freedom and legal responsibility in history of political and legal thought in the modern world.

А.А. Иванов, кандидат юридических наук, доцент
Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; виды юридической ответственности.

Аннотация: В статье рассматривается проблема существования межотраслевых (комплексных) видов юридической ответственности.

В последние годы правовая система России переживает процесс дифференциации, обусловленный усложнением общественной жизни, появлением новых сфер общественных отношений и соответствующих им отраслей права (жилищного, банковского, экологического и т. д.). Многие из зарождающихся отраслей уже являются общепризнанными и их существование уже не вызывает споров в правовой науке.

Вместе с тем, на наш взгляд, задачи теории права заключаются в том, чтобы проследить, как данная дифференциация протекает не только в отношении отдельной отрасли (обычно в литературе представлено подобное общее исследование), но также и в отношении отдельных правовых институтов, в частности, института юридической ответственности, который является достаточно типичным и был присущ всем «традиционным» – ранее исторически зародившимся отраслям права (административному, гражданскому, уголовному).

По нашему мнению, большинству исследователей, занимающихся этой проблемой, существование новой отрасли права признать значительно проще, чем существование нового вида юридической ответственности. Это, в значительной степени, обуславливается и позицией законодателя, который обычно непосредственно в тексте соответствующего отраслевого закона делает ссылку на применение в случае его нарушения соответствующих отраслевых видов юридической ответственности (статья 75 ФЗ «Об охране окружающей природной среды» – «за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством»; статья 201 Жилищного кодекса РФ – «члены лицензионной комиссии, виновные в нарушении требований настоящего Кодекса, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность» и т. д.).

Мнение о необходимости выделения новых видов юридической ответственности, аргументы к чему приводятся некоторыми исследователями – специалистами в рамках конкретной правовой отрасли, не поддерживается ни подавляющим числом ученых-юристов (как теоретиков, так и практиков), ни законодателем.

Проблему формирования новых видов юридической ответственности возможно рассмотреть на примере ответственности экологической, вопрос о существовании которой уже достаточно длительное время является предметом оживленной дискуссии (в частности, основные точки зрения оппонентов по данной проблеме были системно проанализированы А.И. Казанник еще в 1983 году) [1].

Что касается самого института юридической ответственности за причинение вреда объектам природы, исторические данные говорят, что подобные отношения всегда обладали определенной распространенностью [2]. На территории России внимание вопросам охраны ресурсов окружающей природной среды уделялось даже большими правительствами в период Гражданской войны [3].

Большинством исследователей существование данного вида юридической ответственности в качестве отдельного и самостоятельного не признается, например, как указывает Д.А. Липинский, институт экологической

ответственности это функциональный институт, характеризующийся только связями правовых норм, но ничего общего с самостоятельным видом юридической ответственности не имеющий [4]. Часто исследователи смешивают акценты и говорят не об экологической ответственности, но об ответственности за экологические правонарушения, что полностью меняет предмет их исследования [5]. Как считает В.В. Меньшиков, понятие «экологическая ответственность» определяет в отечественном законодательстве ответственность за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях, а также за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды» [6]. В.П. Кашепов считает, что эколого-правовая ответственность может рассматриваться как самостоятельный правовой институт только применительно к соответствующему отраслевому виду юридической ответственности [7].

Некоторые ученые идут еще дальше и фактически пытаются выделить отдельные институты в рамках уже экологической ответственности. Например, В.И. Ивакин отмечает, что под юридической ответственностью за земельные экологические правонарушения необходимо понимать обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпевать неблагоприятные последствия, которые предусмотрены нормами права [8].

Мы считаем, однако, что в настоящее время было бы более правильно придерживаться позиции А.В. Николаева, рассматривающего ответственность за экологические правонарушения как комплексный институт права, содержащий в себе нормы различной отраслевой принадлежности [9]. Как указывает данный автор: экологический порядок – состояние сложившихся в обществе общественных отношений, соответствующее требованиям экологического законодательства. Те, кто нарушает требования по его организации и поддержанию, безусловно, нарушают природоохранительное законодательство в целом, поэтому такие деяния признаются правонарушениями, влекущими за собой юридическую ответственность, соответствующую их природе.

Как пишет В.П. Кашепов, считающий, что экологическая ответственность зародилась в рамках уголовного права, «эколого-правовая уголовная ответственность как институт может быть обозначена как система юридических норм, задачей которых является обеспечение эффективного применения и реализации принудительных мер уголовного воздействия на нарушителей установленного порядка использования природных ресурсов и сохранения благоприятных условий окружающей среды. Особенностью этого правового института является его комплексность, так как в систему норм юридической ответственности входят не только нормы уголовного права, но и дополняющие их (создающие условия для реализации уголовно-правовых запретов) нормы иных отраслей права: административного, земельного, водного, лесного, горного, гражданского, природоохранного, и др.» [10]. На сложный комплексный характер экологической ответственности указывает также и Л.В. Андреева [11].

Дискуссии подобные рассматриваемой можно обогатить в литературе и в отношении существования самостоятельных видов юридической ответственности в рам-

как «новых» правовых отраслей, которые принято называть «комплексными». Данное обстоятельство позволяет предположить, что здесь мы сталкиваемся с правовым явлением, которое можно было бы назвать комплексной (называемой также межотраслевой) юридической ответственностью. Каждая отрасль права должна подразумевать существование собственной внутренней структуры, системы правил, выполняющей разнообразные задачи, в том числе, и охрану регулятивных норм данной отрасли от их нарушений на практике. Центральным элементом подобных охранительных механизмов традиционно является институт юридической ответственности. Наличие данного института, в числе прочих признаков, может служить показателем завершения оформления новой отрасли в системе права. Будучи институтом конкретной отрасли, юридическая ответственность должна отвечать в данном случае и конкретным отраслевым особенностям, быть тесно связана с методом правового регулирования, распространяться на защиту определенного круга общественных отношений. Логично, что если какая-то отрасль права носит комплексный характер, то и институт ее юридической ответственности будет обусловлен взаимосвязью административной, уголовной, гражданско-правовой и иных выделяемых в настоящее время отраслевых видов юридической ответственности, хотя, безусловно, будет иметь и свои, более или менее существенные особенности, отличающие его от юридической ответственности в других отраслях права.

Объединяющим началом института юридической ответственности являются однотипные нормы данного института, предусматривающие меры государственного принуждения. Достаточно оправданным мы считаем предположение, в соответствии с которым «признак, характерный для института юридической ответственности, содержится в наличии системы однотипных норм (норм юридической ответственности), в санкциях которых формулируются меры юридической ответственности» [12]. Норма любой правовой отрасли обязательно включает три элемента: третий элемент – санкция – является основанием применения соответствующего – отраслевого вида юридической ответственности. Как указывает по этому поводу А.А. Мусаткина (рассматривающая проблему ответственности в финансовом праве) соответствующая отраслевая норма является формальным основанием отраслевого вида ответственности [13]. Общая неразвитость конкретной правовой отрасли, реализация в ее рамках (при непосредственном правоприменении) норм иной отраслевой принадлежности, обуславливает и применение мер юридической ответственности из иных отраслей права, которое в литературе иногда называют субсидиарным [14].

Можно отметить, таким образом, что проблема выделения новых видов юридической ответственности в рамках соответствующих отраслей права представляет в настоящее время значительный интерес, что обусловлено

как теоретическими предпосылками данного явления, так и тем положительным эффектом, который подобное выделение могло бы принести на практике.

Работа выполнена в рамках проекта МК-3253.2017.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанник А.И. К разработке общесоюзного правового акта об охране природы в СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 4. С. 3–11.
2. Джалилов Э.А. Конституционно-правовая ответственность политической партии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 59–60.
3. Козлова Е.А. Законодательные акты в аграрной сфере правительства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 46–49.
4. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Пресс, 2004. 357 с.
5. Гончарова Е.А. Административно-правовая ответственность за экологические правонарушения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 27–30.
6. Меньшиков В.В. Экологическая ответственность и экологическое страхование в России // Вестник экологического образования в России. 2011. № 1. С. 19–21.
7. Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 29–39.
8. Ивакин В.И. К вопросу формирования концепции юридической ответственности за земельные экологические правонарушения // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. Т. 1. № 9-1. С. 77–80.
9. Николаев А.В., Засорина Т.Д. Юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2011. № 1. С. 156–166.
10. Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 29–39.
11. Андреева Л.В. Особенности права экологической ответственности и экологического страхования в России // Вологодские чтения. 2006. № 56. С. 4–6.
12. Джалилов Э.А. Юридическая ответственность политических партий как межотраслевой институт права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 131–134.
13. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Тольятти: ВУиТ, 2003. 179 с.
14. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград: Калинингр. ун-т, 1996. 77 с.

ABOUT THE PROBLEM OF INTERINDUSTRY (COMPLEX) TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY

© 2017

A.A. Ivanov, associate Professor, Candidate of Legal Sciences
Volga Region State University of service, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; types of legal responsibility.

Abstract: In article the problem of existence of interindustry (complex) types of legal responsibility is considered.

К.С. Логинов, магистрант
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; мошенничество в сфере кредитования; кредитное мошенничество.

Аннотация: В методике расследования кредитного мошенничества важное место занимает криминалистическая характеристика этого вида мошенничества. Количественное и качественное разнообразие способов совершения кредитного мошенничества требует тщательного их изучения. Нами определено понятие криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования, исследованы способы совершения этого преступления, включая подготовку, совершение и сокрытие преступного деяния, дана их классификация.

ВВЕДЕНИЕ

Вступление России в эпоху рыночных отношений создало новые возможности для страны и ее граждан. Это справедливо относится как к законопослушным гражданам, так и к нарушителям закона. Появление новых разновидностей преступлений в сфере экономики потребовало от государства адекватно ответить на меняющиеся реалии. Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс РФ [1] (далее – УК РФ) был дополнен специальными составами, предусматривающими ответственность за мошеннические деяния. Среди них наиболее широкое распространение получила статья 159.1 УК РФ, предусматривающая наказание за мошенничество в сфере кредитования. По данным, предоставленным начальником управления правовой статистики Генпрокуратуры РФ Олегом Инсаровым, за 2014 год максимальное число мошенничеств приходилось на сферу кредитования и составляло 11 тысяч преступлений [2]. В современный период тенденция сохранилась. Мошенники, действующие в сфере кредитования, подрывают нормальное функционирование всего банковского сообщества, доверие к нему со стороны граждан, а значит, для оздоровления кредитно-банковской сферы решающую роль играют уголовно-правовые меры воздействия.

Исследованию феномена кредитно-банковской преступности в современный период посвятили свои работы Д.И. Аминов, В.К. Гавло, В.А. Гамза, О.В. Кругликова, В.Д. Ларичев, П.А. Скобликов, Е.А. Тюлеева, И.И. Якушева и др. Расследование такого рода преступлений представляет значительную сложность и закономерно, что в методике расследования важное место занимает криминалистическая характеристика преступлений. Данное исследование имеет своей целью изучение криминалистической характеристики кредитного мошенничества и ее элементов. Знание криминалистической характеристики преступлений сильно упорядочивает работу следователя по определению направлений расследования, выдвигению наиболее перспективных версий, эффективному и действенному планированию процесса расследования [3, с. 99].

ИССЛЕДОВАНИЕ

Обратим внимание на общие положения категории «криминалистическая характеристика преступления» и их отражение в криминалистической характеристике мошенничества в сфере кредитования.

Понятие, структура, значение криминалистической характеристики преступлений находится в центре внимания криминалистов уже более полувека. До середины 70-х годов прошлого века в криминалистике, считавшейся прикладной по отношению к уголовному процессу наукой, для структурирования признаков и характерных черт преступного деяния, имеющих значение для рас-

следования уголовного дела, применялась уголовно-процессуальная категория «обстоятельства, подлежащие доказыванию». Однако по мере систематизации и накопления знаний о криминалистически значимых чертах и особенностях в методах расследования отдельных видов преступлений появилась насущная потребность формирования собственно криминалистической характеристики преступления. Большое значение криминалистической характеристики преступления проявляется в том, что она выступает научно-информационным базисом деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений отдельных видов. Под целью криминалистической характеристики понимается, как правильно пишет Р.Л. Ахмедшин, «систематизация значимых для криминалистической характеристики элементов, свойственных для преступного деяния и имеющих значение для оптимизации расследования преступления» [4, с. 11]. Предполагается, что А.Н. Колесниченко и Л.А. Сергеев первыми в научных кругах стали применять данный термин. А.Н. Колесниченко отмечал, что к наиболее важным проблемам, относящимся ко всем частным криминалистическим методикам, выступает «общая криминалистическая характеристика преступления» [5, с. 10–14]. Л.А. Сергеев данный термин раскрывал с помощью определения характерных особенностей преступлений, которые имеют значение для следственной практики, практике оперативных органов, а также для выработки научных рекомендаций. Ученый полагал, что содержание криминалистической характеристики преступления сочетает в себе данные о способе совершения преступления, а также обстановку и условия, при которых исполняется преступное деяние [6, с. 473]. Другим правоведом, внесшим значительный вклад в развитие данного понятия, является Н.П. Яблоков, занимающийся криминалистической характеристикой преступления с семидесятых годов двадцатого века. По мнению автора, криминалистическая характеристика преступного деяния является системой описания криминалистически значимых видовых, групповых признаков, а также признаков отдельного преступления, которые проявляются в особенностях способа, обстановки и механизма его осуществления. Криминалистическая характеристика создается, чтобы дать понятие о преступном деянии, личности лица, совершившего его и других не менее важных обстоятельствах. [7, с. 112].

Р.С. Белкин в содержании криминалистической характеристики преступлений выделял сведения о способах совершения, подготовке и сокрытия преступления и характерных исходах такого сокрытия, о предполагаемой личности злоумышленника и вероятных мотивах его поведения. Также автором выделялась информация о характерных обстоятельствах совершения преступного деяния, которые включают в себя место, время, обстановку, причем данные элементы должны складываться в определенную систему [8, с. 215]. С.П. Митричев также полагал,

что необходимо в состав криминалистической характеристики преступления включать наибольшее количество его характерных признаков. Данные признаки могут проявляться в способах совершения преступления, в криминальных связях, навыках злоумышленников [9, с. 28]. С позиции совокупности представлений об определенном виде или группе преступлений, выступающих значимым элементом методики расследования, криминалистическую характеристику рассматривала Е.В. Цыпленкова [10, с. 333]. Такой же позиции придерживался и И.Ф. Герасимов [11, с. 333].

Г.А. Густов отмечал, что криминалистическую характеристику преступления должно трактовать как «основанное на практике следственных и оперативных органов и криминалистических исследованиях описание преступного деяния как реально существующего феномена, который имеет своей целью оптимизирование процесса расследования и раскрытия преступления и решения задач правосудия» [12, с. 44]. В.В. Ключков криминалистическую характеристику определял как совокупность сведений о непосредственном объекте преступного посягательства; обстановке; особенностях личности злоумышленника; а также о способах совершения и [13, с. 24].

Исследуя проблемы криминалистической характеристики, Р.С. Белкин высказывал сомнения в необходимости криминалистической характеристики, отмечая, что она «... не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию», поскольку имеет место злоупотребление при формировании криминалистических характеристик отдельных видов преступлений сведениями уголовно-правового и криминологического характера, а также недостаточное раскрытие взаимных связей и зависимостей между элементами таких характеристик [14, с. 223].

На наш взгляд, отказ от криминалистической характеристики представляется нецелесообразным, так как пока ей нет реально значимой замены, признаваемой учеными и практиками. Критика свидетельствует больше о качестве разработки криминалистической характеристики, чем о проблеме ее существования в целом.

Полагаем, что под криминалистической характеристикой преступления можно понимать основанную на научной и практической деятельности систему представлений о криминалистически значимых признаках преступления, которые проявляются в особенностях способа, обстановки и механизма его совершения и личности преступника и имеют своим предназначением оптимизирование процесса раскрытия и расследования преступления, а также решения задач правосудия.

Соответственно, криминалистическая характеристика мошенничества в сфере кредитования – это система представлений о криминалистически значимых признаках кредитного мошенничества, проявляющихся в особенностях способа, обстановки, механизма совершения, личности преступника и имеют своим предназначением оптимизирование процесса раскрытия и расследования этого преступления, а также решения задач правосудия.

Анализ судебных решений по уголовным делам о мошенничестве в сфере кредитования, рассмотренным в судах Самарской области за период с 2014 по 2016 год, позволяет прийти к выводу, что базисными элементами криминалистической характеристики кредитного мошенничества являются данные о способе преступления, в который входят подготовка к совершению преступления, непосредственно само совершение и сокрытие преступного деяния, а также данные о личности преступника. Эти элементы, будучи взаимозависимыми и взаимосвязанными, представляют собой основу криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования.

Способ совершения мошенничества в сфере кредитования представляет собой совокупность противоправных и взаимосвязанных действий (либо бездействий) заемщика, состоящих в обмане банка или иной кредитной организации с целью получения кредита, в том числе государственного целевого, с последующим использованием его не по назначению, либо злостного уклонения от погашения задолженности, возникшей из такого кредита. Данное преступление совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Как правило, деяние совершается активным действием.

Мошенничество в сфере кредитования состоит в том, что субъект обращается в банк или к другому кредитору с просьбой о выдаче кредита, осознавая при этом, что его материальное состояние не позволяет ему рассчитывать на одобрение выдачи кредита, при этом преступник сообщает ложные либо недостоверные сведения. К ним может относиться любая информация, оговоренная условиями кредитования и официально переданная заемщиком кредитору [15, с. 115].

Можно выделить несколько способов совершения мошенничества физическими лицами:

- использование поддельных документов, удостоверяющих личность, таких, как паспорт, водительское или пенсионное удостоверение;
- использование поддельных документов, подтверждающих материальную обеспеченность лица, берущего кредит (справка по форме 2-НДФЛ, сведения об индивидуальном счете застрахованного лица из ПФР РФ);
- получение кредита через подставных лиц, с использованием подлинных документов, путем введения в заблуждение владельца относительно намерения выплачивать кредит;
- получение кредита самими владельцами паспортов с дальнейшим отказом от факта получения кредита;
- использование украденных, в том числе, потерянных владельцами кредитных карт (находящиеся на кредитной карте денежные средства ее владелец может обналичить в банкоматах или приобрести товар на установленную сумму в магазинах, с которыми у банка есть соответствующее соглашение);
- совершение мошеннических действий работниками банков и иных кредитных организаций путем получения кредита по украденным или поддельным документам;
- злоупотребление доверием сотрудников банка при положительной кредитной истории [16, с. 88].

В приговоре Промышленного районного суда г. Самары от 13 августа 2015 г. по делу № 1-454/2015 отражена довольно типичная ситуация совершения мошенничества в сфере потребительского кредитования.

Обвиняемый К., предоставив сотрудникам кредитного учреждения, поддельную справку о доходах физического лица формы 2-НДФЛ, содержащую заведомо ложные и недостоверные сведения об осуществлении им трудовой деятельности и наличии официального источника дохода, заполнил заявку на получение кредита, в которую внес заведомо ложные данные о работе в должности инженера-технолога и размере своего среднемесячного дохода.

Получив сообщение от банка об одобрении сделки, К. прибыл в кредитно-кассовый отдел банка, где подписал заявление заемщика и подтвердил факт заключения договора о комплексном банковском обслуживании физических лиц. Одновременно с этим, во исполнение индивидуальных условий договора потребительского кредита, предусматривающего выдачу кредита наличными, банком на имя К. был открыт счет и на него были зачислены денежные средства. Реализуя преступные намерения, направленные на хищение денежных средств заемщиком путем представления банку заведомо ложных и недостоверных сведений, К., действуя в целях личного незаконного обогащения, используя полученную банковскую карту через платежный терминал получил на-

личные денежные средства, которые незаконно и безвозмездно обратил в свою пользу [17].

И.И. Звезда указывает, что из трех элементов способа преступления (подготовка, совершение, сокрытие) в науке в настоящее время наиболее обстоятельно изучен способ совершения преступления, а способы сокрытия, особенно в аспекте противодействия расследованию преступлений, а равно и способа подготовки, требуют дальнейшего изучения [18, с. 207].

По своей сущности меры по сокрытию мошенничества, прежде всего, направлены на:

1) ликвидацию любых сведений о совершенном мошенничестве. Такими сведениями чаще всего выступают поддельные документы; поддельные, но оказавшиеся непригодными для использования документы; части или все похищенное имущество; орудия и другие средства; другие вещественные доказательства;

2) подделку и фальсификацию. Во-первых, злоумышленник сообщает о себе выдуманную информацию – фамилию, место проживания, место работы и занимаемой должности, профессию. Во-вторых, приобретает чужие или изготавливает подложные документы, с тем, чтобы в дальнейшем их предоставить жертве мошенничества. В-третьих, лицом могут совершаться действия, направляющие следствие по ложному пути, в том числе продумывание ложного алиби или ложного сообщения о хищении паспорта. Например, в практике расследования бывают случаи, когда мошенник предоставляет заемщику фальсифицированные квитанции об оплате платежей по кредиту;

3) маскировку, предполагающую изменение признаков внешности, голоса и речи и т. д.;

4) устранение возможности потерпевшим осуществления своих прав. Так, например, под предлогом необходимости самостоятельного погашения кредита мошенник забирает у заемщика документы по уже полученному потребительскому кредиту;

5) совершение иных действий, непосредственно не являющихся сокрытием криминалистически значимой информации, но создающих для этого предпосылки. К числу таких действий можно отнести умалчивание о замысле совершить мошенничество, обещание сотрудникам кредитной организации своевременно погасить кредит, смена места времяпрепровождения или места постоянного пребывания заемщика, создание алиби и т. д.;

6) создание имиджа добросовестного плательщика. Для того, чтобы у банковских сотрудников создалось впечатление о лице как о благонадежном клиенте и не вызывало опасений, что кредит впоследствии данным лицом будет оплачиваться, мошенник вносит в кассу магазина требуемый процент от стоимости покупаемого товара в кредит либо в дальнейшем проводит несколько платежей в счет погашения кредита, подтверждая тем самым свою мнимую благонадежность. Впоследствии оплата по кредиту не осуществляется [19, с. 90–91].

Так, например, из материалов уголовного дела № 22-5851/2015 видно, что осужденный для создания видимости гражданско-правовых отношений осуществлял частичное погашение кредита, чем пытался скрыть следы своих противоправных действий. Он хранил на счетах в банке часть денежных средств для возврата по условиям договора, чем создавал видимость надлежащего выполнения условий договора. Апелляционным определением Самарского областного суда от 6 ноября 2015 г. по этому уголовному делу было установлено, что факт открытия нескольких счетов в различных банках на одну и ту же фирму также свидетельствовал о создании М. условий для осуществления умысла на мошеннические действия. Суд акцентировал внимание на то, что осужденный перечислял денежные средства с одного счета на другой, с одной фирмы на другую, создавал препятствия для проследования денежных средств на счетах фирм [20].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Предложенное нами понятие криминалистической характеристики в сфере кредитования основано на общем понятии криминалистической характеристики преступлений и отражает существенные черты такой характеристики. Классификация способов совершения кредитного мошенничества по совершению преступления и его сокрытию позволяет раскрыть криминалистическую сущность этого вида мошенничества и определить наиболее вероятные пути поиска доказательств этого преступного деяния, а также направления предупреждения мошеннических действий при получении кредитов. Кредитно-банковским структурам следует совершенствовать практику рассмотрения и проверки кредитных заявок, установить жесткий и эффективный контроль за деятельностью сотрудников, имеющих непосредственный доступ к одобрению этих заявок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017 // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
2. Генпрокуратура РФ создает единую онлайн-базу преступлений // ТАСС: информационное агентство России. URL: tass.ru/obschestvo/1578889.
3. Асочаков А.А. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере банковской деятельности: основные аспекты, особенности, возможности прогнозирования // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 2. С. 98–105.
4. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск: ТомГУ, 2005. 211 с.
5. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
6. Сергеев Л.А. Руководство для следователей. М.: Госюриздат, 1971. 473 с.
7. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1979. Вып. 30. С. 110–122.
8. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.
9. Митричев С.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища шк., 1973. Вып. 10. С. 27–33.
10. Герасимов И.Ф., Цыпленкова Е.В. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика. М.: Юрист, 1994. С. 333–336.
11. Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М.: Высш. шк., 1994. 672 с.
12. Густов Г.А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М.: Юрид. лит., 1984. С. 44–50.
13. Клочков В.В. Криминалистическая характеристика преступлений: состояние и перспективы исследований // Криминалистическая характеристика преступлений. М.: ВИИПиПП, 1984. С. 24–27.
14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. 224 с.
15. Паутова Э.В. Квалифицированные виды мошенничества. Практический комментарий. М.: Право Доступа, 2015. 213 с.
16. Агафонов В.В., Беляков А.А., Бурнашев Н.А. Криминалистическая методика для дознавателей. М.: Юрайт, 2015. 414 с.

17. Приговор Промышленного районного суда г. Самары от 13 августа 2015 г. по делу № 1-454/2015 // Официальный сайт Промышленного районного суда г. Самары. URL: promyshleny.sam.sudrf.ru.
18. Звезда И.И. Способы сокрытия и иное противодействие расследованию преступлений, совершенных в банковской сфере путем мошенничества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2007. № 1. С. 180–185.
19. Гавло В.К., Кругликова О.В., Якушев И.И. О совершенствовании криминалистической методики предварительного и судебного следствия по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере кредитования физических лиц // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1. № 2. С. 90–94.
20. Апелляционное определение Самарского областного суда от 6 ноября 2015 г. по делу № 22-5851/2015 // Самарский областной суд: официальный сайт. URL: oblsud.sam.sudrf.ru.

TO THE QUESTION OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CREDIT FRAUD

© 2017

K.S. Loginov, graduate student
Samara State Economic University, Samara (Russia)

Keywords: criminalistic characteristic; fraud in the sphere of crediting; credit fraud.

Abstract: In a technique of investigation of credit fraud the important place is taken by the criminalistic characteristic of this type of fraud. A quantitative and qualitative variety of ways of commission of credit fraud demands their careful studying. We defined a concept of the criminalistic characteristic of fraud of the sphere of crediting, ways of commission of this crime, including preparation, commission and concealment of criminal action are investigated, their classification is given.

А.С. Лукомская, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовный процесс и правоохранительная деятельность»
Удмуртский государственный университет, Ижевск (Россия)

Ключевые слова: историко-правовой анализ; преступление; правовое положение; потерпевший; уголовное судопроизводство.

Аннотация: Статья посвящена исследованию тенденций развития правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве России. С использованием метода феноменологической характеристики, а также метода диалектики, с присущим ему принципом историзма, выделен период развития правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве России с 1917 г. по 2017 г.

Результаты исследования показали, что нормы, регламентирующие правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве России отражают многочисленные особенности и специфику происходящих экономических, социальных, политических и культурных трансформаций и преобразований в человеке, обществе и государстве. Ослабление внимания к обеспечению реализации процессуального статуса потерпевшего происходило закономерно во времена радикальных преобразований и перемен, например, в происходящих в период разрушения Российской Империи, во времена формирования тоталитарного государства и др. В свою очередь, положительная динамика развития правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве наблюдается при последовательном, постепенном и соразмерном правовым реалиям подходе к преобразованиям.

Достижение поставленных в исследовании целей и задач зависит от использования философских, исторических и правовых методов исследования.

Феноменологическая характеристика социального явления «потерпевший» представляет собой формирование особенностей его трансформации на различных исторических этапах развития человека, общества и государства, которая отражает взаимообусловленность его содержания тем формам политической, экономической, социальной и культурной жизни, которые составляли конкретный исторический период развития человеческого, общественного и государственного сознания.

Метод диалектики, с присущим ему принципом историзма, позволяет выделить условный исторический период развития правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве России с 1917 г. по настоящее время. Начало выбранного временного промежутка характеризуется известными событиями, в которых на фоне партийных столкновений, с противоположными, противоречивыми идеями государственного преобразования, в условиях назревания нового политического кризиса в России, с силовым вариантом удерживания власти, припирая те самые горячо отстаиваемые буржуазные ценности, государство столкнулось с февральской революцией 1917 г. Принятые в это время Декреты [1] предусматривали в качестве обвинителей граждан мужского и женского пола, которые не были опорочены, включая также потерпевших, разделяли общегражданское обвинение и частное.

В УПК РСФСР 1922 г. [2] законодатель в основу возбуждения уголовного преследования также предусматривал жалобу потерпевшего. Как полноправный участник уголовного судопроизводства, потерпевший выступал частным обвинителем и гражданским истцом, в остальном, его правовое положение можно охарактеризовать как приравненное к свидетелю. Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела за примирением сторон ставилось в зависимость от публичного интереса. Потерпевший ограничивался в праве заявлять ходатайство о назначении нового производства экспертизы (ст. 177); дополнить предварительное следствие (ст.ст. 211, 212) и др.

В УПК РСФСР 1923 г. [3] правовое положение потерпевшего сохраняло прежние границы, в которых потерпевший не мог в полной мере защитить свои права по восстановлению нарушенного преступлением права, не имел возможности активно участвовать в уголовном процессе. В стадии предварительного следствия потерпевший мог реализовать свое право на заявление хода-

тайства о допросе экспертов, свидетелей и сборе иных доказательств, которое ограничивалось условием обоснования доказательств как имеющих значение для уголовного дела (ст. 112). Отказ в удовлетворении заявленного потерпевшим ходатайства обеспечивался правом принести жалобу на действия (бездействия) и решения следователя (ст. 212 УПК РСФСР). Границы правового положения потерпевшего в судебном следствии были смещены до прав и обязанностей свидетеля, что ярко проявлялось через ключевое право потерпевшего быть допрошенным. Возможности задавать вопросы обвиняемым и свидетелям потерпевший был лишен, как и участвовать в исследовании собранных по уголовному делу доказательств. Такое сужение правового статуса потерпевшего в значительной степени влияло на его возможности реально влиять на исход уголовного дела, на восстановление прав, нарушенных преступлением. Указанный период значительно затормозил развитие института потерпевшего в уголовном судопроизводстве России.

Конституции РСФСР 1925 г. [4] и Конституции РСФСР 1937 г. [5], которые не предусматривали прямого права потерпевшего на защиту государства. Однако уже первая редакция Конституции РСФСР 12.04.1978 г. [6], наполненная идеями научного коммунизма, в соответствии со ст. 55 ставила уважение личности, охрану прав и свобод граждан в обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. В свою очередь граждане РСФСР получили право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество. Последняя редакция Конституции РСФСР 1978 г. [7] в ст. 64 гарантировала охрану жертв преступлений и злоупотреблений властью и регламентировала корреспондирующую обязанность государства по обеспечению доступа граждан к правосудию и скорейшую компенсацию за причиненный преступлением ущерб.

Отдельные конституционные положения нашли отражение в Основах от 25 декабря 1958 г. [8], а позже в УПК РСФСР 1960 г. [9], существенно изменив процессуальный статус потерпевшего. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», в первой своей редакции, выделял в качестве задач: способствование укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов

и уважения правил социалистического общежития. Положения ст. 24, под потерпевшим указывали лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Правовое положение лица, признанного потерпевшим, или его представитель включало право давать показания по делу; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия; участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления народного суда. В случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, потерпевший имел право в судебном разбирательстве лично или через своего представителя поддерживать обвинение. [10]

Положения УПК РСФСР 1960 г. [11] очерчивали порядок производства по уголовным делам на территории РСФСР. Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и УПК РСФСР. Согласно ст. 23 Основ, ст. 53 УПК 1960 г., потерпевшим признавалось лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Положения ст. 24 Основ уточняли, что данное право имеет только гражданин, который признан в качестве потерпевшего от преступления, – физическое лицо, в случае же причинения имущественного вреда юридическому лицу оно может являться только гражданским истцом. Пострадавший своим заявлением просил признать его в качестве потерпевшим, либо государство проявляло такую инициативу. В результате основанием признания лица потерпевшим являлось мотивированное постановление (определение) следователя, органа дознания, прокурора, суда.

Произошло закрепление права потерпевшего защищать свои нарушенные преступлением законные интересы. Потерпевший был признан участником уголовного судопроизводства, однако его права, находились в границах, предусмотренных ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., целей советского уголовного судопроизводства: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

УПК РСФСР 1960 г. не предоставлял потерпевшему (несовершеннолетнему) право знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, которое в настоящей редакции УПК РСФСР регламентировано п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, ч. 2 ст. 198 УПК РФ. Потерпевший мог выступать в прениях лишь в рамках рассмотрения определенных видов преступлений, либо подсудных суду с участием присяжных заседателей. Процессуальными правами, предусмотренными ч. 2 ст. 24 Основ; ч. 2 ст. 53, ст. 136, ч. ч. 1-3 ст. 200 УПК РСФСР могли воспользоваться потерпевший или его представитель, что также ограничивало процессуальные возможности потерпевшего и вызывало закономерную критику со стороны ученых и правоприменителей. Эти и другие правовые недоработки и несовершенства были устранены важным, с точки зрения развития правового положения потерпевшего, Постановлением Пленума ВС СССР от 01 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Постановлением просматривались тенденции развития правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Признание, обеспечение, строгое соблюдение предусмотренных законом прав потерпевшего рассматривались как условия выполнения задач право-

судия, установления истины по делу и постановлению законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Несоблюдение прав потерпевших судами выражалось через не реагирование на допускаемые органами дознания и предварительного следствия нарушения процессуальных прав потерпевших; не разъяснение потерпевшему и его представителю права участвовать в судебном разбирательстве, заявлять и поддерживать гражданский иск, обжаловать судебное решение; не обеспечение возможности реализации прав потерпевших в полном объеме. Кроме того, на суд возлагалась обязанность по проверке сведений о том, все ли лица, которым преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, признаны потерпевшими по делу, а также сведений о необоснованном признании лица потерпевшим.

Характерной особенностью, отражающей политические, социальные, экономические и культурные идеи советского государства, явилось то, что суд давал оценку действиям потерпевших, которые были направлены на предотвращение и пресечение правонарушений, задержание и разоблачение преступников. В этом случае судам надлежало выносить частные определения о проявленном потерпевшими мужестве и гражданской активности, информировать об этом общественность через местную печать, радио, телевидение. Суд принимал предусмотренные законом меры реагирования на неправильные действия потерпевшего, способствовавшие совершению преступления.

Исходя из анализируемого Постановления, трансформация границ институт потерпевшего произошла за счет указания на признание потерпевшим вне зависимости от его возраста, физического или психического состояния. Кроме того, с выделением понятия «фактическое причинение вреда» потерпевший приобрел свой статус по делам о приговоре к преступлению или покушению на совершение преступления. Однако при всех положительных моментах, не получило своего развития признание потерпевшим юридического лица.

К принятию Конституции РФ [12], в УПК 1960 г. было внесено более четырехсот изменений, которые в своей совокупности не могли устранить существующие противоречия с конституционными положениями, устанавливающими основополагающую норму демократического правового государства, согласно которой, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Появилась объективная потребность в судебной реформе.

Принятый в 2001 г. УПК РФ [13] назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) определил защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. За пятнадцать лет применения норм УПК РФ учеными и практиками выделены ряд серьезных концептуальных ошибок, различного уровня и характера, которые в целом можно привести к следующему обобщающему перечню:

1) не предложена, не создана и не обоснована концепция построения уголовно-процессуального законодательства;

2) не удалось избежать перекоса в сторону активизации обвинительного уклона, что отразилось на неравных условиях для стороны обвинения и защиты, а внесенные за последние годы поправки все больше отвечают потребности укрепления позиции государства в уголовно-процессуальных отношениях;

3) нельзя утверждать, что действующим уголовно-процессуальным законодательством, в полной мере, достигнут разумный баланс соблюдения и реализации прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечено достижение целей правосудия и др.

Как верно отметил А.В. Измайлов «правовая реальность как совокупность правовой действительности и правовой деятельности формируется под воздействием множества факторов политико-правового, экономического, социокультурного характера не остающихся неизменными на различных этапах развития общества и государства» [14, с. 4].

Специально не выделяя и не характеризуя эти факторы, позволим себе отметить, что и на современном этапе развития государства, общества и личности, указанные несовершенства взаимозависимы и взаимообусловлены, и соответственно закономерно влияют на развитие правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве, которое требует детального осмысления и последовательного, поэтапного, комплексного изменения. В списке известных теории и практике проблем, находящихся в границах правового положения потерпевшего, содержатся проблемы:

- формирования дефиниции потерпевшего;
- определения уголовно-процессуальных функций потерпевшего;
- порядка признания лица потерпевшим;
- обеспечения прав и свобод лица, не признанного потерпевшим, в стадии возбуждения уголовного дела;
- правового и организационного участия потерпевшего в процессе доказывания по уголовному делу;
- эффективности деятельности следователя по возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением;
- связанные с правовыми и организационными вопросами представительства интересов потерпевшего от преступления;
- участия потерпевшего от преступления в производстве отдельных следственных действий;
- обеспечения прав потерпевшего от экологического преступления при прекращении уголовного дела и многие другие.

Историко-правовой анализ правового положения потерпевшего позволяет сформировать ряд выводов:

1) нормы, регламентирующие правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве России отражают многочисленные особенности и специфику происходящих экономических, социальных, политических и культурных трансформаций и преобразований в человеке, обществе и государстве;

2) ослабление внимания к обеспечению реализации процессуального статуса потерпевшего происходило закономерно во времена радикальных преобразований и перемен, например, в происходящих в период разрушения Российской Империи, во времена формирования тоталитарного государства и др. В свою очередь, положительная динамика развития правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве наблюдается при последовательном, постепенном и соразмерном правовым реалиям подходе к преобразованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декрет СНК РСФСР «О суде» № 1, принятый 24 ноября 1917 г.; Декрет СНК РСФСР «О революционных трибуналах» от 04 мая 1918 г., Декрет СНК РСФСР с Положением о полковых судах от 10 июля 1919 г. // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
2. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
4. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
5. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
6. Конституция РСФСР 1978 г. введена в действие с 12 апреля 1978 г. Декларацией ВС РСФСР от 12.04.1978 г. в порядке, установленном Законом РСФСР от 12.04.1978 г. // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
7. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России: принята ВС РСФСР 12.04.1978 г. // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
8. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960: ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002: с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002 // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
10. Закон СССР от 25.12.1958: ред. от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960: ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002: с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002 // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
14. Измайлов А.В. Генезис охранительных правоотношений в контексте социодинамики правовой реальности: историко-теоретическо-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 186 с.

**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL STATUS
OF VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA**

© 2017

A.S. Lukomskaya, candidate of legal Sciences, associate Professor,
Department of criminal procedure and law enforcement
Udmurt State University, Izhevsk (Russia)

Keywords: historical and legal analysis; crime; legal status; victim; criminal proceedings.

Abstract: The Article is devoted to tendencies of development of legal position of victims in criminal proceedings of Russia. Using the method of phenomenological characteristics, as well as the method of dialectics with its inherent principle of historicism, a dedicated period of development of the legal position of victims in criminal proceedings of Russia from 1917 to 2017.

The results showed that the rules governing the legal position of victims in criminal proceedings of Russia reflect numerous characteristics and peculiarities of current economic, social, political and cultural transformations and changes in man, society and the state. The weakening of attention to ensuring the implementation of the procedural status of the victim occurred naturally in times of radical transformation and change, for example, occurring in the period of the destruction of the Russian Empire, during the formation of the totalitarian state. In turn, positive dynamics of development of the legal status of victims in criminal proceedings is observed in a consistent, incremental and commensurate with the realities of the legal approach to transformation.

Achieving the study goals and objectives depends on the use of philosophical, historical and legal research methods.

Н.А. Макарова, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: убеждение; принуждение; право; государство; воздействие; метод; соотношение; правомерное поведение.

Аннотация: В статье рассматривается проблема разграничения убеждения и принуждения как методов государственного и правового воздействия на общество, а также соотношение категорий «убеждение», «принуждение» и «понуждение» в юридической науке. Автор приходит к выводу о нецелесообразности введения в научный оборот категории «правовое понуждение».

Стремительно развивающиеся общественные отношения ставят перед юридической наукой все новые и новые задачи. За последние десятилетия произошли существенные изменения в понимании и трактовке многих общественно-политических процессов и природы государственно-правовых явлений. Вместе с тем в качестве ключевых методов правового и государственного воздействия по-прежнему называют убеждение и принуждение.

Однако необходимо заметить, что подходы к исследованию указанных методов не остаются неизменными. Правоведы все больше отходят от классической для отечественной юридической науки негативной оценки метода принуждения, приходят к пониманию взаимосвязанности и неразрывной связи убеждения и принуждения, имеющих одинаковую социальную ценность. Более того, можно вести речь о том, что в условиях современного правового государства «правовая организация изменяет качества принуждения, тем самым во многом сближая его с убеждением» [1, с. 69].

Расценивая указанные изменения однозначно положительно, мы считаем необходимым заметить, что такая тенденция породила еще одну не менее важную теоретическую проблему – проблему разграничения убеждения и принуждения. Причем данная проблема возникает прежде всего там, где встает вопрос о соотношении правового убеждения и правового принуждения, поскольку последнее, в отличие от принуждения государственного не всегда имеет налично-действующий характер.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что далеко не все специалисты считают возможным и необходимым производить логическое разграничение между государственным и правовым принуждением. Например, Д.Г. Нохрин пишет о том, что поскольку в правовом государстве каждое действие властного субъекта должно быть облечено в правовую форму, понятия «государственное» и «правовое» принуждение должны рассматриваться исключительно как тождественные [2, с. 25].

Однако такую позицию едва ли можно считать приемлемой. Так, несмотря на безусловно тесную взаимосвязь права и государства, их отождествление вряд ли было бы воспринято как соответствующее действительности хоть кем-то из современных исследователей. И это далеко неслучайно. Право и государство «идут рука об руку», решают общие цели и задачи, что не мешает им иметь собственные характеристики, функции, механизмы «работы» и прочее. Отсюда, безусловно, можно вести речь и об относительной самостоятельности правового и государственного убеждения и принуждения.

Если исходить из необходимости рассматривать правовое и государственное принуждение как синонимы перед наукой и практикой логичным образом возникает ряд вопросов. Речь, прежде всего, идет о том, как трактовать охранительное воздействие, которое присуще каждой правовой норме в силу ее принудительности, если субъект сделал в той иной степени осознанный выбор в пользу правомерного поведения, то есть если реальное осуществление государственного принуждения не произошло.

Можем ли мы полагать, что в данном случае действует метод убеждения? Думаем, что нет. Указанное утверждение кажется нам верным хотя бы потому, что далеко не все субъекты общественной жизни осознают необходимость и социальную ценность правомерного поведения. Многие по-прежнему ведут себя формально правомерно, опасаясь наказания, осуждения окружающих и т. д. А значит, о формировании убежденности в данном случае говорить нельзя. В итоге получается, что результативное правовое воздействие состоялось, но произошло оно не под влиянием государственного убеждения, ни под влиянием государственного принуждения. Причем данное обстоятельство было замечено не только нами.

В попытке разрешить наиболее сложные проблемные аспекты в соотношении между убеждением и принуждением, исходящими от права и государства, ряд ученых-юристов в качестве методов руководства обществом помимо убеждения и принуждения выделяет также правовое понуждение. Например, Е.А. Цыганкова полагает, что «...под понуждением следует понимать оказание психического воздействия на субъект путем издания правовой нормы, предписывающей обязательное поведение субъекта» [3, с. 40].

При этом ею подчеркивается, что: «В трудах ученых прошлого и настоящего времени понуждение довольно часто отождествляется с психическим принуждением, а сам термин «понудить» трактуется как принудить, заставить что-либо сделать, неволить, силить, подстрекать, понуждать лицо к действиям путем угроз, шантажа, с использованием власти, зависимости понуждаемого». В обоснование указанных выводов Е.А. Цыганкова приводит ссылки на ряд толковых словарей русского языка, в том числе словарей Б. М. Волина, Л.И. Скворцова, В.И. Даля, С.И. Ожегова, Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомирова и др. [3, с. 39–40].

Как мы видим, указанный подход подразумевает, что «правовое понуждение» занимает промежуточное положение между убеждением и принуждением, но поскольку оно опирается на такие методы как: угрозы, шантаж, использование власти и пр. данный метод, на наш взгляд, предстает гораздо более близким к принуждению, чем к убеждению.

Более того, можно вести речь о том, что поскольку понуждение представляет собой «оказание психического воздействия» при помощи «принудительных» методов, семантическая трактовка термина «понуждение» говорит о его близком, по сути синонимичном, характере с категорией «принуждение».

Вместе с тем причины постановки вопроса о наличии некоего промежуточного звена между государственным убеждением и государственным принуждением вполне понятны. В тех случаях, когда объектом анализа становится государственное принуждение, речь, прежде всего, идет о применении мер принуждения к конкретному лицу, в конкретной ситуации, связанной с противоправными проявлениями, значительной угрозой их возникновения, нарушением общественной безопасности.

В тоже время принудительность как один из ключевых признаков права предполагает, что соответствующее воздействие не обязательно носит сугубо физический, как принято говорить в последнее время, налично-действующий характер. Но означает ли это, необходимо введение в научный оборот категории «правовое понуждение»? Полагаем, что нет.

Вопрос о возможности использования термина «правовое понуждение» снимается сам собой, если предположить, что метод принуждения применительно к государству и праву может раскрываться в двух относительно автономных аспектах – правовом и государственном.

Причем на сегодняшний день можно вести речь о первостепенной роли именно правового (психического) принуждения. Соглашаясь с И.В. Максимовым, необходимо подчеркнуть, что метод принуждения прежде всего должен характеризоваться таким образом, чтобы использоваться не как инструмент прямого воздействия, т. е. физического, а косвенного – психического воздействия [4, с. 32]. «Основное назначение метода принуждения состоит в том, чтобы угрозой наступления невыгодных последствий предотвратить нарушение установленных правил» [5, с. 73].

Однако, признавая роль принуждения как инструмента психического воздействия, И.В. Максимов вместе с тем полагает, что декларирование такой цели принуждения как стремление предотвратить нарушение установленных правил угрозой наступления невыгодных последствий приложимо скорее к методу убеждения. По его мнению, невозможность соотнесения указанного механизма с природой принуждения обусловлена тем, что в таком случае принуждение не отвечает критериям наличности, непосредственности и реальности принуждения как фактического государственно-властного воздействия [4, с. 31].

В связи с этим считаем необходимым сделать отсылку к научной позиции И.С. Самошенко, озвученной еще в 60-х годах прошлого века. В статье «Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве» он отмечает, что средствами специфическими именно для убеждения представляются убеждение именно словом, образом, но не наказанием и другими подобными средствами. Использование таких средств достигает той же цели, что и убеждение (кроме, конечно, специфических для них других целей), но опираются они на иные моменты человеческого поведения (например, страх наказания). Убеждение же осуществляется, к примеру, посредством указания целей и задач в преамбулах нормативно-правовых актов, широкого обсуждения законопроектов, публичной критики наиболее распространенных нарушений законности и т. п. [6, с. 14].

Отсюда алгоритм правового воздействия и осуществления государственной власти схематически может быть показан следующим образом. Прежде всего, государство действует на подвластных методом убеждения.

Далее воздействует психическое принуждение (правовое принуждение) правовой нормы. Затем, в случае необходимости, осуществляется физическое принуждение со стороны соответствующих органов государства. Наконец, вновь оказывает свое действие психическое принуждение как следствие физического принуждения государства [7, с. 26].

Как мы видим, и правовое (психическое) и государственное (физическое) принуждение, несмотря на их тесную взаимосвязь, имеют собственное содержание и значение. Более того правовое принуждение носит первичный характер по отношению к принуждению государственному. Последнее «начинает работать» в том случае, если меры правового принуждения по каким-либо причинам оказались неэффективными.

Теория права и государства как юридическая наука, основной задачей которой по-прежнему является выработка и (или) корректировка категориального аппарата юриспруденции, должна делать это в том числе с учетом правил максимально-возможной доступности и языковой экономии. Отсюда, введение в научный оборот неоправданно большого числа юридических терминов может стать «ахиллесовой пятой» не только юридической практики, которая подчас не способна их усвоить, но и самой науки, снижая теоретическую и практическую ценность юридических исследований. Таким образом, возможность логического разграничения правового и государственного принуждения позволяет ставить вопрос о целесообразности введения в оборот категории «правовое понуждение». Содержание данного явления вполне соотносится с теми категориями, которые уже давно были введены в юридической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козулин А.И. Принуждение в социальном регулировании: правовой аспект // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 65–70.
2. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 200 с.
3. Цыганкова Е.А. Принуждение как метод осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 205 с.
4. Максимов И.В. Административные наказания в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 482 с.
5. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
6. Самошенко И.С. Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 11–19.
7. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2. С. 15–26.

THE CORRELATION BETWEEN CATEGORIES “CONVICTION”, “COERCION”, “CONSCIENTIOUSNESS” IN A LEGAL SCIENCE

© 2017

N.A. Makarova, senior lecturers of the cathedra of Theory and History of State and Law
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, Samara (Russia)

Keywords: conviction; coercion; law; state; influence; method; correlation; lawful conduct.

Abstract: The article is devoted to the correlation between categories “conviction” and “coercion” as the methods of the state and law influence. Author comes to the conclusion that “conviction” and “coercion” are “self-sufficient” methods. For this reason introduction to the legal science category “conscientiousness” is not appropriate.

**МИРОТВОРЧЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ
ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ:
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

© 2017

З.Ш. Матчанова, кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры международного права
*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург (Россия)*

Ключевые слова: миротворчество; миротворческие операции; поддержание мира; предконфликтное миротворчество; миротворчество на стадии конфликта; постконфликтное миротворчество; международная безопасность.

Аннотация: В статье раскрываются механизмы поддержания международного мира и безопасности: превентивная дипломатия, миротворчество, поддержание мира, постконфликтное миростроительство. Операции по поддержанию мира осуществляются специальным подразделением – Департаментом операций по поддержанию мира. В статье раскрывается сущность миссии миротворцев ООН и приводится официальная информация ООН по исследуемому вопросу. Рассматриваются три основные стадии миротворчества и, соответствующие данным стадиям, различные меры и конкретные виды деятельности. Предконфликтное миротворчество реализуется через общие меры по предупреждению конфликтов, превентивные меры в формате санкций, превентивные военно-силовые меры, превентивные гуманитарные меры. Миротворчество на стадии конфликта реализуется через меры локализации конфликта, меры по защите и охране различных групп лиц и объектов, военно-силовые меры по прекращению конфликта. Постконфликтное миротворчество реализуется через меры по предотвращению возобновления конфликта и меры по восстановлению мирной инфраструктуры. В целом, миротворчество реализуется в форме проведения конкретных миротворческих операций, содержание и «параметры» которых могут быть различными. В статье высказывается мнение, что наиболее существенными критериями разграничения миротворческих операций являются: цель проведения, субъект, «выдавший» мандат, функции и состав привлеченного персонала. Отмечается, что в рамках международного миротворчества осуществляется содействие заключению соглашений между сторонами в целях постконфликтного развития мирных отношений, и указывается, что гарантами выполнения таких соглашений должны выступать, прежде всего, международные организации. Обозначаются виды деятельности, которые по существу предпринимаемых мер сходны с международным миротворчеством, но формально не являются таковыми.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы, связанные с международным миротворчеством, относятся к числу весьма актуальных (и при этом наиболее дискуссионных) в современном международном гуманитарном праве. Известно, что в настоящее время сложилось неоднозначное и зачастую довольно критичное отношение к международному вооруженному вмешательству. Основная причина такого отношения состоит в том, что во многих случаях за декларируемым стремлением к достижению мира и поддержанию безопасности и провозглашением «гуманитарных оснований» вмешательства скрываются строго прагматичные геополитические, «ресурсные», финансово-экономические и иные мотивации субъектов, в основе которых всегда лежат определенные национальные интересы или интересы отдельных «блоков» государств.

О дискуссионных вопросах, касающихся международного миротворчества, пишут разные авторы, в их числе: А.И. Никитин [1], И.А. Умнова [2], П.Г. Зверев [3; 4], Е.Б. Павлова [5], О.О. Хохлышева [6], Ю.Г. Зиновский [7], Р.Г. Кочетов [8], С.А. Шляков [9], С.И. Романчук [10], Ю.В. Запарий [11] и др. Кроме того, теме миротворчества посвящен ряд диссертаций [12; 13; 14]. С точки зрения более глубокого и всестороннего осмысления, пожалуй, «коренной» темы – темы «войны и мира», весьма интересны работы авторов, которые затрагивают такой сложный и многоплановый аспект, как религиозный [15; 16], включая работы историко-правовой тематики, позволяющие лучше понять роль и сущность религиозного фактора в ретроспективе и перспективе [17; 18].

Для юриспруденции ключевыми являются вопросы, связанные с правовой и организационной характеристикой изучаемых явлений и процессов, поэтому цель данной статьи состоит в исследовании организационно-правовых аспектов миротворчества в системе механизмов поддержания международного мира и безопасности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Программным документом в сфере миротворчества в рамках Организации Объединенных Наций является

доклад Генерального секретаря ООН «Повестка дня для мира» от 2 июля 1992 г., а также принятый в его развитие документ «Дополнение к Повестке дня для мира» от 25 января 1994 г. Названные документы очертили основные механизмы поддержания международного мира и безопасности, равно как и меры по восстановлению нарушенного мира в тех районах, где происходят вооруженные конфликты:

1) превентивная дипломатия – действия, направленные на предупреждение возникновения споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения;

2) миротворчество – действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению, главным образом с помощью таких мирных средств, которые предусмотрены в главе VI Устава ООН;

3) поддержание мира – обеспечение присутствия ООН в конкретном районе, которое, как правило, связано с развертыванием военного и/или полицейского персонала ООН, а нередко и гражданского персонала;

4) постконфликтное миростроительство – комплекс мер, направленных на разоружение ранее враждовавших сторон и восстановление порядка, хранение и возможное уничтожение оружия, репатриацию беженцев, консультационную поддержку для персонала по обеспечению безопасности и поддержку для его подготовки, надзор за проведением выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственных учреждений и содействие формальным и неформальным процессам политического участия.

Операции по поддержанию мира осуществляются специально созданным подразделением – Департаментом операций по поддержанию мира. Миротворцы ООН призваны обеспечивать поддержание режима прекращения огня и осуществлять контроль на границах, заниматься разоружением бывших комбатантов, содействовать примирению, способствовать доставке гуманитарной помощи, помогать беженцам и перемещенным лицам воз-

вращаться домой. На современном этапе число операций ООН по поддержанию мира увеличилось, а сфера их деятельности расширилась, что потребовало дополнительных финансовых и людских ресурсов. В настоящее время развернуто 16 миротворческих операций ООН. Следует отметить, что опыт операций ООН по поддержанию мира оказывает влияние на развитие международного права [19, с. 132–139], впрочем, как и опыт вооруженных конфликтов, который влияет, в частности, на международные договоры [20, с. 88–91].

Миротворчество может рассматриваться в узком и широком понимании: в узком смысле – как миротворчество, осуществляемое непосредственно в условиях текущего конфликта; в широком смысле – как миротворчество, реализуемое в условиях назревающего конфликта, который еще можно предотвратить, либо уже прекратившегося конфликта, когда необходимо ликвидировать его последствия и способствовать нормализации обстановки на постконфликтном пространстве.

Рассмотрим три основные стадии миротворчества, каждой из которых соответствует комплекс различных мер и конкретных видов деятельности [21, с. 407–436].

Первая стадия – предконфликтное миротворчество – реализуется через общие меры по предупреждению конфликтов, превентивные меры в формате санкций, превентивные военно-силовые меры, превентивные гуманитарные меры. Общие меры по предупреждению конфликтов включают: сбор и анализ информации о складывающейся обстановке, а также установление значимых фактов; содействие диалогу сторон, между которыми назревает конфликт; реализация дипломатических посреднических инициатив и др. Превентивные меры в формате санкций предполагают: экономические санкции (различные ограничительные меры в сфере торговли и финансов) и (или) политические санкции (приостановление членства в международных организациях или исключение из них, разрыв дипломатических отношений и проч.). Превентивные военно-силовые меры могут включать: пресечение поставок оружия в конкретный регион; разведывающее развертывание и разъединение позиций сторон в целях недопущения вооруженного столкновения и иные подобные меры. Превентивные гуманитарные меры могут быть самыми разнообразными: взятие под охрану объектов технической и социальной инфраструктуры, наиболее значимых для жизнеобеспечения населения; обеспечение охраны мест сосредоточения культурных ценностей; частичная эвакуация гражданского населения (при необходимости); продовольственная, медицинская, гуманитарная помощь населению и др.

Вторая стадия – миротворчество в условиях текущего конфликта – реализуется через меры по локализации конфликта, меры по защите и охране различных групп лиц и объектов, военно-силовые меры по прекращению конфликта. Меры по локализации конфликта включают: внешнее блокирование района конфликта; установление запрета полетов в районе конфликта; восстановление нарушенного режима государственных и административных границ; контроль над коммуникациями и др. Меры по защите и охране различных групп лиц и объектов подразумевают: защиту законных властей; защиту персонала дипломатических и переговорных миссий; защиту медперсонала, а также представителей неправительственных организаций в районе конфликта; охрану стратегических объектов в районе конфликта в целях недопущения их уничтожения или повреждения; защиту гражданского населения; создание охраняемых коридоров для доставки гуманитарной помощи. Военно-силовые меры по прекращению конфликта могут включать: создание «буферной зоны» с ее последующим расширением в целях поэтапного разъединения противоборствующих сторон; установление режима прекращения огня и контроль за его соблюдением; содействие установлению перемирия и контроль за его соблюдением; разоружение и ликвидация незакон-

ных вооруженных формирований в районе конфликта; создание охраняемых «зон безопасности» и лагерей для беженцев и прочее.

Третья стадия – постконфликтное миротворчество – реализуется через меры по предотвращению возобновления конфликта и меры по восстановлению мирной инфраструктуры. Меры по предотвращению возобновления конфликта могут включать следующее: организацию переговоров между сторонами о правовом закреплении прекращения конфликта и постконфликтном взаимодействии; содействие в поддержании безопасности в регионе в постконфликтный период; содействие в розыске и привлечении к ответственности военных преступников; содействие в постконфликтной реабилитации отдельных групп лиц (при необходимости) и др. Меры по восстановлению мирной инфраструктуры подразумевают: помощь в восстановлении технической и социально-экономической инфраструктуры; содействие проведению выборов под международным контролем (при необходимости), всесторонняя помощь в возвращении беженцев и перемещенных лиц и прочее.

Отдельно отметим, что в рамках международного миротворчества осуществляется содействие заключению соглашений между сторонами, в том числе, в целях постконфликтного развития мирных отношений, и гарантиями выполнения таких соглашений должны выступать, прежде всего, международные организации.

В целом, международное миротворчество может быть определено как целенаправленная деятельность государств и международных организаций по вмешательству в конфликты, направленная на их предотвращение, прекращение и (или) минимизацию негативных последствий, осуществляемая по мандату ООН или региональных организаций.

Есть немало видов деятельности различных субъектов, которые, по существу предпринимаемых мер, сходны с международным миротворчеством, но формально не являются таковыми, а именно:

1) деятельность отдельных государств по легитимному, т. е. основанному на специальном межгосударственном соглашении, вмешательству во внутренние дела других государств по просьбе их официальных государственных властей;

2) гуманитарная и иная общественно полезная деятельность представителей неправительственных организаций в регионах конфликтов.

Миротворчество реализуется в форме проведения конкретных миротворческих операций, содержание и «параметры» которых могут быть различными. На наш взгляд, наиболее существенными критериями разграничения миротворческих операций являются следующие: цель проведения, субъект, «выдавший» мандат, функции и состав привлеченного персонала.

По целям проведения различаются миротворческие операции:

1) по поддержанию мира, т. е. операции, направленные на поддержание еще не нарушенного или уже достигнутого мира, проводимые соответственно до начала или после прекращения вооруженного противостояния сторон конфликта (проводятся с согласия конфликтующих сторон, а в случае немеждународного конфликта – с согласия властей государства, на территории которого разворачивается конфликт);

2) по установлению мира, т. е. операции, проводимые на стадии вооруженного противостояния конфликтующих сторон и направленные на его прекращение (осуществляются с элементами принудительных действий, без согласия конфликтующих сторон, а в случае международного конфликта – без согласия властей государства, на территории которого протекает конфликт).

Уточним, что согласие на международное вмешательство может быть оформлено как официальное обращение

государственных властей конкретной страны в международную организацию, или же как специальное соглашение о статусе пребывания миротворцев в районе конфликта.

По субъекту, «выдавшему» мандат на проведение, выделяют:

1) миротворческие операции от имени мирового сообщества, т. е. операции, проводимые по мандату ООН;

2) региональные миротворческие операции, т. е. миротворческие операции, проводимые по мандату определенной региональной международной организации. Мандат на проведение операции представляет собой правовое оформление политического решения государств-участников международной организации о том, в какой конфликт, на какой его стадии и в какой форме необходимо произвести международное вмешательство.

И, наконец, по функциям и составу привлеченного персонала различают:

1) наблюдательные миротворческие операции с привлечением гражданского или смешанного персонала (основное направление деятельности – установление и фиксация значимых фактов в районе конфликта);

2) полицейские миротворческие операции с привлечением полицейского или смешанного персонала (основное направление деятельности – поддержание режима законности и правопорядка в районе конфликта);

3) гуманитарные миротворческие операции с привлечением гражданского или смешанного персонала (основное направление деятельности – организация доставки и справедливого распределения продовольствия, медикаментов, предметов бытового назначения и проч.);

4) военные миротворческие операции с широким привлечением военного персонала (основное направление деятельности – обеспечение реализации военно-силовых и иных принудительных мер в районе конфликта).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Раскрыты основные стадии миротворчества и соответствующие им различные меры и виды деятельности:

1) предконфликтное миротворчество, которое реализуется через общие меры по предупреждению конфликтов, превентивные меры в формате санкций, превентивные военно-силовые меры, превентивные гуманитарные меры;

2) миротворчество на стадии конфликта, реализуемое через меры по локализации конфликта, меры по защите и охране различных групп лиц и объектов, военно-силовые меры по прекращению конфликта;

3) постконфликтное миротворчество, реализуемое, прежде всего, через меры по предотвращению возобновления конфликта и меры по восстановлению мирной инфраструктуры.

Установлены принципиальные отличия между основными механизмами поддержания международного мира и безопасности:

1) превентивная дипломатия направлена на урегулирование споров и конфликтов до того, как произойдет вспышка насилия в конкретном районе;

2) миротворчество и поддержание мира призваны остановить конфликт и обеспечить сохранение мира, как только он будет достигнут;

3) постконфликтное миростроительство ориентировано на недопущение повторных вспышек насилия между сторонами.

Выявлено, что, несмотря на то, что в современных реалиях международной жизни международное вооруженное вмешательство зачастую является объективно необходимым, в целом, сложилось довольно критичное отношение субъектов к практике проведения военных миротворческих операций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: МГИМО(У), 2009. 226 с.

2. Умнова И.А. Право мира. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
3. Зверев П.Г. Полицейское миротворчество и международное гуманитарное право. Уфа: Аэтерна, 2014. 370 с.
4. Зверев П.Г. Международное миротворчество в свете вызовов международной безопасности в начале XXI века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4-2. С. 33–35.
5. Павлова Е.Б. Миротворчество в современном мире: теория и практика. СПб.: СПбГУ, 2008. 156 с.
6. Хохлышева О.О. Современное миротворчество: стратегический ресурс и оперативно-тактические возможности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 243–245.
7. Зиновский Ю.Г. Многосторонняя дипломатия и миротворчество в условиях современного мира // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 65–74.
8. Кочетов Р.Г., Вагина В.О. Миротворчество: принципы, формы, условия эффективности // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6-6. С. 59–60.
9. Шляков С.А. Гуманитарное миротворчество: к постановке проблемы // Современные аспекты гуманитарных операций при чрезвычайных ситуациях и вооруженных конфликтах: материалы XIV международной научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. М.: ВНИИ по проблемам ГО и ЧС МЧС России, 2009. С. 296–301.
10. Романчук С.И. Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 72–79.
11. Запарий Ю.В. Советский Союз и миротворчество ООН: политика и практика // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2004. Т. 31. № 7. С. 142–153.
12. Заемский В.Ф. Реформы ООН и миротворчество : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. 352 с.
13. Ремарчук В.Н. Современное миротворчество: политические и военные проблемы : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998. 409 с.
14. Стаськов Н.В. Миротворчество как фактор урегулирования этнополитических конфликтов : дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 168 с.
15. Зверев П.Г. Религиозный фундаментализм и современное международное миротворчество ООН // Московское научное обозрение. 2013. № 3. С. 34–37.
16. Дорская А.А. К 60-летию Женевских конвенций 1949 г.: защита свободы совести в период вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера // История государства и права. 2009. № 20. С. 31–34.
17. Миротворчество в России. Церковь. Политика. Мысли: от раннего средневековья до рубежа IX–XX столетий / под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Наука, 2003. 503 с.
18. Дорская А.А. Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. Т. 2. № 2. С. 213–224.
19. Петрова Е.Е. История проведения ООН первой операции по поддержанию мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 149. С. 132–139.
20. Игнатьева М.В. Влияние вооруженных конфликтов на международные договоры // Международное право: ретроспективный анализ современных проблем. СПб.: Астерион, 2014. С. 88–91.
21. Никитин А.И. Международные конфликты и проблемы миротворчества // Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. С. 407–436.

**PEACEMAKING IN THE SYSTEM OF MECHANISMS
THE MAINTENANCE OF INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY:
ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS**

© 2017

Z.Sh. Matchanova, candidate of law Sciences, senior lecturer of international law faculty
Russian State Pedagogical University A.I. Herzen, Saint-Petersburg (Russia)

Keywords: peacemaking; peace operations; peacekeeping; pre-conflict peacekeeping; peacemaking stage of conflict; post-conflict peacebuilding; international security.

Abstract: The article reveals the mechanisms of the maintenance of international peace and security: preventive diplomacy, peacemaking, peacekeeping, post-conflict peacebuilding. Of peacekeeping operations carried out by a special unit – Department of peacekeeping operations. The article reveals the essence of the mission of UN peacekeepers and provided official information of the UN on the subject. There are three main stage of peacekeeping and corresponding stages of the various measures and specific activities. Pre-conflict peacemaking is implemented through General measures of conflict prevention, preventive measures in the format of sanctions, preemptive military action, preventive humanitarian action. The peacemaking stage of conflict is implemented through the measures of localization of the conflict, the measures for the protection and conservation of different groups of persons and objects, military force to end the conflict. Post-conflict peacebuilding is implemented through measures to prevent the recurrence of conflict and measures for the restoration of civilian infrastructure. Peacemaking is realized in the form of individual peace operations, contents and settings which may be different. The article expresses the view that the most important criteria of differentiation of peacekeeping operations are: the purpose of the entity, “issued” mandate, functions and composition of the personnel engaged. It is noted that in the framework of international peacekeeping is to encourage the conclusion of agreements between the parties for the purposes of post-conflict development of peaceful relations, and specifies that the guarantors executing such agreements must be, first of all, international organizations. These are the types of activities that are essentially of the measures taken are similar to international peacemaking, but formally are not.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ НЕПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА**

© 2017

А.М. Мусеев, доктор юридических наук, профессор
Донбасская юридическая академия, Донецк (ДНР)
С.Н. Шестов, кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
в г. Севастополь, Севастополь (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; общественное документирование; общественный субъект; событие конфликтного характера.

Аннотация: Рассмотрено общественное документирование в аспекте юридической ответственности, в условиях непризнанного государства. К субъектам общественного документирования отнесены общественные комиссии, общественные организации, иные общественные структуры. Общественный субъект может предоставлять юридические факты для реализации юридической ответственности. Существенными признаками общественного документирования названы инициативный характер, общественный субъект, противоправное содержание документируемого события, применение специальных научных исследований для объективизации результата документирования. В динамической структуре реализации юридической ответственности общественный субъект действует на стадии установления состава правонарушения. Объектом общественного документирования становится событие конфликтного характера, отображающее проблемную ситуацию и содержащее признаки правонарушения.

ВВЕДЕНИЕ

Реализация юридической ответственности опирается на достоверные факты, проверку и обобщение которых осуществляют научными методами. В условиях самоопределяющегося государства с непризнанным международно-правовым статусом затруднена деятельность правоохранительных органов (к ним мы относим и судебные органы, в том числе, и международной юрисдикции), в связи с их неопределенным правовым положением. На таких территориях субъектом познания событий, явлений и фактов становится общественность [1]. Общественный субъект осуществляет документирование событий, которые, благодаря проведенному специальному научному исследованию, приобретают значение юридических фактов. Общественное документирование алгоритмизировано в части сбора исходных материалов и проведения исследований для систематизации и объективизации получаемых результатов. Однако, как правило, выбор объекта документирования происходит спонтанно, в зависимости от общественного резонанса документируемого события или предпочтений общественной комиссии. Между тем, иные не менее важные события остаются вне сферы внимания общественности. Поэтому становится актуальной задача сформулировать критерии выбора объектов документирования, исходя из их общественной значимости, с учетом технических и интеллектуальных ресурсов общественного субъекта.

Общественное документирование направлено на реализацию юридической ответственности. Ее трактуем как юридическую обязанность по соблюдению норм права, а также обязанность правонарушителя претерпеть осуждение [2, с. 50]. Правонарушение создает либо актуализирует социальную проблему. Понимание проблемы связываем с содержанием понятия проблемной ситуации. Считаю, что ее и отображает событие общественного значения как объект документирования. Однако соотношение понятий юридической ответственности и общественного документирования до настоящего времени не рассматривалось в научной литературе.

Цель статьи – определить место общественного документирования в системе юридической ответственности, а также конкретизировать критерии выбора объекта общественного документирования.

ОБСУЖДЕНИЕ

Конституция устанавливает социальный тип непризнанного государства Донецкая Народная Республика

(ст. ст. 1, 3 Конституции ДНР [3]). Это предполагает расширение участия общественности в государственном управлении социальными процессами. Отмечаем, что общественное документирование соответствует таким тенденциям [4]. По мнению авторов, общественное документирование призвано решать прикладные задачи правоохранительной деятельности [5]. Одним из его назначений называем привлечение специальных научных методов в практику реализации юридической ответственности.

Остановимся на ретроспективной форме реализации юридической ответственности. Ее основанием может послужить факт противоправного поведения, правонарушения [6, с. 35]. Основой для вынесения акта применения юридической ответственности является материально-правовая норма, которая оказалась нарушенной в конкретной ситуации. Причем, для адекватного правоприменения необходимо достоверное знание о составе указанного нарушения [2, с. 602].

Авторы выделяют статическую и динамическую структуру юридической ответственности. Статическую структуру составляют виды юридической ответственности [2, с. 624]. Динамическая структура подразделяется на ряд стадий. Переход от одной из них к другой связано с юридическими фактами, закрепленными в процессуальном законодательстве [2, с. 238]. Одной из таких стадий называют властную деятельность компетентных органов и должностных лиц по установлению правонарушителя, по объективному и справедливому определению вида и меры юридической ответственности [6, с. 215]. По нашему мнению, это означает, что событие правонарушения на этой стадии закрепляется как юридический факт. В результате, происходит конкретизация состава правонарушения. Полагаем, что такого рода юридическими фактами могут становиться результаты общественного документирования.

В обоснование этого тезиса конкретизируем его признаки, в аспекте реализации юридической ответственности. Во-первых, общественное документирование направлено на обеспечение правоохранительных органов (правоохранителей) объективными знаниями о фактах с признаками правонарушений. Во-вторых, субъектом такого документирования является общественная структура, независимая от государственных органов, и поэтому на результат ее деятельности не влияет международно-правовой статус непризнанного государства. В-третьих, объектом документирования становится событие, содержащее признаки правонарушения и вызвавшее обще-

ственный резонанс. В-четвертых, в технологию такого документирования включено проведение специальных научных исследований, направленных на объективизацию его результата. В итоге, становится очевидным, что общественное документирование отвечает задачам правоохранительной деятельности на территории непризнанных государств.

Понятие проблемной ситуации рассмотрим с позиций структурного подхода. С точки зрения семантики термин «ситуация» обозначает совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение [7]. Структурную основу ситуации рассматриваем в аспекте реализации юридической ответственности. Проявления различного рода ситуаций прилагаем к проблемам правоохранительной практики.

Рассмотрим этапы развития ситуации. Первоначально она не содержит противоречий между своими элементами или участниками. Этот этап развития ситуации можно обозначить как бесконфликтный. События, отображающие ситуацию на данном этапе, также имеют бесконфликтный характер, не имеют признаков правонарушений. Общественное документирование подобных событий не может принести значимого эффекта, в аспекте правоохранительной деятельности, и поэтому не является целесообразным.

В дальнейшем развитии могут нарастать и обостряться противоречия, а ситуация приобретать конфликтный характер. Тогда последующий этап развития ситуации можно обозначить как проблемный. События на данном этапе характеризуются противоправностью. Они содержат противоречия между заинтересованными участниками и сторонами. Познание таких событий целесообразно осуществлять путем общественного документирования. По этим соображениям, выделяем критерий выбора объекта документирования – конфликтный характер документируемого события.

В литературе социологического направления проблемная ситуация определена как противоречие между потребностями общества и отсутствием средств реализации необходимых действий; как отсутствие знаний о природе проблемной ситуации [8]. Проблемная ситуация возникает в результате действия множества факторов и условий, а также произошедших событий. Отмечаем, что в таком представлении проблемную ситуацию формируют определенного рода события. Они становятся элементами ее структуры, и поэтому могут отображать ее содержание. Отсюда заключаем, что познание события позволяет устанавливать определенные элементы проблемной ситуации. Общественное документирование, благодаря объективному представлению общественно-значимого события, способно предлагать основания для реализации юридической ответственности, в случае противоправного характера проблемной ситуации.

Заметим, что проблемная ситуация, если она носит противоправный характер, связана с трудностями в решении задач реализации юридической ответственности. Причиной таких затруднений является недостаточное научное представление отражаемых ситуаций противоречий. В таких случаях становится неэффективным применение правоохранительными органами принятых ранее способов реализации юридической ответственности. Проблемный характер ситуации связываем с возникновением явлений, природа которых не изучена, и поэтому отсутствуют алгоритмы для ее описания, прогнозирования и воздействия на нее со стороны правоохранительных органов. Обращаем внимание на необходимость активного целенаправленного выявления и изучения общественных проблем противоправного характера. Именно такая позиция характеризуют правоохранительные органы социального государства с непризнанным международно-правовым статусом.

В прикладном аспекте ситуация – это обстановка, оцениваемая правоохранительными органами для адек-

ватного на нее реагирования. С познавательных позиций ситуация – это состояние составляющих ее компонентов в конкретно определенный момент времени. Важным свойством ситуаций является конкретность, то есть существование в определенных пространственно-временных рамках. Ситуации могут быть как ограниченными небольшим пространством и длиться доли секунды (например, выброс вредных промышленных отходов в атмосферу), так и охватываться обширной территорией, сохраняя противоправный характер в течение длительного периода времени (к примеру, военные преступления на территории самопровозглашенных республик). Для ситуаций характерна также и повторяемость. Безусловно, сама ситуация во всех своих чертах индивидуальна. Практически невозможно полное повторение ситуации во всех ее признаках и особенностях. Даже при совпадении признаков различных ситуаций обязательно различается их временной параметр. Повторяемость ситуации приобретает значение в связи с тем, что прошлые и по опыту уже знакомые правоохранительному органу ситуации фиксируются и существенно влияют на восприятие новой однотипной ситуации. На такой основе правоохранитель входит в новую ситуацию, одновременно превращая ее в ситуацию известную и разрешаемую. В подобных случаях он принимает решение на основе своего опыта.

Таким образом, в структуре ситуации выделяют параметры времени и пространства. Отнесение разнородных компонентов к одной ситуации возможно на основе временных отношений. Временной отрезок, в котором происходит ситуация, можно подразделять на фазы, этапы, эпизоды. А с точки зрения пространственных компонентов, ситуацию разделяем на события.

Значительное количество ситуаций складывается под влиянием различных социальных факторов. Определенная ситуация возникает в результате реализации тех или иных общественных отношений. Однако возможны и иные причины образования ситуаций, – например, в результате действия факторов природных, экономических, международно-политических и т. п.

Помимо пространственно-временных характеристик ситуации, особая роль среди ее компонентов принадлежит воздействующему на ситуацию субъекту – в нашем случае таковым является правоохранительный орган. Он своими действиями способен трансформировать наличную ситуацию в качественно иную.

Также можно выделить объективное содержание ситуации и ее субъективное значение, придаваемое ей правоохранительным органом. Субъективный компонент ситуации зависит от задач его деятельности, от его установок и опыта. По нашим наблюдениям, объективное содержание ситуации может существенно отличаться от субъективного, т. е. от того, как ее воспринимает правоохранитель. В любом случае, правоохранительный орган принимает процессуальное решение относительно конкретной ситуации, исходя из того, как он ее воспринял и оценил.

Учитывая субъективное значение ситуации, выделяют ситуации проблемные, в связи с особенностью их восприятия правоохранительным органом. Они содержат противоречие, относительно которого еще не выработано однозначное эффективное решение. Такие ситуации отображают взаимодействие правоохранительного органа с окружающей его средой, которая характеризуется противоречивостью и сложной структурой.

Проблемная ситуация может образоваться и в результате проявления противоречия между противоправным характером возникающей проблемы и степенью готовности правоохранительного органа к реализации юридической ответственности. Ситуация подобного рода может быть создана и искусственно, к примеру для провоцирования правоохранителя к совершению неадекватных действий.

Проблемная ситуация обладает и социально-психологическим аспектом. Он связан с отношением к ней правоохранительного органа, которое отображает его интересы, уровень понимания ситуации, адекватность ее восприятия, способность противостоять правонарушению и т. п.

Осознание какой-либо проблемы в процессе деятельности правоохранительного органа приводит к появлению потребности в объективном знании о событиях, составляющих данную ситуацию. Объективизация проблемной ситуации необходима для формирования адекватного способа реализации юридической ответственности. Полагаем, что общественное документирование, предусматривающее проведение специальных научных исследований фактов и обстоятельств события, отображающего проблемную ситуацию, может послужить обоснованием принимаемых правоохранительным органом решений.

В научной литературе выделяют проблемные ситуации конфликтного характера. Подобная ситуация содержит предпосылки для правонарушений, а ее реализация происходит в событиях конфликтного характера. Конфликт возникает, если участники события не только осознают различные интересы, но и активно противодействуют один другому. Однако, наличие несовпадения целей и интересов, также, как и осознание такой противоположности отдельными заинтересованными лицами не всегда приводит к разворачиванию конфликта. Предпосылкой для реализации конфликтного события являются попытки его разрешения противоправными действиями.

С учетом высказанных соображений рассмотрим специфику ситуационного подхода к выбору объекта общественного документирования. В условиях самоопределившегося непризнанного государства объективно складывается определенная совокупность фактических обстоятельств, между которыми существует причинная, временная, пространственная или иная связь, и которые образуют проблемную ситуацию. Она, в свою очередь, отображается в событиях конфликтного характера. В их структуре выделяем стороны конфликта и предмет противоречий между ними. По нашим наблюдениям, если событие приобретает общественное значение, то оно широко освещается и обсуждается в СМИ и в социальных сетях. Из этого формулируем предположение, что отображение события в указанных информационных источниках становится для общественного субъекта критерием выбора документируемого объекта. К подлежащим общественному документированию событиям относим конфликты, разрешение которых осуществляется противоправными методами. Наличие подобных ситуаций свидетельствуют о необходимости принятия адекватных решений со стороны правоохранительных органов. Таким образом, выбор конкретного события как объекта общественного документирования может быть осуществлен путем анализа сообщений в СМИ и в социальных сетях о событиях противоправного характера.

Рассмотрим соотношение понятий события и факта. По определению, событие – это то, что происходит в социальной сфере, в экономике, политике и т. п. Оно характеризуется конкретным местом и определенным временем. Зачастую событие приобретает свое имя. В зависимости от точки зрения, его участники и наблюдатели по-разному отображают в СМИ и социальных сетях отдельные его элементы. Событие познано определяют как факт. Можно сказать, что базовое отличие события от факта заключается в том, что событие принадлежит миру действительности, а факт – миру знания. Событие представляет собой явление действительности, которое оценивается человеком как обладающее личностной либо социальной значимостью. Факт, как сущность гносеологического плана, представляет собой достоверное знание о событии. Понятие «факт» является результатом научного отображения понятия «событие» [9]. Од-

нако любое событие может быть интерпретировано по-разному. Интерпретацию понимают как изучение сущности объекта и представление ее речевым кодом [10]. Значит, результат интерпретации события зависит от выбранного способа его изучения. Вполне допустимо, что различные интерпретаторы могут давать противоположные толкования одного события. Поэтому подчеркиваем, что для обоснования действий по реализации юридической ответственности, предпринимаемых правоохранительными органами, необходимо объективное представление общественно-значимого события. Такое достигается включением специальных научных методов в технологию общественного документирования [11]. Тогда его результат становится научно установленным фактом. По решению правоохранительного органа, данный факт может приобрести значение юридического.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Например, на территории непризнанного государства ДНР происходят артиллерийские обстрелы жилых кварталов. Эти события документируются общественной комиссией. Результаты, оформленные по правилам юридического документирования, переданы в Международный уголовный суд, в другие правоохранительные органы [12].

По сообщениям в СМИ, в Крыму наблюдаются случаи жилищной застройки морских пляжей. Данное событие, судя по интенсивности обсуждения в социальных сетях, вызвало общественный резонанс и поэтому было выбрано общественной комиссией как объект документирования. К материалам общественного документирования были приобщены спутниковые снимки данных участков застройки, полученные из сети Интернет. Также использованы сообщения граждан по данному вопросу, размещенные в социальных сетях. По просьбе общественной комиссии специалистами-геодезистами были составлены экспертные заключения о расположении возводимых жилых строений в охраняемой рекреационной зоне. Материалы документирования переданы в правоохранительные органы для принятия соответствующих решений.

ВЫВОДЫ

Сформулировано понятие общественного субъекта юридической ответственности, к каковым отнесены общественные комиссии, общественные организации и иные общественные структуры. Показано, что общественный субъект может предоставлять правоохранительным органам основания для реализации юридической ответственности. К компетенции общественного субъекта предложено отнести установление юридического факта, содержащего признаки правонарушения.

Определены существенные признаки общественного документирования: инициативный характер; общественный субъект; противоправное содержание документируемого события; применение специальных научных исследований для объективизации результата документирования.

Общественное документирование входит в динамическую структуру реализации юридической ответственности и относится к стадии установления состава правонарушения.

Показана результативность общественного документирования для реализации юридической ответственности, в условиях самоопределившегося государства, не получившего международного признания.

Конкретизированы признаки события, как объекта общественного документирования: а) общественное значение данного события; б) его конфликтный характер; в) документируемое событие отображает проблемную социальную ситуацию. В качестве показателя общественной значимости конфликтного события принято отображение и обсуждение его в СМИ и в социальных сетях.

Предложены критерии выбора объекта общественного документирования. Таковым становится событие конфликтного характера, отображающее проблемную ситуацию и содержащее признаки правонарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жигулин А.М. Общественность в условиях социального конфликта: юрико-международный аспект // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 250–261.
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
3. Конституция Донецкой Народной Республики // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru/konstituciya-dnr/.
4. Моисеев А.М., Шестов С.Н. Общественный субъект в социальном государстве // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы научно-практической конференции. Донецк: ДонАУиГС, 2017. С. 102–103.
5. Моисеев А.М., Жигулин А.М. Технология документирования военных преступлений // Russian Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 6. № 2. С. 70–77.
6. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: РАП, 2008. 304 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
8. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972. 328 с.
9. Гробицкая А.М. К вопросу о соотношении понятий «событие» и «факт» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2013. № 9. С. 33–38.
10. Домашенко А.В. Об интерпретации и толковании. Донецк: ДонНУ, 2007. 277 с.
11. Моисеев А.М., Панько Н.А., Шестов С.Н. Специальные знания в документировании общественных событий. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 269 с.
12. Жигулин А.М., Моисеев А.М. Документирование военных преступлений в условиях вооруженного конфликта. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

THE PUBLIC SUBJECT OF LEGAL RESPONSIBILITY UNDER THE CONDITIONS OF THE UNRECOGNIZED STATE

© 2017

A.M. Moiseev, Doctor of Juridical Science, Professor
Donbass Law Academy, Donetsk (DPR)
S.N. Shestov, Candidate of Economic Science, Associate Professor
*Institute of Economics and Law (branch) of Academy of Labour
and Social Relations in Sevastopol, Sevastopol (Russia)*

Keywords: legal responsibility; public documentation; public subject; event of conflict nature.

Abstract: The public documentation in respect of the aspect of legal responsibility under the conditions of the unrecognized state has been considered. The public committees, public organizations and other public structures have been classified as subjects of the public documentation. The public subject can provide legal facts for the implementation of legal responsibility. The essential features of the public documentation include the initiative character, public subject, illegal content of the documentary event, the use of special scientific studies for objectification of the documentation result. In the dynamic structure of the implementation of legal responsibility the public subject is applicable at the stage of determining the set of all elements of an offense. The object of the public documentation is an event of a conflict nature, reflecting a problematic situation and containing elements of an offense.

Е.Н. Немова, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; международно-правовая ответственность; абсолютная ответственность; освобождение от юридической ответственности; освобождение от международно-правовой ответственности; согласие; самооборона; контрмеры; форс-мажор; бедствие; состояние необходимости.

Аннотация: В международном праве институт освобождения от международно-правовой ответственности нельзя признать в достаточной мере разработанным и имеющим четкой правовой основы. Основные нормы, предусматривающие основания для освобождения от международно-правовой ответственности предусмотрены в Резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН в качестве соответствующих проектов, а также в соглашениях, заключаемых между отдельными государствами. Целью данной статьи является рассмотрение обстоятельств, освобождающих от международно-правовой ответственности, закрепленных в международно-правовых актах. В работе был проведен обзор Резолюций Генеральной Ассамблеи ООН № 56/83 от 12 декабря 2001 года и № A/RES/66/100 от 9 декабря 2011 года, а также ряда соглашений, заключенных между Правительством РФ и отдельными государствами, предусматривающие основания для освобождения от международно-правовой ответственности государства и международные организации. Исследованы отдельные виды оснований, освобождающих государства и международные организации от международно-правовой ответственности, в частности, такие, как согласие, самооборона, контрмеры, форс-мажор, бедствие и состояние необходимости. В статье рассмотрены основания, освобождающие не только от виновной ответственности, но и от абсолютной ответственности государства. В современном международном праве обстоятельства, освобождающие субъектов международно-правовой ответственности от юридической ответственности, представляют собой доказанные факты, действия и явления, существующие в момент совершения международного правонарушения, которые освобождают субъектов международно-правовой ответственности от выполнения обязанности отвечать за причиненный вред. Освобождение от международно-правовой ответственности возможно не только при виновной, но при объективной (абсолютной) ответственности.

В международном праве предусмотрена не только международно-правовая ответственность, но также есть нормы, освобождающие от данного вида ответственности.

В доктрине международного права освобождение от ответственности понимают как «снятие с субъекта обязанности ликвидации последствий совершенного им деликта, породившего ответственность» [1, с. 112].

Вопросу международно-правовой ответственности государств за международные правонарушения был посвящен доклад Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, по которому 12 декабря 2001 года была принята Резолюция № 56/83 [2], содержащая проект статей. В частности в главу V Резолюции № 56/83 включены статьи, предусматривающие обстоятельства, исключющие противоправность и тем самым освобождающие виновную сторону от ответственности. К таковым обстоятельствам относятся:

- согласие (ст. 20), т. е. в случаях, когда государство дало юридически действительное согласие на совершение другим государством конкретного деяния в отношении первого государства, если такое деяние было совершено в пределах достигнутого согласия. Такое согласие может быть достигнуто путем заключения двухсторонних или многосторонних соглашений.

К примеру, в Соглашении, заключенном между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады и посвященному сотрудничеству обоих государств в области уничтожения химического оружия и утилизации атомных подводных лодок [3], в статье XVI предусмотрены случаи освобождения от материальной ответственности сторон по некоторым претензиям (ядерным). Так, согласно пункта 3 статьи XVI Соглашения: Стороны, их персонал или подрядчики, субподрядчики, консультанты, поставщики или субпоставщики оборудования, товаров или услуг на любом уровне, а также их персонал освобождаются от ответственности в случае причинения любых убытков или ущерба любого характера, включая телесные повреждения, а также смерть, прямой, косвенный и последующий ущерб, причиненный собственностью Российской Федерации в результате деятельности, осуществляемой в соответствии с данным Соглашением.

Пункт 4 статьи XVI Соглашения в качестве основания освобождения от материальной ответственности предусматривает претензии третьей стороны, вытекающие из деятельности, осуществляемой Сторонами в соответствии с данным Соглашением в отношении ядерного ущерба, причиненного на территории Российской Федерации или за ее пределами в результате Ядерного инцидента, произошедшего на территории Российской Федерации.

Однако согласно пунктам 3 и 4 статьи XVI Соглашения не могут быть освобождены от ответственности физические лица в случае, если ущерб, телесные повреждения, ядерный ущерб возникли вследствие бездействия или действий этих физических лиц с намерением причинить ущерб или телесные повреждения.

В Приложении к рассматриваемому Соглашению приведена типовая форма Письма-подтверждения об освобождении от материальной ответственности.

В другом Соглашении, заключенном между Федеральным надзором России по ядерной и радиационной безопасности и Организацией по атомной энергии Ирана о сотрудничестве в области регулирования безопасности в процессе мирного использования атомной энергии в ст. 6 предусмотрено освобождение от ответственности Иранской Стороной Госатомнадзора России, его уполномоченных организаций, сотрудников, агентов, всех вместе и каждого в отдельности, в случае любых затрат, исков, требований, убытков и расходов, связанных с ядерным ущербом в результате ядерного инцидента на атомной электростанции «Бушер», по суду или без суда, если такие претензии предъявлены на территории Исламской Республики Иран или за ее пределами, при условии, что такой ядерный ущерб нанесен по вине или в результате небрежности Иранской Стороны [4];

- самооборона (ст. 21), как основание освобождения от международной правовой ответственности представляет собой исключение ответственности государства, если совершенное деяние явилось законной мерой самообороны. В ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций предусмотрены условия законности самообороны государства [5]. Однако Международный Суд отметил, что «Ни одно государство, независимо от того, что

оно оправдывается политикой сдерживания, не предложило Суду, что будет правомерным угрожать силой, если предусматриваемое применение силы не было бы правомерным» [6, с. 126];

- контрмеры в связи с международно-противоправным деянием (ст. 22). При этом принятые контрмеры должны отвечать требованиям главы II Резолюции № 56/83, в частности не затрагивать обязательств, вытекающих из обязательных норм общего международного права и быть соразмерными. Контрмеры применяются в форме репрессалий, специфика которых заключается в том, что пострадавшая сторона сама устанавливает санкции, определяет их применимость и имплементацию [7]. Кроме того, в некоторых международных актах предусмотрены положения, запрещающие применение репрессалий, к примеру, в отношении конкретных лиц [8], объектов, с использованием силы [9];

- форс-мажор (ст. 23) как основание, освобождающее от международно-правовой ответственности представляет собой появление обстоятельств непреодолимой силы или непредвиденного события, которое не поддается контролю со стороны государства, и сделали материально невозможным выполнение обязательств.

Форс-мажорные обстоятельства прописываются в конкретных соглашениях, к таковым обычно относятся обстоятельства непреодолимой силы, а именно: стихийные бедствия, забастовки и массовые беспорядки, военные действия, террористические акты [8].

Однако, если возникшая форс-мажорная ситуация обусловлена была поведением ссылающегося на него государства, а также если данное государство взяло на себя риск ее возникновения, то форс-мажор не применяется;

- бедствие (ст. 24), т. е. если исполнитель был в ситуации бедствия и не имел другого способа спасти собственную жизнь или жизнь лиц, за которых он был ответственен. Ситуация бедствия, как обстоятельство, освобождающее от международно-правовой ответственности приведена в ч. 2 ст. 18 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. которая разрешает остановку и стоянку судов при проходе через территориальное море иностранного государства, но только в конкретно определенных случаях: при обычном плавании; вследствие непреодолимой или бедствия; с целью оказания помощи находящимся в опасности или терпящим бедствие лицам, судам или летательным аппаратам [9];

- состояние необходимости (ст. 25), т. е. если совершенное государством международное правонарушение является единственным путем защиты существенного государственного интереса от опасности, и не нанесло ему ущерба.

Практика Международного суда ООН признает необходимым установить ряд условий, которые свидетельствуют о наличии состояния необходимости. К таким условиям относятся: наличие «существенного интереса», из-за которого государство не выполняет свои обязательства; наличествует большая и неминуемая угроза данному существенному интересу государства; совершенное деяние является единственным средством, способом защиты существенного интереса государства; совершенное деяние не нанесло серьезного ущерба существенному интересу государства, т. е. здесь имеется в виду баланс интересов [10, с. 52].

Однако в случаях, когда международно-правовое обязательство не допускает возможность ссылаться на состояние необходимости, а также если это государство способствовало возникновению состояния необходимости, то в таких случаях государство не может быть освобождено от ответственности, ссылаясь на такое основание, как состояние необходимости.

Аналогичные обстоятельства, исключают международно-правовую ответственность не только государств, но и международных организаций, предусмотре-

ны в Резолюции A/RES/66/100, принятой Генеральной Ассамблеей ООН A/RES/66/100 9 декабря 2011 года [11].

Рассмотренные обстоятельства, исключают международно-правовую ответственность государства и международных организаций, не исключают соблюдение данного обязательства, если данные обстоятельства перестали существовать, а также не исключают компенсацию причиненного данным деянием, материального вреда.

Следует заметить, что международно-правовая ответственность может наступать и в случае отсутствия правонарушения. Такая ответственность в доктрине международного права называется – объективной (абсолютной), т. е. ответственность за риск.

Абсолютную ответственность в международном праве понимают, как принятую специальными соглашениями обязанность государств возместить ущерб, причиненный в связи с осуществлением ими правомерной деятельности. Данной обязанностью государств корреспондирует право потерпевших государств требовать возмещения причиненного ущерба на основании специальных соглашений [12]. По мнению некоторых исследователей, правовая природа абсолютной ответственности в отличие от ответственности в связи с правонарушением «не имманентна праву, лишена штрафного характера» и основанием ее возникновения является международный договор [13, с. 48.], в связи с чем, употребление термина «ответственность» к возмещению трансграничного ущерба, причиненного в результате правомерной деятельности, весьма условно. По словам Э.Х. де Аречага, объективная (абсолютная) ответственность распространяется только на регламентированную специальными соглашениями деятельность, так как такая ответственность является скорее исключением и может вытекать только лишь из договорного права [14, с. 413].

Примером абсолютной ответственности государств может являться ст. II Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. [15]. Так, согласно названной статье, абсолютную ответственность в виде выплаты компенсации за причиненный космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете ущерб, несет запускающее государство.

Однако в нормах международного права также можно найти основания, освобождающие и от абсолютной ответственности. Такими основаниями, предусмотренными в п. 1 ст. VI Конвенции 1972 г., являются грубая небрежность, действия или бездействия, совершенные с намерением нанести ущерб государством-истцом, либо представляющими этим государством физическими или юридическими лицами.

Если же ущерб возник в результате деятельности, не соответствующей международному праву, то запускающее государство от ответственности освобождено быть не может (п. 2 ст. VI Конвенции 1972 г.). При этом при абсолютной ответственности не проводится различие между случаями, когда ущерб последовал из-за вины, и случаями, когда происшествие совершенно не может быть предвидимо [1, с. 534].

В некоторых ситуациях, несмотря на то, что ответственность является абсолютной, например, как в случае ядерного ущерба, однако тяжелые стихийные бедствия исключительного характера, в результате которых произошел ядерный инцидент являются основанием, освобождающим от абсолютной ответственности (ст. п. b ст. 5 Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г.) [16].

Таким образом, обстоятельства, освобождающие субъектов международно-правовой ответственности от выполнения обязанности претерпевать осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализации в случае невыполнения им юридической обязанности по соблюдению

и исполнению требований норм права, т. е. от юридической ответственности, имеют свои особенности:

1) обстоятельства, освобождающие от международно-правовой ответственности, представляют собой доказанные факты, действия и явления, существующие в момент совершения международного правонарушения, которые освобождают субъектов международно-правовой ответственности от выполнения обязанности отвечать за причиненный вред;

2) освобождение от международно-правовой ответственности имеет место быть не только при виновной, но при объективной (абсолютной) ответственности;

3) к обстоятельствам, освобождающим от международно-правовой ответственности, относятся: согласие, самооборона, контрмеры, форс-мажор, бедствие, состояние необходимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабина Е.А. Проблема международной и гражданской ответственности в процессе дистанционного зондирования Земли из космоса // *Международное право и международные организации*. 2014. № 4. С. 530–536.
2. Гуласарян А.С. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/56/83 от 12.12.2001 г. // *Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций* / под ред. К.А. Бекашева. М.: Статут, 2015. 224 с.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о сотрудничестве в области уничтожения химического оружия, утилизации атомных подводных лодок, выведенных из состава Военно-Морского Флота, учета, контроля и физической защиты ядерных материалов и радиоактивных веществ [рус., англ.] (Вместе с «Типовой формой письма-подтверждения об освобождении от материальной ответственности») (Заключено на о. Си-Айленд 09.06.2004) // *Собрание законодательства РФ*. 2005. № 44. Ст. 4473.
4. Соглашение между Федеральным надзором России по ядерной и радиационной безопасности и Организацией по атомной энергии Ирана о сотрудничестве в области регулирования безопасности в процессе мирного использования атомной энергии (Заключено в г. Тегеране 06.07.1997) // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru.
5. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru/.
6. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 2: Действие международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2006. 496 с.
7. Статья II Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств: принята 09.12.1981 Резолюцией 36/103 на 36-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru.
8. Соглашение между Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Агентством по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан об оказании помощи Агентству по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (Вместе с «Программой по оказанию содействия...», Сметой финансовой помощи на 2012 – 2014 годы, «Полномочиями и функциями Координатора и экспертов», Критериями оценки результатов реализации целей и работы сотрудников АКН для определения размеров выплат материального стимулирования, «Порядком расходования и учета денежных средств...») (Заключено в г. Душанбе 05.10.2012) // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru/.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS): заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982; с изм. от 23.07.1994 // *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 48. Ст. 5493.
10. Кожеуров Я.С. Споры о соотношении Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека: можно ли избежать цугцванга? // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 2. С. 49–54.
11. Гуласарян А.С. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/66/100 от 09.12.2011 г. // *Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций* / под ред. К.А. Бекашева. М.: Статут, 2015. 224 с.
12. Витцгум В.Г., Боте М., Дольчек Р. *Международное право = Volkerrecht*. М.: Инфотропик Медиа, 2015. Кн. 2. 1072 с.
13. Лобанов С.А. Понятие международно-правовой ответственности: дискуссионные вопросы // *Вызовы глобального мира. Вестник ИМПП*. 2014. № 2-3. С. 47–54.
14. Хименес де Аречага Эдуардо. *Современное международное право*. М.: Прогресс, 1983. 480 с.
15. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами: заключена в г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 29.03.1972 // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru.
16. Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб: заключена в г. Вене 12.09.1997 // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru.

ISSUES OF EXEMPTION FROM INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY

© 2017

E.N. Nemova, lecturer of Chair “Theory and history of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; international responsibility; absolute liability; exemption from legal liability; exemption from liability under international law; consent; self-defence; countermeasures; force majeure; distress; necessity.

Abstract: In international law, the Institute of exemption from liability under international law cannot be considered sufficiently developed and have a clear legal basis. The basic provisions that provide grounds for exemption from responsibility under the international law provided in Resolutions of the UN General Assembly as the respective projects, as well as in the agreements concluded between individual States. The purpose of this article is consideration of the circumstances, exempt from international legal responsibility, as enshrined in international legal instruments. The work was reviewed Resolutions of the UN General Assembly No. 56/83 of 12 December 2001, and no A/RES/66/100, dated 9 December 2011, as well as a number of agreements concluded between the Government of the Russian Federation and individual States, provide grounds to be exempt from international legal responsibility of States and international organizations. Investigated the individual grounds for exemption of state and international organizations on the international legal responsibility, in particular, such as consent, self-defence, countermeasures, force majeure, distress and state of necessity. The article considers the grounds for exemption, not only from fault liability, but strict liability of the state. In contemporary international law circumstances that exempt the subjects of international legal responsibility from legal responsibility, represent proven facts, actions, and phenomena existing in the time of the Commission of international offences, which absolve the subjects of international legal responsibility of the performance obligation to answer for the harm caused. Exemption from liability under international law is possible not only when the guilty, but an objective (absolute) liability.

А.В. Сидорова, старший преподаватель
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: концепция; правонарушение; преступление; проступок; гражданское правонарушение; административное правонарушение.

Аннотация: Правовая категория «правонарушение» является одной из ключевых в теории права. Ее изучению в науке традиционно уделялось и уделяется достаточно много внимания, но следует отметить, что и на сегодняшний день многие стороны этой категории остаются спорными и до конца не изученными. Характерной особенностью современного российского права является процесс выделения «новых» видов правонарушений – отраслевых (конституционные, налоговые, таможенные и др.). Это естественно привело к усложнению общей системы противоправных деяний, в которой с каждым годом становится все более сложно ориентироваться. Надо сказать, что положения, касающиеся противоправных деяний в отраслевых дисциплинах, в большинстве своем конструируются самостоятельно без учета положений, разработанных общей теорией права. Это отражается в нормативных дефинициях, что приводит к возникновению спорных ситуаций в правоприменительной практике. В связи с этим возникла острая необходимость в разработке единой общетеоретической концепции правонарушения, которая должна стать основой для всей системы отраслевых правонарушений. Разработанные в ее недрах положения должны быть реализованы на законодательном уровне при закреплении дефиниций отраслевых правонарушений, их признаков, структуры. Что касается общетеоретического исследования такого правового феномена как правонарушение, то оно станет результативным только тогда, когда в его основу будет положено изучение исторического материала. Естественно, что современные представления о правонарушении оформились не спонтанно. На их формирование оказывало и продолжает оказывать большое количество разнообразных факторов и в том числе исторических. Верным является утверждение о том, что современная наука не может обойтись без исторической основы. Это относится и к теории государства и права. Следовательно, одной из важнейших задач является изучение и анализ этапов становления правового учения о правонарушении в исторической ретроспективе.

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской правовой науке правовой феномен «правонарушение» изучается на двух уровнях: общетеоретическом и отраслевом.

Признаки, состав, классификация, а также процесс эволюции категории правонарушения в общетеоретическом аспекте изучались такими учеными как: И.Е. Великосельской [1], Н.Н. Вопленко [2], Е.В. Грызуновой [3], А.Ф. Галузиным [4], А.А. Гогиным [5], Ю.И. Гревцовым [6], Д.Г. Зарян [7], С.Н. Кожевниковым [8], Д.А. Липинским [9], Г.А. Ожеговой [10], И.П. Попядухиной [11], Е.Л. Поцелуевым [12], А.И. Мурзиновым [13], А.Н. Федоровой [14], А.В. Хачатрян [15], Р.Л. Хачатуровым [16] и другими.

В последние десятилетия правонарушение усиленно изучается отраслевыми науками. Вопросы отраслевых правонарушений были изучены в работах следующими авторами: Е.В. Голобородкиной [17], Д.Г. Вигдорчиком [18], А.В. Полушкиным [19], А.А. Смирновой [20], Э.А. Васильевым [21], В.Г. Абрамовым [22] и др.

Вопросам противоправных деяний уделяется много внимания и в научной периодической литературе [23; 24; 25]. Исходя из анализа научных работ, можно сказать, что основное внимание в научной среде на современном этапе уделяется исследованию отраслевых правонарушений, а формированию и развитию общетеоретической концепции правонарушений уделено крайне мало внимания.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

В основу данного исследования был положен диалектический метод. Однако один конкретно взятый метод не может в полном объеме отразить все стороны исследуемого объекта, поэтому в нашем исследовании мы использовали совокупность диалектического метода с принципами историзма и объективного рассмотрения. Именно это позволило изучить объект исследования глубоко и всесторонне.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В первой половине XX века в правовой российской науке вопрос о правонарушении рассматривался как со-

ставная часть вопроса о юридических актах. И.В. Михайловский в своей работе «Очерки философии права» указал, что юридический факт это «всякий акт поведения людей, всякое обусловившее этот акт психическое переживание, и всякое событие и состояние внешнего мира, которое в отдельности или в определенной совокупности влекут за собой применение юридических норм» [26, с. 580]. При этом он поделил их на две группы. К первой группе были отнесены факты, согласные с правопорядком. Ко второй – факты, которые противоречат правопорядку. Эти две группы были подразделены им также на две группы. В одну вошли события и состояния внешнего мира, для которых сознательная деятельность людей не имеет юридического значения, в другую – акты поведения людей и события, вызванные ими. Таким образом, И.В. Михайловский выделил четыре группы юридических актов, схематично эту классификацию можно изобразить следующим образом (см. рисунок 1).

Ту группу юридических фактов, которые не согласны с правопорядком и представляют собой акты поведения людей, противоречащие юридическим нормам, он определяет, как правонарушения.

Данную классификацию подверг критике Н.М. Коркунов. При этом он исходил из того, что не при каждом, совершаемом правомерном деянии имеет значение внутренняя сторона, так как такие действия людей рассматриваются аналогично событиям и при этом не имеет значения сознательно или несознательно они совершаются. Иллюстрирует он это на примере уничтожения собственной вещи. В данном случае, результатом такого действия является прекращение права собственности на уничтоженную вещь и при этом не важно, уничтожена ли она сознательно или нет. Им указывается, что аналогичные последствия были, если вещь была бы уничтожена в силу действий природы. Именно эти действия он определяет, как собственно юридические действия. В отдельную группу он выделял юридические действия, к которым относил «правомерные действия, юридическое значение которых обусловлено намеренным их совершением» [27]. Неправомерное событие он определял, как неправомерное состояние, поскольку неправомерные события имеют юридическое значение лишь



Рис. 1. Классификация юридических актов

настолько, насколько ими порождается длящееся неправомерное состояние, которое требует восстановления права. Именно их он называл правонарушением. Исходя из своих исследований, Н.М. Коркуновым была предложена следующая классификация юридических фактов: собственно юридические факты, юридические действия, неправомерные состояния, правонарушения [27, с. 160]. Он определяет правонарушение как противоречие требованиям права. Характерной чертой правонарушения, по его мнению, является присутствие сознательной воли людей. Он указывал на то, что правонарушением порождается заинтересованность в восстановлении правомерного состояния и необходимость в мерах, которые бы предупредили повторное совершение противоправных деяний. По мнению Н.М. Коркунова, для правонарушения характерно также наличие воли правонарушителя. Особое внимание он уделял исследованию гражданских правонарушений, выделяя, при этом, уголовные и административные правонарушения. Наибольший интерес он проявлял к вопросам предупреждения правонарушений, восстановления нарушенного права.

В рассматриваемый нами период среди ученых не было единого мнения по поводу определения понятия «правонарушение». Одни из них указывали, что правонарушение – это нарушение только юридических норм, а не нарушение субъективных прав.

Были и такие ученые, которые указывали на то, что правонарушение как нарушение субъективных прав может существовать исключительно в сфере частного права, так как только в этой области противоправным деянием действительно нарушаются одновременно субъективное право и юридическая норма.

Приверженцы третьей точки зрения указывали на случаи, когда в сфере публичного права противоправное деяние нарушает субъективное право. При этом они приводили в пример случаи, когда правопорядок осуществляется специальной защитой публичного субъективного права при помощи административного иска.

Необходимо сказать, что наличие различных точек зрения по вопросу определения понятия «правонарушение» основывалось на приверженности того или иного ученого определенной теории субъективных прав. В научной среде высказывалось мнение о том, что имеют место уголовные правонарушения, которые не нарушают субъективные права. В пример приводились такие уголовно наказуемые противоправные деяния как: преступления, оскорбляющие общественную нравственность, государственные преступления, богохульство, нарушение общественной тишины, преступления против порядка управления.

И.В. Михайловским были раскритикованы данные точки зрения. Он указывал: «Эти ссылки – плод

недоразумия. Конечно, если мы будем смотреть на государство, как на разбойничью шайку, как на организованное насилие, тогда не может быть и речи ни о каких субъективных правах государства. Но тогда надо делать все логические выводы из этого положения обнаруживают его нелепость. Из соответствующих мыслей всего предыдущего изложения курса мы знаем, что бытие государства вытекает с необходимостью из начал естественного права (а следовательно бытие его освящается мировым разумно-этическим порядком), что оно связано правом, оно вступает в целый ряд юридических отношений с гражданами. А следовательно оно обладает целым комплексом субъективных прав, и прежде всего правом на охрану своего существования. Организованное насилие не может иметь права защищать свое бытие, здесь защита носит чисто-фактический характер; борьба между такой организацией и лицами, стремящимися ее уничтожить, всецело определяется «соотношением реальных сил». Между тем как государство имеет право бороться со своими врагами и внешними, и внутренними; вот почему и те, и другие, посягая на права государства, совершают правонарушения» [26, с. 457]. И.В. Михайловский уточнял, что государственные преступления, а также преступления против порядка управления нарушают субъективные права государства. Рассматривая преступления, в которых по мнению некоторых ученых отсутствует нарушение субъективных прав, он указывает на то, что государство не только обладает правом не только издавать юридические нормы, но и обладает правом требовать подчинения этим нормам. Именно поэтому он рассматривает «нарушение» любой юридической нормы как нарушение субъективного права государства. Но так как некоторые субъективные права непосредственно связаны с личностью отдельно взятых граждан, то в таких случаях субъективное право государства должно отступать перед правом личности. Исходя из этого, И.В. Михайловским делается вывод о том, что нарушение соответствующих юридических норм представляет собой нарушение частных субъективных прав. Результатом проведенного исследования становится вывод о том, что общетеоретическое понятие «правонарушение» включает в себя следующие признаки, присущие всей совокупности правонарушений: «1) поведение вменяемого субъекта, противоречащее юридической норме; 2) виновность субъекта; 3) нарушение какого-либо субъекта» [26, с. 590].

Что касается классификации правонарушений, то в рассматриваемый нами исторический период предлагались различные классификации. Приведем некоторые из них. Так, И.В. Михайловский подразделял правонарушения на гражданские и административные. Для поиска признаков необходимых для классификации право-

нарушений, он обращает свое внимание на результаты реагирования правопорядка на правонарушения, а именно на различные последствия, которые влечет за собой каждое правонарушение. Подразделяя правонарушения на виды, им отмечалось, что все правонарушения идентичны по своей сущности и каждое правонарушение есть юридический факт, противоречащий правопорядку, совершенный вменяемым субъектом при наличии вины, посягающий на чье либо право. В глазах правопорядка различные субъективные права имеют различную ценность. Разнообразие субъективных прав обосновывает разнообразие способов посягательств на них и, как следствие, разнообразие последствий таких посягательств. Хотя все противоправные деяния тождественны, но правопорядок не равнозначно реагирует на отдельно взятое правонарушение, поскольку учитывает вину правонарушителя. В самостоятельную группу противоправных деяний он выделил международные правонарушения, указав, что такие правонарушения могут совершаться и совершаются одними государствами по отношению к другим государствам. При этом он указал на то, что «при международных правонарушениях «нарушаются» те или иные нормы международного права, выразившиеся в форме международных обычаев, договоров и т. д., и вместе с тем субъективные права «потерпевшего» государства (например, оскорбление достоинства государства, вмешательство в его внутренние дела, захват принадлежащей ему области, нарушение обычаев войны, раздел слабого государства его соседями)» [26, с. 596].

Ф.В. Тарановский указывал, что правонарушения делятся на два вида: уголовные и гражданские [28, с. 291]. При этом к уголовным правонарушениям он относил практически все деяния, влекущие публично-правовую ответственность.

Г.Ф. Шершеневич определяет правонарушение как «нарушение права, то есть поведение человека, противное праву» [29, с. 630]. В своем труде «Общая теория права» он, исследуя правонарушения, приходит к выводу о том, что правонарушение – это, во-первых – действие человека (в виде совершения или в виде упущения); во-вторых – противоправное действие; в-третьих – оно нарушает объективное право и иногда субъективные права; в – четвертых – это вменяемое действие [29, с. 631–633]. Г.Ф. Шершеневич указывает два вида правонарушения: уголовные и гражданские. Уголовные правонарушения (преступление) он определяет, как – «нарушение права, насколько оно сопровождается наказанием как последствием» [29, с. 641], а гражданские как – «действие, воспрещенное законом под страхом вознаграждения потерпевшему лицу, причиненного ему вреда» [29, с. 641]. Следовательно, различие между этими видами правонарушений заключается в разных последствиях, которые соединены законом с одним из видов правонарушений. Особо хотелось бы отметить, что Шершеневич Г.Ф. признавал возможность ответственности без вины, а, следовательно, и существование правонарушений без вины [29, с. 638]. Следует сказать, что данный вопрос и по сегодняшний день является дискуссионным. Кроме того, Г.Ф. Шершеневич говорил о противоправных деяниях, являющихся одновременно и уголовными и гражданскими правонарушениями (кража, поджог).

В.М. Хвостов определяет правонарушение как «поведение лица, которое противоречит велениям права, является несогласным с налагаемыми правом обязанностями» [30, с. 136]. По его мнению, главным признаком правонарушения является противоправное поведение лица. В.М. Хвостовым выделяются неправда уголовная, неправда гражданская, неправда административная. Неправда административная – это «выхождение каким-либо административным органом при исполнении своих обязанностей за пределы, установленные нормами права для его деятельности» [30, с. 141–142]. Более подробно он изучает уголовные и гражданские правонарушения,

субъективную сторону правонарушения. Исследуя данные виды правонарушения, он выделяет и исследует их общие признаки: это действие или бездействие; противоправность; лицо их совершившее обладает сознательной волей. Особое внимание он уделяет изучению субъективной стороны правонарушения.

Надо отметить, что для рассматриваемого периода характерно не только наличие большого числа научных исследований правонарушений, но и отражение их результатов в законодательстве. Например, положение, разработанное Н.С. Таганцевым, в соответствии с которыми ответственность за совершенные правонарушения несут только вменяемые лица, были закреплены в российском законодательстве (ст.39 Уложения 1903 г.) [31].

Следует сказать, что общетеоретические исследования правонарушений практически прекратились с момента свершения Великой Социалистической революции 1917 г. Именно с этого момента начался новый период в развитии не только нашего государства, но и русской правовой науки в целом. Что касается правонарушения, то оно признавалось явлением, присущим исключительно буржуазному обществу. И только в 1963 г. выходит в свет первая монографическая работа, в которой проводится общетеоретическое исследование правонарушений.

ВЫВОДЫ

В период с 1900 г. по 1917 г. происходит становление общетеоретической концепции правонарушений. В этот период учеными изучается понятие, сущность правонарушения; объективная и субъективная стороны правонарушения; выделяются общие характерных признаки правонарушения; разрабатываются и обосновываются различные классификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при преподавании отдельных разделов дисциплин: «Теория государства и права», «Конституционное право», «Финансовое право» и многих других отраслевых дисциплин. Кроме того, они могут быть положены в теоретическую основу исследований, посвященных разработке теорией отраслевых правонарушений, использованы органами законодательной власти при разработке проектов нормативно-правовых актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великосельская И.Е. Состав правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 179 с.
2. Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1983. 408 с.
3. Грызунова Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 246 с.
4. Галузин А.Ф. Правонарушения в публичном и частном праве: общая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1996. 200 с.
5. Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2011. 532 с.
6. Гревцов Ю.И. Правонарушение – разновидность общественного отношения : дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1975. 179 с.
7. Зарян Д.Г. Объективная сторона правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2006. 192 с.
8. Кожевников О.А. Юридическая ответственность в системе права : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2003. 194 с.
9. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004. 487 с.

10. Ожегова Г.А. Объекты правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 184 с.
11. Попрядухина И.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2012. 169 с.
12. Поцелуев Е.Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII – начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 155 с.
13. Мурзинов А.И. Преступление и административное правонарушение: общие черты и различия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. 241 с.
14. Федорова А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2005. 192 с.
15. Хачатрян А.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 176 с.
16. Хачатуров Р.Л. Становление древнерусского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1988. 365 с.
17. Голобородкина Е.В. Совершенствование оспоримой сделки как гражданское правонарушение : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. 169 с.
18. Вигдорчик Д.Г. Налоговое правонарушение: правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 242 с.
19. Полушкин А.В. Информационное правонарушение: понятие и виды : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 223 с.
20. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2008. 180 с.
21. Васильев Э.А. Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 203 с.
22. Абрамов В.Г. Административно-экологическое правонарушение : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 190 с.
23. Иванов А.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2015. № 2. С. 110–124.
24. Давыдов К.В. Проблемы квалификации длящихся и продолжаемых административных правонарушений // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1. С. 36–40.
25. Савченко Д.А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2. С. 5–16.
26. Михайловский И.В. «Очерки философии права». Томъ I. Томскъ: Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914. 632 с.
27. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Типография М.С. Стасюлевича, 1914. 160 с.
28. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб.: МВД России, 2001. 552 с.
29. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 805 с.
30. Хвостов В.М. Общая теория права: элементарный очерк. М.: Либроком, 2014. 654 с.
31. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С очерком существенных отличий его от действующего уложения и предметным алфавитным указателем. М.: Изд. А.Ф. Сорова, 1903. 230 с.

THE FORMATION OF THE CONCEPT OF OFFENCES IN RUSSIA

© 2017

A.V. Sidorova, senior lecturer of Chair
Samara State Economic University, Samara (Russia)

Keywords: concept; offense; crime; misdemeanor; civil offense; a misdemeanor.

Abstract: The legal category of “offence” is a key in the theory of law. Its study in science has traditionally paid a lot of attention, but it should be noted that to date, many parties in this category remain controversial and not fully understood. A characteristic feature of modern Russian law is the process of allocating “new” types of offenses – branch (constitutional, tax, customs, etc.). This has naturally led to increasing complexity of the overall system of illegal acts, which every year becomes more and more difficult to navigate. I must say that the provisions concerning unlawful acts in the sectoral disciplines in the majority have been designed independently without taking into account the provisions developed General theory of law. This is reflected in the regulatory definitions, which leads to disputes in practice. In this regard there is an urgent need to develop a United theoretical concept of the offense, which should become the basis for the entire system of industrial offences. Developed in the bowels of the provisions must be implemented at the legislative level when you pin definitions industry-specific offences, their characteristics, structure. As for the theoretical investigation of such legal phenomenon as a crime that it becomes effective only when it is based will be the study of historical material. Of course, that modern ideas about the offense not formed spontaneously. Their formation has provided and continues to provide a wide variety of factors including historical. It is true that modern science cannot do without historical basis. This applies to the theory of state and law. Therefore, one of the most important tasks is the study and analysis of stages of formation of the legal doctrine of offense in historical perspective.

В.П. Скоморохов, магистрант кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: государство; культура; общество; культурные права человека и гражданина; уровень жизни; благополучие государства и граждан.

Аннотация: Как следует из положений статьи 7 Конституции Российской Федерации, наше государство социальное, а политика его направлена на достижение и обеспечение условий существования его граждан таким образом, чтобы создать достойный уровень жизни и даровать свободу развития человека. Данные приоритеты распространяются также и на политику нашего государства в области культуры и искусства, а также гарантий обеспечения человеку возможности самовыражения и самореализации. Культура всегда была основой для достойной жизни и развития как внутреннего, так и внешнего мира человека. Культура облагораживает душу, лицо и быт человека, создает оптимальные условия для развития гражданского общества. Во времена, когда культурные ценности в государстве уходят на второй план, неизменно повышается уровень вандализма, хулиганства и ожесточения общества. Культура должна быть в приоритете государственной политики, так как она является одной из составляющих, гарантирующих безопасность гражданского общества.

Цель данной научной статьи – осветить правовое обеспечение и проследить реализацию культурных прав человека и гражданина в законодательстве Российской Федерации, а также выявить направления государственной политики и конкретные мероприятия, которые проводятся для пропаганды и популяризации развития культуры в обществе. Помимо этого, в работе раскрывается содержание понятия «культура» и анализируется роль и значение уровня культуры для развития общества, а также обосновывается необходимость возведения в законодательный ранг термина «культурные права человека».

На основании произведенного исследования сделан вывод, что государство выступает субъектом установления приоритетов в политике в сфере культурных вопросов, которые также следуют из его основных задач в этой сфере. Государство должно создавать безопасные условия развития культурного богатства страны, как от естественного разрушения временем, так и от негативных физических воздействий со стороны общества, от искоренения культурных объектов торговыми залами, которые захватывают и расчищают под себя огромные территории, от ошибочных запросов на уничтожение со стороны силовых структур массовых мод и требований культурных оппозиций, пренебрегающей уважением к незыблемым традициям культурного наследия общества.

Стремительный рост темпа сегодняшней жизни человека приводит к необходимости в упрощении и оптимизации всех процессов, которые в ней происходят. К тому же, XXI век ознаменовался большим прорывом в технической сфере жизнедеятельности человека, что также значительно повлияло на качество и темп современной жизни. Почти всё вокруг нас сегодня синтезировано. Сегодня господствует стихия материальных благ, где все направлено на получение максимальной выгоды при минимальных затратах труда, и не важно – выполнена работа с душой, или составлена механически роботом по определенной компьютерной программе. Массовость и поточность не обошли стороной и культурную сферу отношений, где сегодня уже трудно найти истинно ценный культурный продукт. Отдав дань технической стороне жизни, компьютеризации и активному распространению интерактивных сетей, общество искажило представления об истинно культурных представлениях, об искусстве. Данная тенденция распространена повсеместно, что ведет к основательной деградации культуры и искусства в обществе, что, в свою очередь, представляет серьезную угрозу для безопасности формирования развитого гражданского общества в российском государстве.

Сегодня достаточно стремительно развивается современная культура. Этот процесс развития происходит на основании опыта многих известных деятелей разных направлений. Многие современные представители культуры постоянно создают уникальные творения, которые очень отличаются от их предшественников, но это позволяет современному зрителю наслаждаться широким разнообразием различных работ. Всегда необходимо обращать внимание на то, в каком направлении работает понравившийся вам писатель, сценарист, художник или поэт, потому как в таком случае вы сможете найти для себя еще других представителей. Также культура играет немаловажную роль в истории человечества, ведь нет общества без культуры, а если вы будете изучать максимально различных культурных

деятелей, то сможете получить отличные знания и расширить свой кругозор.

Искусство позволило человеку узнавать другие нации, получать интересный опыт общения и также многие творцы берут для своих работ какие-то моменты, что отлично позволяет им вдохновиться и получить удовольствие. Культура всегда включала в себя искусство, ведь нация без каких-то народных песен, картин природы и архитектуры, без литературных произведений просто невозможно. В культуре человек всегда приобретает определенные навыки своих предков и учится взаимодействовать с другими представителями общества.

Прежде чем обратиться к содержательной стороне вопроса о культурных правах человека, необходимо охарактеризовать само содержание понятия «культура».

Согласно определению большой советской энциклопедии [1, с. 422], культура – это «исторически установленный уровень развития общества и человека, сформулированный в типах и формах организации жизнедеятельности людей, а также в воплощаемых ими материальных и духовных ценностях. Понятие «культура» применяется для характеристики материального и духовного уровня развития разноименных исторических эпох, общественно-экономических формаций, конкретных обществ, народностей и наций». Следовательно, культура определяет духовный уровень жизни человека, что, в свою очередь, является формирующим фактором для культуры всего общества в целом. Уровень, или степень развитости культуры в обществе влияет на развитие благосостояния и процветания страны, потому как граждане выбирают достойных себя руководителей страны.

Таким образом, культура – это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которая реализуется через определенное поведение и общение в обществе, определяет его представления о прекрасном и духовном, и обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни общества во всех ее основных проявлениях и

отношениях. Развитие и повышение культурного уровня граждан также должно являться одним из приоритетных направлений в стратегии развития государства, именно поэтому система права, охватывая все уровни человеческих отношений, также затрагивает и его права на культурное развитие и гарантирует открытость и доступность культурных ценностей. Исходя из данных суждений, культурные права и свободы человека можно охарактеризовать как юридически гарантированную возможность человека и гражданина пользоваться духовными, творческими и иными благами, а также принимать участие в их создании при наличии соответствующих способностей. В содержание понятия «культурные права человека» учеными вкладываются: право на образование, право на участие в культурной жизни, право на пользование результатами научного и культурного прогресса; свободу научного, художественного, литературного, технического и иных видов творчества, право на авторство интеллектуальных и иных видов изобретений и многое другое [2, с. 95]. Каждому из данных видов культурных прав уделено внимание в российском законодательстве. Но, прежде всего, культурные права человека, являясь частью глобальных прав, которые направлены на всестороннее развитие и повышение уровня благополучия человека, закреплены на международном уровне.

Прежде всего, в Преамбуле устава ЮНЕСКО указано, что для того, чтобы поддержать человеческое достоинство нужно широко распространять культуру и образование среди всех людей на основании правила справедливости, свободы и мира; и в этом отношении на все народы необходимо возложить священную обязанность, которую следует выполнять в духе взаимного сотрудничества» [3]. В статье 5 Всеобщей декларации ЮНЕСКО [4] о культурном разнообразии закреплено, что «Культурные права являются неотъемлемой частью прав человека, которые являются универсальными, неразделимыми и взаимозависимыми. Следовательно, каждый человек должен иметь возможность для самовыражения, творчества и распространения своих произведений на любом языке по своему выбору, и, конкретно, на своем родном языке. Каждый человек имеет право на качественное образование и профессиональную подготовку в условиях полного уважения его культурной самобытности; каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной жизни по своему выбору и придерживаться своих культурных традиций при условии соблюдения прав человека и основных свобод». При этом для реализации полного объема культурных прав статьей 27 Всеобщей декларации прав человека [5] предусмотрено, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, которые выступают результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является». Положениями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [6] также гарантируется, что «все народы имеют право на самоопределение. Исходя из этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» (статья 1), а государство должно способствовать развитию и распространению достижений науки и культуры и повышению духовного развития человека и гражданина (статья 15). Российское государство, ратифицировав данные международные правовые акты, также закрепило важность культурного развития своих граждан для общего процветания общества и государства. Прежде всего, в Конституции РФ [7] закреплены положения, гарантирующие каждому право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями куль-

туры, а также доступность культурных ценностей. Более подробно данная лаконичная формулировка культурных прав граждан раскрывается уже в конкретных правовых актах России. Так, базовым законом в области обеспечения культурных прав граждан после Конституции считаются Основы законодательства РФ о культуре, принятые 9 октября 1992 года [8] и претерпевшие изменения более десяти раз в соответствии с потребностями своего времени. Основы законодательства РФ о культуре и по сей день обеспечивают защиту конституционных прав граждан России на культурную деятельность и создают правовые гарантии, принципы и направления деятельности государственной культурной политики. Помимо Основ законодательства о культуре на территории Российской Федерации действуют многочисленные правовые акты, регулирующие более узкие культурные права в определенной области. К таковым правовым актам можно причислить, прежде всего, Гражданский кодекс РФ [9; 10; 11; 12], где осуществляется регулирование и гарантия соблюдения прав граждан на объекты культурного наследия, определяется порядок деятельности организаций, занимающихся культурной деятельностью, а также охраняются правоотношения, возникающие в связи с использованием произведений науки и творчества, литературы и иных видов искусств. Правовое положение музейных фондов на территории РФ регулируется соответствующим Федеральным законом от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [13], в котором легально закреплено определение понятия «культурная ценность»: ими признаются предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры (статья 3). Исчерпывающий перечень видов культурных ценностей определен в статье 7 ФЗ «О ввозе и вывозе культурных ценностей» [14]. Следующим немаловажным законом, охраняющим культурные права граждан в России, следует указать Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [15], где реализуется комплекс регулирования правоотношений, возникающих по поводу использования, охраны и последующей популяризации объектов культурного наследия всех народностей без преумаления, входящих в подданство Российской Федерации. Также в данном законе раскрывается конституционное право на доступность культурных ценностей населению. При этом, указана обязанность населения заботиться о сохранности соответствующих памятников и объектов, представляющих культурную ценность, беречь памятники истории и культуры. Закреплена реализация прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры, потому как объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

В нашей стране гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа России.

К более специфичным законам, гарантирующим право на культуру, следует отнести Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» [16], где заложены основные направления деятельности и поддержки государством развития кинематографии, а также Федеральный закон от 29.12.1994 №78-ФЗ «О библиотечном

деле» [17], где легально раскрывается содержание таких понятий, как «библиотека» и «книжные памятники», а также гарантируется право гражданина на культурное обогащение и развитие через посещение библиотек. В статье 5 данного закона сказано, что каждый гражданин, независимо от пола, возраста, национальности, образования, социального положения, политических убеждений, отношения к религии, имеет право на библиотечное обслуживание на территории Российской Федерации.

Специфичной областью культуры является наука, право на доступность которой также закреплено соответствующим федеральным законом от 23.08.1996 №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [18], который регулирует отношения между субъектами научной и(или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и(или) научно-технической продукции (работ и услуг), в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности.

Помимо большого объема федеральных законов, культурные права граждан обеспечиваются и подкрепляются многочисленными подзаконными актами и информационными, разъяснительными либо рекомендательными письмами различных структур государства. Законотворческий процесс в области обеспечения и гарантии культурных прав человека и гражданина не останавливается ни на минуту. Современные условия жизни диктуют необходимость постоянного усовершенствования действующих правовых актов, а также наращивают потенциал для создания новых.

Так, президентом Российской Федерации В.В. Путиным в 2014 году подписан Указ об утверждении Основ государственной культурной политики [19], которые определяют главные направления государственной культурной политики и представляют собой базовый документ для разработки и совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы культурного развития в Российской Федерации, а также государственных и муниципальных программ.

Постановлением от 10 июля 2017 года № 817 была создана Комиссия для организационного, аналитического и информационного обеспечения разработки и реализации государственной культурной политики, мониторинга достижения её целей, координации действий субъектов государственной культурной политики [20]. Основная задача Комиссии – выработка и корректировка стратегических подходов к реализации государственной культурной политики.

Кроме обеспечения законодательной базой в области культурных прав человека, на территории Российской Федерации постоянно проводятся специфические мероприятия, дающие возможность на культурное обогащение граждан. В качестве пример можно привести получившее широкое признание мероприятие – «Ночь музеев». Это ежегодная акция, посвященная Международному дню музеев. Музеи по всей России, знаменитые, и не очень, рады пригласить на всю ночь гостей на особую программу одной ночи – концерт, экскурсию, спектакль, авторский показ или мастер-класс, историческую реконструкцию происходящего. Акцию «Ночь музеев» ежегодно поддерживает более сорока стран Европы. Более чем две тысячи музеев разом не закрывают своих дверей на одну ночь, давая возможность увидеть свои экспонаты всем желающим совершенно бесплатно и неформально.

На территории Российской Федерации также проводится «Культурный форум регионов России». Культурный форум регионов России является межведомственной и межсекторной площадкой, созданной в 2014 году для обсуждения региональных аспектов формирования и реализации «Основ государственной культурной по-

литики в Российской Федерации» и «Стратегии государственной культурной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» [21]. Ежегодно на Форуме подвигаются рассмотрению актуальные вопросы социального и культурного развития субъектов РФ, формирования единого пространства диалога власти, некоммерческих организаций, бизнеса и экспертного сообщества для развития культуры российских регионов.

В 2017 году Форум пройдет в третий раз и будет посвящен рассмотрению актуальных вопросов взаимодействия образования и культуры, участия некоммерческих организаций в становлении культуры гражданской солидарности и согласия для решения проблем социокультурного развития, сохранения культурного наследия регионов России, укрепления единого социокультурного пространства.

Культура России сегодня в своем новом содержании сущности – это не только множество разных культур, но и интегративный концентрат высших достижений мировой культуры, по сути – её высший уровень, единственный из уцелевших крепостей классической европейской культуры, которые держат свою опору на надежде возродить мир из хаоса урбанизационного прогресса и синтетических материй.

Таким образом, необходимо воспринимать культуру не только как создание и накопление человечеством системы духовных и материальных ценностей. Сегодня культуру следует трактовать и как особое право, возможность человека приблизиться к чему-то более одухотворенному, чем сегодняшняя кибер-реальность. Право на культуру сегодня включает такие, казалось бы, легкодоступные явления как ценность природы, ценность человека к себе подобному и обществу в целом, что сегодня переходит в разряд редких явлений. Право на культуру в современном обществе становится неотъемлемым параметром экологической составляющей природных условий выживания в обществе и способом организации совместной жизнедеятельности людей, необходимым для выживания в современных социальных условиях урбанизации.

В сегодняшнем правовом поле общества и государства право на культуру становится, чуть ли не центральным методом формирования человеческой системы ценностей, благодаря чему и развивается правосознание законопослушного гражданина. Система духовных ценностей, которая формируется под влиянием использования конституционного права на культуру, позволяет расширять границы правового поля культурного наследия и развивает человека духовно, что имеет свое выражение в материальных поступках и формирует гражданское общество будущего. Для того чтобы человек духовно окреп и сформировался необходимы не только правовые, но и культурные системы воспитания и образования, которые, в том числе должны быть учтены и в средствах массовой информации, которые, в свою очередь, к сожалению, изобилуют сценами насилия, пренебрежения к классическим ценностям культурного наследия всего человечества и пропагандируют деньги, власть, раскованность как культурную, так и правовую. Становление развитого гражданского общества зависит, в первую очередь от людей, образующих тот самый массив общества. Человек становится достойным гражданином лишь после того, как пройдет программу воспитания в соответствии с культурным наследием, которое должно постоянно развиваться, учитывая и накапливая опыт прошлого. К сожалению, в последние восемьдесят лет, человечество не может гордиться существенным культурным прогрессом и накоплениями.

Культурные права человека – это не только возможность получать информацию и прикасаться к ценностям культурного наследия, но еще и право получать качественную культурную информацию, свободную от всего того информационного мусора, который сегодня так активно навязывается средствами массовой информации.

Право на культуру – это также обязанность государства ограждать своих граждан от переизбыточного потока ложных ценностей, которые навязывают нам различные молодежные направления. Задача государства в данном случае – следить за тем, чем увлекается молодежь, какие у нее складываются системы ценностей и что входит в их понятие культуры. Культурно развивать граждан – это первостепенная задача государства, которое должно организовывать учебный процесс уже с младших классов таким образом, чтобы обеспечивать всестороннее развитие и заинтересовывать учеников предметами всемирной культуры. Вседозволенность, распушенность и избыток некачественной информации создают ложные системы ценностей и приводят к искажению духовного существа человека, общества; ставят под угрозу гражданскую безопасность страны. Государство должно создавать безопасные условия развития культурного богатства страны, как от естественного разрушения временем, так и от негативных физических воздействий со стороны общества, от искоренения культурных объектов торговыми залами, которые захватывают и расчищают под себя огромные территории, от ошибочных запросов на уничтожение со стороны сиюминутных массовых мод и требований культурных оппозиций, пренебрегающей уважением к незыблемым традициям культурного наследия общества.

Параллельно с упрочнением распространения культурных прав в обществе, необходимо формировать еще одно понятие, как культурная безопасность общества. Этот феномен имеет очень тонкую грань, поскольку никто не имеет права ограничивать доступ человека к информации, но, одновременно, тот же человек нуждается в обеспечении культурной безопасности, поскольку некоторые современные объекты или достижения культуры могут не только шокировать, но и сбить несформировавшегося человека с правильного пути. С другой стороны, введение цензуры, что также в какой-то степени приведет к фильтрации негативной культурной информации, также можно расценивать как нарушение прав на свободу волеизъявления. В свете данных сложностей и противоречий государственным деятелям необходимо вывить стратегию, направленную на внедрение и распространение так называемой классической культуры, которая была бы направлена на развитие человека именно в том направлении, о котором говорили основоположники культуры – то есть о внутреннем развитии и самосовершенствовании личности. Все остальные культуры, которые сегодня широко распространены, скорее, можно отнести к ложным культурам или псевдокультурам, или даже к системе культурных ценностей, а скорее, к новинкам изобретения в различных сферах человеческого бытия.

Для решения подобной нелегкой задачи особо необходимы возрождение эффективной науки в сфере культуры и искусства, а также разработка новой образовательной модели в сфере творческого и гуманитарного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия / под ред. Б. Введенского. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1957. 648 с.
2. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб.: Издательство юридического института, 2002. 642 с.
3. Устав национальных комиссий по делам ЮНЕСКО. Принят Генеральной конференцией на ее 20-ой сессии // Резолюции. С. 115–118.
4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Юнеско: организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: unesco.org.

5. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. № 67.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1: ред. от 28.11.2015: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016 // Российская газета. 1992. № 248.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 28.03.2017, с изм. от 22.06.2017 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ: ред. от 28.03.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ: ред. от 28.03.2017 // Парламентская газета. 2001. № 224.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ: ред. от 01.07.2017 // Парламентская газета. 2006. № 214-215.
13. Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.
14. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1: ред. от 18.06.2017 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. 1993. № 92.
15. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ: ред. от 07.03.2017 «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 116-117.
16. Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ: ред. от 28.03.2017 «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4136.
17. Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ: ред. от 03.07.2016 «О библиотечном деле»: с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 2.
18. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ: ред. от 23.05.2016 «О науке и государственной научно-технической политике»: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.
19. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52-1. Ст. 7753.
20. Постановление Правительства РФ от 10.07.2017 № 817 «О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики») // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
21. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

**LEGAL SUPPORT AND REALIZATION OF CULTURAL
HUMAN RIGHTS AND THE CITIZEN IN RUSSIA**

© 2017

V.P. Skomorokhov, graduate student of department “The constitutional and administrative law”
Tolyatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: state; culture; society; cultural human rights and citizen; art; standard of living; wellbeing of the state and citizens.

Abstract: State policy of Russia in the field of culture is based on requirements of the Constitution of the Russian Federation and follows from her provisions. In compliance with article 7 of the Constitution of Russia, “The Russian Federation – the social state which policy is directed to creation of the conditions providing worthy life and free development of the person”. As worthy life and free development of the person it is impossible out of culture and besides the existing culture, the state has rights and a duty to carry out the policy in this sphere providing the solution of these tasks. In the same way as it is obliged to carry out the policy in the sphere of culture ensuring integrity of the territory of the country and its safety. Including information and cultural.

The purpose of this scientific article – to consecrate legal support and to track realization of cultural human rights and the citizen in the legislation of Russia and also to reveal the directions of state policy and concrete events which are held for promotion and promoting of cultural development in society. In addition, in work contents to the concept “culture” reveals and the role and value of level of culture for development of society is analyzed and also need of construction in a legislative rank of the term “cultural human rights” is proved.

On the basis of the made research the conclusion is drawn that the state is a subject of definition of priorities of the cultural policy following from his main objectives in this sphere. The state protects cultural richness of the country both from physical destruction, and from commercialization, from adverse effects in the most cultural environment, both internal, and external, the primitive inquiries inappropriate to domestic traditions connected with service and generated by mass culture of consumer society, and sometimes and direct information aggression of external competitors.

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ
КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИЙ**

© 2017

Е.И. Смирнова, юрист
ООО «ТЕХНО ЛЕКС», Тольятти (Россия)

Ключевые слова: восстановление корпоративного контроля; корпоративный контроль; корпоративное право; корпорации; способ защиты права.

Аннотация: В статье рассмотрена актуальная в настоящее время тема, поскольку развитие рыночной экономики и корпоративных отношений спровоцировало увеличение количества корпоративных споров, в том числе связанных с утратой участниками хозяйственных обществ, принадлежащих им долей участия. В работе проведен анализ судебной практики, на основании которого выявлены условия, наличие которых является обязательным для использования такого способа защиты права как восстановление корпоративного контроля.

В конце 2012 года Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ [1] был внесен ряд поправок в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ). В результате указанных изменений к традиционно существовавшим имущественным и личным неимущественным отношениям, регулируемым гражданским законодательством, были добавлены корпоративные отношения. Из смысла п.1 ст. 2 ГК РФ [2] следует, что корпоративные отношения включают в себя две группы отношений: во-первых, связанные с участием в корпоративных организациях, во-вторых, отношения по управлению ими. Следует отметить тот факт, что до внесения указанных изменений в отечественном законодательстве не существовало легальной дефиниции «корпоративные отношения». Следствием развития экономики и корпоративных отношений в целом выступает появление разнообразных корпоративных споров, вызванных нарушением прав участников юридических лиц.

Способы защиты прав представляют собой закрепленные законом материально-правовые и процессуальные меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав, а также осуществляется воздействие на правонарушителя [3]. Общие способы защиты гражданских прав указаны законодателем в ст. 12 ГК РФ. Указанный в статье перечень правовых мер не является исчерпывающим.

Способы защиты корпоративных прав, являющихся содержанием корпоративных правоотношений, обусловлены их дуалистической правовой природой: одна часть корпоративных прав является вещными, а другая – обязательственными. Для защиты корпоративных прав участниками корпораций используются традиционные и специальные способы. Так, например, к традиционным способам относятся: признание права собственности на акции и доли в уставном капитале корпораций, признание сделок недействительными и применение последствий недействительности. В качестве специального способа защиты можно выделить признание недействительности решения собрания, который был добавлен в перечень посредством принятия ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ.

Споры, связанные с восстановлением корпоративного контроля, составляют весомую часть рассматриваемых арбитражными судами дел в общем массиве споров о восстановлении прав участников корпораций. На сегодняшний день в российском законодательстве не закреплено такое понятие как «корпоративный контроль». Несмотря на это, судьи активно используют этот термин при вынесении решений. Впервые рассматриваемый термин появился в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – Президиум ВАС РФ) от 3 июня 2008 г. № 1176/08 [4]. В данном случае истцом в качестве способа защиты был избран такой, как признание оспориваемой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности. Тем не менее, Президиум ВАС РФ вышел за рамки просительной части заявления истца, указав, что требования истца носят не реституционный

характер, а направлены на восстановление корпоративного контроля в целом. Суд акцентировал внимание на этом факте, так как в противном случае истец был бы вправе получить от ответчика компенсацию в размере стоимости утраченной доли. Однако при таком варианте разрешения дела существует риск получения возмещения действительной стоимости доли по заниженной цене в результате проведения оценки, а также невозможности исполнения судебного решения. С тех пор в научной среде появились дискуссии о появлении нового способа защиты гражданских прав. Профессор Д.И. Степанов в своем исследовании пришел к выводу, согласно которому в общем виде корпоративный контроль представляет собой контроль акционеров (участников), который выражается в возможности навязывать свою волю корпорации, ее участникам, в извлечении дополнительных имущественных благ из подобного положения [5].

В процессе становления рассматриваемого в статье способа защиты прав участников корпораций значительную роль сыграло принятие Президиумом ВАС РФ Постановления от 10 июня 2008 г. № 5539/08 [6]. В указанном постановлении суд также посчитал справедливым указать, что при рассмотренных обстоятельствах удовлетворению подлежит требование о восстановлении утраченного корпоративного контроля. Данная правовая позиция отчасти была отражена в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 15 [7]. Из смысла данных Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений следует, что суд не вправе отказать в принятии искового заявления, вернуть его истцу или оставить без движения, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что применение способа защиты права, который был выбран истцом, не может обеспечить восстановление нарушенных прав. Согласно ст. 133 АПК РФ [8] в процессе подготовки к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения норм права, которые будут подлежать применению при рассмотрении спора по существу. Появление термина «восстановление корпоративного контроля» вызвано недостаточной эффективностью закрепленных в законе способов защиты прав применительно к спорам по восстановлению прав участников корпораций.

В случае утраты права собственности на долю участия в юридическом лице потерпевший также утрачивает комплекс прав, принадлежавших ему как участнику корпорации. Особенно последовательно эта связь просматривается на примере акционерных обществ. Согласно п.1 ст. 2 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», акционерным обществом признается такая коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права акционеров по отношению к обществу [9]. Определение акции закреплено в ст.2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [10]. Исходя из рассматри-

ваемой правовой нормы, акция является эмиссионной ценной бумагой, закрепляющей права ее собственника на получение дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на получение ликвидационной квоты. Из приведенных норм следует вывод о том, что юридическая природа акции является двойственной. С одной стороны, акция как бездокументарная ценная бумага выступает в качестве объекта гражданских прав, а с другой – удостоверяет обязательственные права ее собственника по отношению к обществу. По мнению А.А. Маковской, защита прав участника корпорации включает в себя две проблемы, а именно:

- возврат утраченных акций либо долей в уставном капитале хозяйственного общества;
- восстановление корпоративных прав, которые титульный собственник не мог осуществлять по причине утраты доли участия в корпорации [11].

В 2008 году Высший Арбитражный Суд РФ в рассмотренных выше постановлениях сформировал правовую позицию, которая до настоящего времени служит мотивировкой во всех судебных актах, принимаемых по результатам рассмотрения споров о восстановлении корпоративного контроля. В качестве примера актуальности изложенной позиции можно привести решение Арбитражного суда Волгоградской области от 07.02.2017 года по делу № А12-65388/2016 [12]. В ст. 12 ГК РФ указан такой способ защиты прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Применительно к корпоративным спорам реализация данного способа защиты выражается в виде присуждения истцу принадлежащей ему ранее доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью либо акций, которыми он бы владел при соблюдении требований законодательства. Однако использование такого способа защиты не всегда позволяет восстановить нарушенные права участника корпорации либо сделать это в полной мере. Так, например, затруднительным представляется применить восстановление положения, существовавшего до нарушения права, в том случае, если после утраты истцом доли участия был увеличен уставный капитал общества, общество было преобразовано в хозяйственной форме другого типа либо утраченная доля была отчуждена третьему добросовестному лицу, которое в настоящий момент является мажоритарным акционером.

По результатам анализа материалов судебной практики по спорам о восстановлении корпоративного контроля можно выделить ряд условий, наличие которых является обязательным для удовлетворения заявленных истцом требований:

1. Факт нарушения прав, имевший место при утрате доли участия в уставном капитале юридического лица. Нарушение права в данном контексте выражается в незаконности действий третьих лиц.
2. Невозможность использования иного способа защиты для восстановления нарушенного права. Это условие призвано обеспечить исключительность исследуемого способа защиты права, его применение к определенной группе споров, при рассмотрении которых невозможно восстановление права в полном объеме путем использования иных способов защиты.
3. Утрата корпоративного контроля, а не просто доли участия в уставном капитале корпорации произвольного размера. Указанное условие является обязательным, так как право корпоративного контроля принадлежит участнику, владеющему определенным количеством акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества. Размер доли участия определяется индивидуально применительно к каждому спору, в том числе с учетом положений учредительных документов юридического лица. Представляется справедливым под корпоративным контролем, в широком смысле, понимать такое положение дел, при котором один из участников (акционеров)

корпорации владеет таким количеством акций, долей в уставном капитале хозяйственного общества (акций), которое дает ему возможность принимать решения на общем собрании, как минимум, по вопросам, для принятия решения по которым достаточно простого большинства голосов участников.

4. Недобросовестность ответчика. С.В. Сарбаш полагает, что в основе этого условия лежит компромисс между защитой субъективных прав, принадлежащих одному лицу, стабильностью гражданского оборота и прав приобретателей имущества [13]. В 2014 году путем принятия Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ [14] глава 4 ГК РФ была дополнена статьей 65.2. Пункт 3 указанной статьи определяет порядок восстановления прав при утрате доли участия в юридическом лице. Участник коммерческой корпорации, который вопреки своей воле и в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц утратил права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, размер которой определяется судом, а лица, виновные в утрате доли, обязаны в свою очередь возместить причиненные убытки. Тем не менее, законодатель посчитал нужным в качестве исключения предоставить суду право отказать в удовлетворении таких требований, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В таком случае лицо, виновное в утрате доли участия, обязано выплатить лицу, утратившему вопреки своей воле долю участия в корпорации, справедливую компенсацию, размер которой определяется судом. Однако нельзя признать, что приведенная норма в полной мере гарантирует защиту нарушенных прав участников корпорации и их восстановление в полной мере. Представляется целесообразным при доказывании недобросовестности ответчика учитывать признаки недобросовестности, учитываемые при рассмотрении виндикационных исков, с которыми можно провести некоторую параллель.

До настоящего времени в научной юридической среде ведутся дискуссии о необходимости включения восстановления корпоративного контроля в перечень способов защиты гражданских прав. Использование исследуемого термина и применение этого способа судами в процессе разрешения корпоративных споров является мерой реагирования на изменение общественных отношений и служит предпосылкой для закрепления рассмотренных положений на законодательном уровне.

По мнению председателя Второго арбитражного апелляционного суда В.А. Устюжанинова, восстановление права корпоративного контроля является одним из эффективных способов защиты утраченных прав и инструментом защиты корпоративных прав, в связи с чем, влияет стабильность гражданского оборота и повышает заинтересованность инвесторов в инвестировании корпораций [15]. Использование восстановления права корпоративного контроля позволяет в наиболее полной мере восстановить нарушенные права участника корпорации, не используя последовательно ряд иных способов защиты права в различных судебных процессах, как то: восстановление положения, существовавшего до нарушения прав, признание сделок и решений собраний недействительными, применение последствий недействительности сделок, признание права собственности на доли участия в корпоративных организациях.

Таким образом, восстановление корпоративного контроля является способом защиты права, выработанным судебной практикой, и носит исключительный характер, поскольку подлежит применению судами лишь в тех случаях, в которых нарушенное право участника не может быть защищено путем использования иных способов, закрепленных в ст. 12 ГК РФ. Для более подробной право-

вой регламентации защиты прав участников корпораций необходимо закрепить рассматриваемый способ защиты права и критерии его применения в российском законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53-1. Ст. 7627.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Норма-Инфра-М, 2010. 1008 с.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
5. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 142–206.
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08 по делу № А40-11837/06-138-91 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 15 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: ред. от 29.07.2017 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об акционерных обществах» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
10. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О рынке ценных бумаг» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
11. Маковская А.А. Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2009. № 1. С. 106–121.
12. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 07.02.2017 года по делу № А12-65388/2016 // Электронное правосудие. URL: kad.arbitr.ru.
13. Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 70–79.
14. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
15. Интервью с председателем Второго арбитражного апелляционного суда Владимиром Анатольевичем Устюжаниновым // Юрист. 2014. № 1. С. 3–7.

THE RESTORATION OF CORPORATE CONTROL

© 2017

E.I. Smirnova, lawyer
 LLC “TECHNO LEX”, Togliatti (Russia)

Keywords: restoration of corporate control; corporate control; corporation law; corporation; ways of rights protection.

Abstract: The article is devoted to the topic of the day, because the development of the market-oriented economy and corporate relations has provoked an increase of the number of corporate disputes, including those associated with the loss of the participatory interests of business entities. In the article the author has analyzed the judicial practice and has identified conditions, which are mandatory for the using of such a method of protecting the right as the restoration of corporate control.

**КОНСТИТУЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ РЕГУЛЯТОР
ВАЖНЕЙШИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

© 2017

Я.В. Солостовская, аспирант кафедры «Конституционное право»
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; стабильность Конституции; верховенство Конституции; изменение Конституции; демократическое государство.

Аннотация: В статье рассмотрена социальная и юридическая сущность Конституции Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что современная демократическая конституция – это результат юридического и политического консенсуса, что само принятие конституции обязывает государство следовать ее порядкам. По мнению автора, стабильность Конституции и созданной на ее основе правовой системы является условием предсказуемости экономической, социальной и политической жизни.

Конституция государства занимает специфическое место в регулировании общественных отношений. От «обычных» законов конституцию отличает ее социально-правовая устойчивость [1, с. 9]. Термин “constitutio” имеет латинское происхождение, корень “const” и означает устойчивость, стабильность [2, с. 325].

Это нормативно-правовой акт фундаментального характера, рассчитанный на длительное и стабильное действие содержащихся в нем положений. Общеизвестно, что современная демократическая конституция – это результат юридического и политического консенсуса, и в целом она должна выражать интересы целой нации, народа.

Особая важность базовых предписаний обусловлена тем, что закрепленные в тексте Основного Закона положения есть непосредственно выраженная воля всего народа. 12 декабря 1993 г. граждане Российской Федерации приняли решение, что государство должно быть именно таким, каким его представляет и обязывает быть ныне действующий конституционный акт. Гражданами был выбран путь к правовому, демократическому, социальному государству. Это первая в истории России Конституция, принятая на референдуме, в результате народного волеизъявления.

Для государства принять конституцию значит установить для себя обязанность следовать ее порядкам – в противном случае существование основного закона становится бессмысленным [3, с. 115].

Российская Конституция обладает верховенством по отношению ко всем другим принимаемым нормативно-правовым актам. Структурно она включает в себя преамбулу и два раздела. Глава 1, 2 и 9 не могут быть изменены путем внесения поправок в действующий акт. Для реформации данных глав потребуются принятие новой конституции. Жесткость Основного Закона обеспечивает стабильность конституционного строя.

В Конституции РФ отражены некоторые исходные начала концепции естественного права (ст. 2, ч. 2, ст. 17, ч. 1, ст. 21, ст. 35 и др.), признаны и гарантированы права и свободы человека и гражданина в соответствии международно-правовыми стандартами, закреплены принципы и идеалы демократического федеративного правового и социального государства [4, с. 237]. Характерной чертой действующего конституционного акта является наличие большого количества декларативных норм. Закрепление в базовых нормах ценностей общества способствует стабильности Основного закона. С одной стороны, содержание таких норм предопределено социальными ценностями, с другой – конституционные предписания внедряют определенные ценности в общество, выполняя тем самым аксиологическую функцию (функцию ценностной ориентации). Однако только лишь формально закрепленные ценности в форме декларативных норм Конституции для их полноценной реализации в обществе недостаточно.

В Российской Федерации функцию наполнения формальных норм конкретным содержанием выполняет

Конституционный Суд РФ, толкуя базовые положения. Данная судебная инстанция в процессе интерпретации норм должна учитывать их народный характер и принимать решение, выясняя и учитывая волю народа и действуя в его интересах, в первую очередь.

Базовые нормы в России действуют непосредственно. Об этом свидетельствует, в том числе, ст. 79 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде, согласно которой, в случае, если признание им нормативного акта неконституционным создало пробел в правовом регулировании, должны непосредственно применяться нормы российской Конституции [5, с. 24–27].

Декларативные нормы не только задают необходимый вектор развития общества и государства, но и создают отношения и связи. Индивиды, общности, должностные лица, органы государственной власти и местного самоуправления обязаны обеспечивать исполнение и не допускать своими действиями нарушения любых правовых норм, в том числе и конституционных норм-принципов и норм-деклараций. Тем более, каждый человек, чье конституционное право нарушено, может ссылаться на такую норму в суде для защиты своих интересов.

Так, ч. 1 ст. 17 Конституции РФ закрепляет, в Российском государстве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. С одной стороны, такая норма гарантирует человеку его права (причем не только конституционные, установленные основным законом непосредственно, но гарантированные в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права), с другой – обязывает соответствующие органы и лица воздержаться от их нарушения и создать правовой механизм их реализации.

Основные нормы, призванные быть стабильными, должны соответствовать социально-политическим реалиям, отвечать на новые общественные вызовы. Вместе с тем, ни сейчас, ни в обозримом будущем нельзя менять базовые положения, закрепляющие основы конституционного строя. Важно понимать, что внесение в конституционный текст поправок должно быть в крайне редких, исключительных случаях, обратное повлечет дестабилизацию конституционного строя. К настоящему времени издано 4 Закона РФ о поправке к Конституции. В 2008 г. было издано два – Закон РФ о поправке Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» и Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы». Так, сроки полномочий Президента и Государственной Думы увеличены до шести и пяти лет соответственно (ч. 1 ст. 81, ч. 2 ст. 96). В 2008 г. Государственная Дума получила важное новое полномочие – право заслушивать ежегодно отчеты Правительства России о результатах его деятельности, в том

числе по вопросам, поставленным этой палатой (п. «в» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ).

Реформирование судебной власти обусловило принятие Закона о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». В новой редакции гл. 7 названа «Судебная власть и прокуратура» (первоначально – «Судебная власть»). Название объективно отражает содержащиеся конкретные нормы в указанной главе. Упразднен Высший Арбитражный Суд, а его полномочия с 6 августа 2014 г. переданы новому Верховному Суду РФ. Деятельность органов прокуратуры конкретизирована, в частности установлен порядок назначения заместителей Генерального прокурора – Советом Федерации по представлению главы государства, изменен порядок назначения на должность прокуроров субъектов – Президентом России по представлению Генерального прокурора (ст. 129) [6].

Предоставление права Президенту назначать своих представителей в Совете Федерации потребовало новой редакции ст. 95 (ч. 2) и ст. 83 (п «к»), что и было сделано конституционной поправкой от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ [7]. Там, где внесение поправок не является необходимым, прямой путь к разъяснению конституционных положений – их официальное толкование. Толкование, даваемое Конституционным Судом РФ, не подменяет законодателя и не должно создавать новых норм.

Конституция 1993 года является компромиссом социальных общностей, своего рода общественным договором между государством и гражданским обществом. В.Д. Зорькин пишет: «В период ее принятия одной из главных тем дискуссии вокруг проектов Основного Закона был именно вопрос массового общественного согласия и разумных компромиссов во имя такого согласия. Конституция принималась в условиях глубочайших социальных, экономических и политических трансформаций страны, в условиях связанного с этими трансформациями очень остро и жесткого раскола российского общества» [8, с. 2]. Конституция 1993 г. образовала правовой фундамент общественного согласия. Действующая Конституция хранит в своих нормах возможность правовых преобразований. Она одновременно позволяет и в определенных пределах уточнять условия социального компромисса, и реализовать такие правовые изменения, которые подтягивают наше общество и государство к уровню высших мировых достижений в сфере политико-правового развития [9, с. 3].

Одной из проблем реализации российской Конституции является то, что она связана с точностью конституционных формулировок и терминов. Конституционный текст характеризуется краткостью и лаконичностью. Когда текст должен быть краток, но емко, каждое слово в нем имеет принципиальное значение. Конституционные недомолвки и неточности обуславливают появление вопросов со стороны граждан, органов публичной власти и их должностных лиц, ученых и теоретиков. Вопросам точности и многозначности конституционных формулировок неоднократно уделяли внимание многие конституционалисты, среди них С.А. Авакьян, О.Е. Куцафин, Г.А. Гаджиев, Е.В. Колесников, В.Е. Чиркин, и другие. Небесспорны положения ст. 10–11 Конституции 1993 г., закрепляющие принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Развитая Дж. Локком и Ш. Монтескье классическая теория разделения власти сегодня вряд ли является адекватным отражением российской действительности. Как верно отмечает С.А. Авакьян ее нельзя воспринимать, как некий дежурный атрибут, важный для настройки внешней инфраструктуры государственного механизма [9, с. 6]. В науке справедливо говорят о том, что упоминание в ст. 11 о Президенте не соответствует триаде, указанной в ст. 10 Конституции РФ. К традиционным законодательным, исполнительным и судебным органам в системе

разделения власти могут быть добавлены другие органы и механизмы государственной власти (государственные органы) - учредительная власть, глава государства, органы прокуратуры, избирательные комиссии, банковско-финансовые органы и др. [9, с. 47]

Вместе с тем, наличие неточностей конституционных формулировок не говорит о том, что Конституцию необходимо менять и вносить в нее многочисленные поправки. В нее не должны вноситься конъюнктурные изменения и требования «современного момента». Стабильность Конституции и созданной на ее основе правовой системы является условием предсказуемости экономической, социальной и политической жизни [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергазинов Б.Р. Проблемы предмета конституции и применения конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9. С. 9–14.
2. Словарь иностранных слов. М.: Государственное Издательство Иностранных Национальных Словарей, 1949. 808 с.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2007. 784 с.
4. Колесников Е.В. Конституция и федеральные конституционные законы как основа правовой системы России // Право и его реализация в XXI веке: сборник материалов международной научно практической конференции. Ч. 2. Саратов: Саратовская гос. юридическая акад., 2011. С. 157–159.
5. Гаджиев Г.А. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 24–27.
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.
7. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30-1. Ст. 4202.
8. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 3–21.
9. Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.
10. Интервью с Зорькиным В.Д. // Российская газета. 2004. № 3653.

**THE CONSTITUTION AS A PRIMARY REGULATOR
OF THE MOST IMPORTANT PUBLIC RELATIONS**

© 2017

Y.V. Solostovskaya, postgraduate student, Department of constitutional law
Saratov State Law Academy, Saratov (Russia)

Keywords: Constitution of Russian Federation; stability of the Constitution; the supremacy of the Constitution; constitutional change; democratic state.

Abstract: The article considers social and legal essence of the Constitution of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the modern democratic Constitution is the result of legal and political consensus that the adoption of the Constitution obliges the state to follow her orders. According to the author, the stability of the Constitution and established on the basis of the legal system is a prerequisite for the predictability of economic, social and political life.

**ИСТОЧНИК И ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРАВОНАРУШЕНИЯ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

М.Ю. Спири́н, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права
*Самарский национальный исследовательский университет
им. С.П. Королёва, Самара (Россия)*

Ключевые слова: волевая концепция правообразования; источник правонарушения; материальная форма правонарушения; юридическая форма правонарушения; источник возникновения и реализации юридической ответственности; формы реализации юридической ответственности; перспективная и ретроспективная формы юридической ответственности; материальная и процессуальная формы юридической ответственности.

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь и взаимовлияние источника и формы правонарушения, а также источника функционального содержания юридической ответственности и форм её реализации на основе волевой концепции правообразования. Производятся необходимые классификации видов источника правонарушения и формы правонарушения, источника возникновения и реализации юридической ответственности, формы реализации юридической ответственности, а также разграничиваются подформы процессуальной формы ответственности. Предпринята попытка системного подхода к изучению источника и юридической формы правонарушения и юридической ответственности.

ВВЕДЕНИЕ

Применяя в общей теории правонарушения и юридической ответственности отдельные аспекты учения о соотношении источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования [1, с. 50–53; 2, с. 126–127; 3, с. 184–198; 4, с. 74–75], можно определить содержание некоторых важных явлений, которые в полной мере не обнаруживают себя в рамках существующих общетеоретических и отраслевых научных подходов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В этом смысле изначально следует выделить категорию «источник правонарушения», содержание которой необходимо трактовать не в значении причин и условий, способствующих его совершению (криминологический подход), а как некую «символизацию» самого акта совершения правонарушения, такую «символизацию», которая, собственно, создаёт формально-юридическое представление о данном акте социального поведения.

Источник правонарушения в таком значении может быть как прямым, так и опосредованным.

Прямым источником правонарушения выступает изъятие воли лица, совершающего соответствующее противоправное деяние, по отношению к осуществлению этого деяния, содержащего все необходимые признаки правонарушения. Объективное отображение внешнего выражения этой воли в учении о вине в праве, которая, как известно, выступает одним из важнейших субъективных признаков состава правонарушения, является важным доказательством принципиальности вопроса о такой воле и её изъятии. Производимое в юридической науке и на практике подразделение правонарушений (типов неправомерного поведения) на внутренне-обусловленные и ситуационно-случайные фактически подтверждает два основных способа отражения воли правонарушителя по отношению к совершаемому или совершённом правонарушению [5, с. 21].

Опосредованный (потенциальный) источник правонарушения – ранее изъятая и закреплённая в созданных и действующих нормах права воля субъекта правотворчества (в т. ч. – законодателя), выраженная в определении и признании того или иного потенциального деяния субъекта в качестве правонарушения. Таким образом, опосредованный источник возникает и проявляет себя значительно раньше прямого источника, в том числе – удерживая сам фактом своего присутствия в соответствующих охранительных нормах многих лиц от возможного совершения ими правонарушений. При этом в формально-логическом

смысле выражение воли законодателя, который формулирует в юридических нормах уголовного или административного закона соответствующие перечни преступлений и административных правонарушений, является именно потенциальным источником всех совершаемых впоследствии подобных деяний, поскольку без адекватного выражения этой воли (отсутствия по каким-либо причинам таких перечней либо их важных составных элементов) реально совершаемые общественно опасные или социально вредные деяния невозможно квалифицировать в качестве именно правонарушений.

Определяя форму правонарушения как категорию, зависимую от характера источника, стоит указать на две её разновидности: материальную форму (реальные признаки состава правонарушения как юридические факты; обстоятельства, отражённые в делинквентном поведении лица) и юридическую форму (сам состав правонарушения и его элементы, закреплённые нормами права).

Материальная форма правонарушения – конкретный юридический факт либо их система (состав), отражающий характер деяния как правонарушения и влекущий за собой возникновение правового отношения юридической ответственности (наступление юридической ответственности по фактическому основанию).

В отличие от неё юридическая форма правонарушения представляет собой факт закрепления элементов возможного (потенциального) деяния в структуре нормы права для последующего применения этой нормы при квалификации уже совершённого субъектом деяния как соответствующего правонарушения (то есть формально-техническая конструкция самой нормы права как юридическое основание ответственности). Тем самым, юридическая форма правонарушения так же, как и в случае с опосредованным (потенциальным) источником правонарушения, появляется раньше самого правонарушения, выступая его своеобразной нормативной «оболочкой».

Таким образом, данные виды формы правонарушения одновременно выступают в качестве двух принципиальных оснований наступления правового отношения юридической ответственности: фактического и формально-юридического.

По общему логическому правилу совершение правонарушения влечёт за собой наступление неблагоприятных последствий юридической ответственности; впрочем, равно как и совершение акта правомерного поведения предполагает закономерное наступление юридически значимых положительных последствий в отношении лица, ведущего себя правомерно, а также – в отношении других лиц.

Источник возникновения и реализации юридической ответственности может быть познан через призму её функционального содержания. При этом характер данного источника определяется самой необходимостью:

1) привлечь к ответственности лицо, совершившее правонарушение;

2) восприятия правонарушителем принудительных действий по реализации юридической ответственности как юридически обоснованных и социально значимых (одобряемых).

Источник функционального содержания ответственности предполагает волевое осознание и проявление воле необходимости предупреждения совершения правонарушения, его пресечения в случае начала его совершения и применения мер юридической ответственности к лицу, совершившему правонарушение. Как и в случае с источником правонарушения, здесь следует рассматривать с одной стороны акт волеизъявления субъекта правотворческой деятельности (законодателя), которые закрепляет конкретный вид и меру юридической ответственности за совершение конкретного правонарушения, а с другой стороны, сам правонарушитель также должен выразить определённым образом свою волю к совершаемому деянию не только как к преступному, но и как к наказуемому (в уголовном праве).

Если таких актов изъявления воли не последует, то:

1) акт делинквентного поведения не будет предполагать наступление юридической ответственности;

2) вина лица в совершении правонарушения не будет выражена, а значит и не будет установлена, что исключит его юридическую ответственность.

Таким образом, источник возникновения и последующей реализации юридической ответственности также отчётливо подразделяется на прямой (виновный) и опосредованный (правотворческий) виды.

В общей теории права традиционно выделяются две основные формы реализации юридической ответственности: добровольная и принудительная (государственно-принудительная).

Добровольная форма, являясь отражением позитивного понимания самой юридической ответственности и способов (социальных приёмов) её реализации, отражает социальное поведение, устремлённое в будущее время («ответственное поведение»). Причём это гипотетическое «будущее» всякий раз отражается в совершенно реальном «настоящем», в рамках которого непосредственно возникает такая добровольная форма, поэтому на первый план при её характеристике закономерно выступает особый характер выраженной воли лица вести себя правомерно – добровольное согласие следовать установленным в данном обществе нормам (в т. ч. – юридическим нормам) социального поведения (“*consensus erga omnes*”). Фактическое существование добровольной формы реализации ответственности является важным аргументом в пользу выделения самостоятельного положительного аспекта самой юридической ответственности и её мер (позитивных санкций). Как справедливо указывает Д.А. Липинский, «утверждать об отсутствии у юридической ответственности добровольной формы реализации равнозначно признанию юридической ответственности не разновидностью социальной ответственности, а неким особым «несоциальным видом» и исключению её из системы регулирования общественных отношений» [6, с. 11]. Ео ipso, в этом случае юридическая ответственность становится «механистической», «неодушевленной» и (фактически) «несоциальной» ответственностью.

Закреплённая нормами действующего законодательства принудительная форма реализации юридической ответственности функционирует на основе установленного факта совершения лицом правонарушения, т. е. направлена в прошлое, а также оценивает настоящее (например, с точки зрения самой юридической нормы,

которая закрепляет противоправное деяние и конкретную меру ответственности за его совершение на момент самого совершения такого деяния). Таким образом, принудительная форма отражает известный негативный аспект понимания юридической ответственности как формальной ответственности лица за уже совершённое правонарушение.

В то же время весьма важно понимать, что перед нами именно формы (аспекты) выражения воле единой юридической ответственности, но не её конкретные виды [7, с. 69–70].

Также следует обратить внимание на выделяемые по темпоральному критерию перспективную (проспективную) и ретроспективную формы юридической ответственности, которые являются весьма похожими на добровольную и принудительную формы, но отличаются от них по параметру отрезка времени их наступления [8, с. 10]. Так, сама ретроспективная форма ответственности, выраженная в организационно-правовых мероприятиях, проводимых после совершения правонарушения, может возникать на добровольной основе, когда лицо, совершившее противоправное деяние, само, по своей инициативе, запускает механизм реализации юридической ответственности (явка с повинной, заявление о совершённом правонарушении, желание заглаживать причинённый вред etc.). В то же время перспективная форма ответственности может быть достаточно жёстко задана в сознании личности господствующими общественными установками и, на основании этого, не даёт лицу возможности уклониться от определённой линии правомерного по своему характеру поведения. То есть, в этом случае определяющим фактором становится именно момент времени, в который оценивается само деяние (как противоправное, так и правомерное).

К часто выделяемой в литературе процессуальной форме [9, с. 348–358] юридической ответственности необходимо добавить её фактического предшественника – материальную форму. Другое дело, что так называемая «материальная форма» будет иметь в этом случае довольно абстрактный, умозрительный характер и проявится лишь на этапе, предшествующем реализации процессуальной формы: например, сам факт (нормативный факт) установления определённого вида юридической ответственности за совершение конкретного правонарушения является своеобразным «пусковым механизмом» потенциального начала её реализации через систему специально-юридических процедур. То есть юридическая ответственность в такой «спящей» материальной форме присутствует практически в каждой норме права. Именно в этом смысле стоит признать, что «правонарушение, как и правомерное поведение, смоделировано в норме юридической ответственности... Нормативно само основание юридической ответственности» [10, с. 232]. В то же время, с момента начала реализации первого предусмотренного этой нормой процедурного действия (направление претензии, обращение с иском заявлением) юридическая ответственность приобретает чётко выраженную процессуальную форму.

В некоторых случаях отдельно от процессуальной рассматривают так называемую «непроцессуальную» форму реализации юридической ответственности, которая применима «только к случаям добровольного исполнения нарушенной обязанности либо в рамках альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов» [11, с. 68, 72]. В данном случае речь, по сути, также идёт о процессуальной форме юридической ответственности, но в несколько «облегчённом» по форме, неофициальном light-варианте.

В рамках процессуальной формы следует выделять две подформы реализации юридической ответственности: организационную (деятельностную) и нормативную (документальную).

Организационная подформа выражается в комплексе организационно-принудительных действий, которые на законных основаниях и в установленном порядке применяются к лицу, совершившему правонарушение. Здесь само принудительное действие, сочетаясь с другими такого же рода действиями, формирует определенное осознание юридической ответственности как строгой последовательности правовых процедур.

При этом стадии реализации любого вида юридической ответственности фактически могут быть включены в состав такой организационной подформы ответственности.

Нормативная (документальная или текстовая) подформа ответственности состоит в наличии необходимого и достаточного документального закрепления в тексте конкретной правовой нормы обязательных признаков факта совершения правонарушения, а также порядка применения к совершившему данное правонарушение лицу необходимых, законных и соразмерных уровню и характеру опасности (вредности) совершённого деяния и свойствам личности правонарушителя негативных организационных последствий юридической ответственности. При этом нормативная подформа определяет смысл и направление развития организационной подформы, а та, в свою очередь, черпает свойство обязательности (силу актов применения права при реализации ответственности) из установленных нормами права императивов.

Процессуальная форма нередко определяется синонимично принудительной форме реализации юридической ответственности [11, с. 68], что представляется методологически не вполне верно, несмотря на императивный характер норм, устанавливающих последовательность действий юридических процедур для всех субъектов, включённых в орбиту их действия. Само начало проявления процессуальной формы, например, в частном праве, может быть отражением совершенно добровольного изъявления справедливого желания лица «бороться за своё право», что исключает возможность всякого принуждения к этому.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что, несмотря на распространённость в литературе единого термина «процессуальная форма юридической ответственности» и наличие её базовых принципов реализации и свойств, в конкретных отраслях права (выступая в качестве процессуальной формы административной, гражданско-правовой, уголовной etc. ответственности) она проявляет свои многочисленные специальные черты, которые обусловлены характером регулируемых нормами этих отраслей права общественных отношений [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассуждениям, необходимо сделать вывод о том, что именно учение о форме (формах) реализации юридической ответственности в настоящее время является наиболее разработанным сегментом отечествен-

ной теоретической юриспруденции в рамках проблематики источника и юридической формы правонарушения и функционального содержания юридической ответственности в целом.

В то же время, ощущается настоятельная необходимость включения категории «форма реализации юридической ответственности» в целую систему взаимообусловленных явлений (источник и форма правонарушения, волеизъявление и вина субъекта правонарушения, основания юридической ответственности, источник функционального содержания и форма юридической ответственности). Как представляется, рассмотрение данных явлений во взаимосвязанном единстве, как логически следующих из смысла и содержания друг друга, может внести определённые новеллы в современную общую теорию правонарушения и юридической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н.Г. Понятие источника права // Учёные труды Всесоюзного института юридических наук. М.: Юриздат, 1946. Вып. VIII. С. 47–54.
2. Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2013. 584 с.
3. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.: Норма, 2012. 400 с.
4. Рудковский В.А. Источники права: проблемы теории // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 73–75.
5. Иванов А.А., Иванов В.П. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 159 с.
6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.
7. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. 200 с.
8. Кузьмин И.А. Добровольная форма реализации юридической ответственности // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4. С. 10–16.
9. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М.: Норма, 2012. 432 с.
10. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
11. Маркин А.В. Формы реализации юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинский государственный университет. 2009. № 6. С. 68–74.
12. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.

OFFENSE'S AND FUNCTIONAL CONTENT'S OF LEGAL LIABILITY SOURCE AND LEGAL FORM

© 2017

M. Yu. Spirin, candidate of juridical sciences, associate professor of department of theory and history of state and law and international law Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: willed concept of law-making; source of offense; material form of offense; legal form of offense; source of origin and realization of legal liability; forms of realization of legal liability; prospective and retrospective forms of legal liability; material and procedural forms of legal liability.

Abstract: In this article author considers about the interrelation and mutual influence of the source and form of the offense, as well as the source of functional content of the legal liability and the forms of its realization on the basis of the willed concept of law-making. The required classifications of types of source of the offense and the form of the offense, the source of the origin and realization of legal liability, the form of the realization of legal liability, as well as the sub-forms of the liability's procedural form are created. An attempt of a systematic approach to studying the source and legal form of the offense and legal liability is made.

**ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ НОТАРИУСОВ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

© 2017

Н.Г. Тараканова, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Теория и история государства и права»
Ф.Ш. Ямбушев, кандидат юридических наук,
доцент, декан юридического факультета
*Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации», Саранск (Россия)*

Ключевые слова: нотариус; дисциплинарное производство; уголовная ответственность; залог; окружной суд; наказание.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности привлечения российских нотариусов к ответственности за дисциплинарные проступки и должностные преступления, виды наказаний за упущения и злоупотребления по службе, которые применялись к нотариусам согласно законодательству второй половины XIX – начала XX в. Обращается внимание на отсутствие четких разграничений между дисциплинарными проступками и преступлениями.

В ходе судебной реформы второй половины XIX века российский нотариат получил статус самостоятельного государственного учреждения, что нашло свое отражение в Судебных Уставах 20 ноября 1864 г. и Положении о нотариальной части от 14 апреля 1866 г.

Новый нотариальный институт в условиях капиталистической модернизации должен был способствовать укреплению имущественных прав и состояний и обеспечению надежности совершения гражданских актов.

Во избежание злоупотреблений при исполнении должностных обязанностей со стороны нотариусов, законодатель предусмотрел определенные меры юридической ответственности.

Обязанность осуществления общего надзора за деятельностью нотариусов законодатель возложил на окружные суды. Каждые три месяца уездные нотариусы отправляли старшему нотариусу отчетные ведомости, включающие сведения обо всех совершенных за данный период в их конторах нотариальных действиях. Также в них указывались суммы гербового сбора и доходов в пользу города, суммы перечислений в казначейство на пополнение залога, размер вознаграждения нотариуса, жалобы на него клиентов. На основании этих ведомостей старший нотариус составлял и представлял в окружной суд 3 раза в год сводный отчет.

В рамках надзора окружные суды должны были проводить ревизии нотариального делопроизводства, наблюдать за законностью совершаемых действий. По итогам ревизий нотариусы могли привлекаться к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения от должности.

В тот же окружной суд вносились и иски о возмещении убытков, причиненных действиями нотариуса. Нотариус нес имущественную ответственность своим залогом за недобросовестные действия или за совершение актов прямо запрещенных законом. В случае предъявления претензий к залого, каждая из них рассматривалась Окружным судом отдельно. Причем судом принимались к рассмотрению только те претензии, которые были связаны с совершением нотариусом исключительно его должностных обязанностей, а не исполнением каких-либо поручений частных лиц или коммерческих организаций. Если взыскания к залого не признавались судом таковыми, то они переходили в разряд частных долгов нотариуса и подлежали взысканию уже не в рамках Положения о нотариальной части, а по гражданскому законодательству.

Порядок наложения взысканий на нотариусов осуществлялся по общим правилам об ответственности лиц судебного ведомства [1, с. 60]. Наказания в зависимости от степени причиненного действиями нотариуса вреда и виновности, налагались в порядке дисциплинарного производства или по приговору уголовного суда. Следу-

ет заметить, что четких разграничений между деяниями, относящимися к дисциплинарным проступкам и должностным преступлениям, законодатель не проводил.

В отношении нотариусов в дисциплинарном порядке в соответствии со ст. 262. Учреждения судебных установлений могли применяться такие взыскания как предостережение, замечание, выговор без внесения в послужный список, вычет из жалования, арест до 7 дней. Дисциплинарное производство возбуждалось распоряжением председателя окружного суда или по предложению прокурора. Оно могло начаться не позднее года со времени совершения противоправных действий. Вопрос о возбуждении дисциплинарного производства ставился председателем на предварительное обсуждение распорядительного заседания окружного суда. При предварительном обсуждении дисциплинарного дела суд собирал необходимые справки и объяснения обвиняемого. При установлении законных оснований дело выносилось на решение общего собрания отделений суда. Если дисциплинарное производство было начато в связи с жалобой частного лица, то оно не могло быть прекращено даже в том случае, если жалобщик отказывался впоследствии от своих притязаний. Обвиняемому сообщалось предварительно о времени рассмотрения дела, с тем, чтобы он явился в суд для личных объяснений. Неявка обвиняемого в суд без уважительной причины не являлась основанием для приостановления рассмотрения дела.

Дисциплинарное слушание проходило при закрытых дверях, и не было сопряжено с особыми формальностями, порядок объяснения дела зависел от усмотрения суда. Однако перед вынесением решения суд должен был заслушать заключение прокурора, а также окончательное объяснение подсудимого или его защитника.

Особо в Положении выделялись основания отстранения нотариусов от занимаемой должности. К ним относились: упущения или действия по службе, несоответствующие занимаемому положению; пренебрежительное отношение к своим обязанностям; безнравственное и предосудительное поведение вне службы. Так, известен случай, когда в 1897 г. саранский нотариус В.П. Теплов за занятие ростовщичеством был уволен с должности именно в связи с утратой им репутации порядочного человека, что, по мнению суда, не совместимо с занимаемым им служебным положением [2].

В случае выявления вышеуказанных фактов они выносились председателем или прокурором окружного суда на обсуждение в распорядительном заседании с приглашением нотариуса для объяснения. Принятое соответствующим окружным судом заключение о деятельности нотариуса передавалось старшему председателю Судебной палаты, в чьи полномочия входило окончательное решение вопроса об увольнении нотариусов,

не подлежащее обжалованию. Однако об основаниях увольнения следовало ставить в известность министра юстиции.

Если при рассмотрении дела дисциплинарным порядком обнаруживались обстоятельства, по которым виновный подлежал суду уголовному, то дисциплинарное производство прекращалось, и подсудимый передавался уголовному суду по правилам, установленным Уставом уголовного судопроизводства.

Вопросы уголовной ответственности нотариусов регулировались также «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. На них распространялись нормы пятого раздела «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной (ст. 329–505)» [3]. В главе XI данного раздела специальный четвертый отдел (ст. 460–469) касался преступлений и проступков чиновников крепостных дел, нормы которого после судебной реформы были перенесены на нотариусов без особой дополнительной редакции.

Со временем законодательные положения по вопросам юридической ответственности нотариусов обрастали дополняющими и разъясняющими их решениями Правительствующего Сената. При этом современники отмечали, что практика Сената по вопросу о привлечении к ответственности лиц судебного ведомства была непоследовательна, неопределенна и противоречива, за нарушение служебных обязанностей, предусмотренных одной и той же статьей Уложения о наказаниях, в одном случае возбуждалось уголовное преследование, в другом – дисциплинарное производство [4, с. 135–149].

По смыслу Уложения, самому строгому наказанию подлежали такие виды преступных деяний нотариусов, как совершение от чьего-либо имени подложных крепостей или заочное совершение актов от имени отсутствующих, без надлежащей от них на то доверенности; совершение актов задним числом; подложное засвидетельствование акта в шнуровую книгу; сокрытие, истребление или умышленная потеря части книги. Эти деяния квалифицировались как «подлоги в отправлении должности», уголовное наказание за которые предусматривалось ст. 362 Уложения и включали лишение всех особых, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отправление в исправительное арестантское отделение [3, с. 45]. За совершение по неосмотрительности акта от имени лиц, не имеющих по закону права на совершение закрепленных в этих актах действий нотариусы должны быть согласно ст. 461 Уложения, удалены от должности без права исполнять ее в дальнейшем. Если же будет установлено, что нотариус совершил это умышленно из противозаконных соображений, то данные действия расценивались уже как подлог в отправлении должности. Строгому уголовному наказанию нотариус мог подвергнуться и за совершение или засвидетельствование акта, «содержащего в себе распоряжения или выражения явно противные законам или государственному благоустройству, или же вере и нравственности» (ст. 464). Все остальные упущения по службе подлежали взысканиям, установленным ст. 410 «за медленность и нерадение в отправлении должности», включающие, в зависимости от степени виновности лица, замечание, выговор (с внесением или без внесения в послужной список), вычет из жалования, а в случае многократности совершения – отрешение от должности.

В соответствии со ст. 1077 Устава уголовного судопроизводства дела о преступлениях по должности возбуждались по жалобам частных лиц, по сообщению или донесению должностного лица, в порядке надзора начальства за деятельностью подчиненного.

Возбуждение уголовного дела по должностным преступлениям губернских и уездных нотариусов находилось в компетенции соответствующей Судебной палаты, а в отношении старших нотариусов – кассационного департамента Правительствующего Сената. По факту

совершения должностного преступления проводилось предварительное следствие, на время которого нотариус отстранялся от исполнения обязанностей.

Примером может служить дело саранского нотариуса Г.В. Брониковского по обвинению его в составлении подложного прошения от имени крестьянина А.Г. Дерина, которое рассматривалось в 1885 г. Саратовской судебной палатой [5]. Это прошение о прекращении иска в 1 700 рублей было подписано якобы за неграмотностью самого Дерина крестьянином Бабиным. Нотариусом же Брониковским было письменно удостоверено, что прошение подписано в его присутствии, в конторе крестьянином Бабиным по просьбе Дерина, как лица лично ему, Брониковскому, известного. Как позже выяснилось из жалобы и показаний самого Алексея Дерина, он не только не был в конторе нотариуса, но и вообще в Саранске более четырех лет и нотариуса Брониковского никогда в глаза не видел, а в день составления и удостоверения прошения находился безотлучно в своей деревне и работал в поле со своими односельчанами, которые его слова на следствии подтвердили. Казалось бы, действия нотариуса Брониковского подпадали под ст. 462 Уложения о наказаниях, по которой чиновник, совершивший акт, не удостоверившись в тождестве и точной воле лица, от имени которого акт совершается или его поверенного, подвергался увольнению от должности с воспрещением впредь ее занимать. Однако суд не нашел достаточных оснований для обвинения Брониковского в умышленном совершении преступного деяния «из-за каких-то противозаконных видов» и пришел к заключению, что он «совершил засвидетельствование упомянутой подписи на прошении по неосмотрительности» и квалифицировал его действия по ст. 410, как нерадение в отправлении должности, в соответствии с которой вынес ему взыскание в виде замечания. Возможно, подобная лояльность суда была связана с многолетней беспорочной службой саранского нотариуса.

Таким образом, нотариусы, несмотря на отсутствие содержания из казны и прав на получение пенсии и производство в чины, несли юридическую ответственность наряду со всеми должностными лицами судебного ведомства, более того на них возлагался груз не только дисциплинарной, уголовной, но и имущественной ответственности как перед частными лицами, так и перед государством. Однако можно заметить, что на практике суд прибегал к серьезным репрессивным мерам при приращении мер юридической ответственности к нотариусам только в случае грубых и систематических злоупотреблений с их стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991. 496 с.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 10. Д. 453. Л. 28.
3. Свод законов Российской империи. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. 15. 369 с.
4. Пржевальский В. Хроника уголовного суда // Юридический вестник. 1880. № 1. С. 135–149.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 10. Д. 22. Л. 94, 115.

**THE EXERCISE OF PROSECUTE OF NOTARIES IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY**

© 2017

N.G. Tarakanova, Candidate of History, Associate Professor,
Head of the theory and history of the state and law department

F.Sh. Yambushev, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Dean of the Law Faculty

Saransk Cooperative Institute (Branch) Russian University of Cooperation, Saransk (Russia)

Keywords: notary; disciplinary proceedings; criminal responsibility; bail; the district court; the punishment.

Abstract: The article discusses the features of the involvement of Russian notaries accountable for misconduct and malfeasance, penalties for neglect, and abuse in the service, which was used to notaries according to existing legislation of the second half of XIX – beginning of XX century. Draws attention to the lack of clear distinctions between disciplinary misconduct and crime.

**ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

А.Н. Федорова, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: правонарушение; юридическая ответственность; метод, методология.

Аннотация: В статье автором раскрываются такие категории как методика, метод, методология исследования в историко-правовых. Автором определяется значение и цель методологии историко-правовых исследований, выявляются методологические проблемы историко-правовой науки, определяются ее возможности.

Современное состояние науки о правонарушениях и юридической ответственности показывает, что одной из важнейших проблем науки является эволюция указанных институтов в период феодализма на Руси.

Методология науки это система, включающая структурные элементы, представляющие собой единый комплекс принципов и способов познания. При этом методологический инструментарий не ограничивается только привычными, традиционными методами исследования, он неизбежно впитывает в себя достижения современной науки, и расширяется за счет появления новых подходов к исследованиям.

Проблемой понимания методологии юридической науки является, как правило, ее достаточно узкая трактовка, а именно как совокупность методов исследования, что находит отражение и в исследовательской литературе [1]. И. Кант понимал метод как способ действия [2]. В.М. Сырых определял метод как способ получения результата, избранный исследователем путь познания, конкретные приемы и операции действия и воздействия [1].

Заслуживающей внимания следует признать точку зрения, в соответствии с которой определять понятие «метод» следует более гибко, учитывая и различные прочно утвердившиеся в литературе аспекты, в которых оно применяется в зависимости от контекста, и правомерность выражения с его помощью различных уровней абстракции, в зависимости от того, имеется ли в виду общефилософская система или же более узкие по сфере приложения методологические системы. При этом главным, решающим условием правильного подхода к определению интересующего нас понятия должна быть трактовка метода как системы, реально данной в процессе познания. Как таковой метод выступает в виде определенного интегрального целого, включая как соответствующие теоретические (философские, специальные) принципы, так и совокупность исследовательских приемов разного порядка и процедуру их использования [3].

Накопление методов в науке происходит постепенно, и исследуемые общественные отношения накладывают отпечаток на каждый из них и на их применение. По справедливому замечанию В.М. Лавровского нельзя отделять метод исследования от самого исследования и его конкретных результатов [4].

Методика представляет собой начальную, фундаментальную субстанцию для методологии науки, состоящую из системы подходов к методам исследования юридических терминов, категорий и конструкций.

Метод и методология – понятия разные, но тесно связанные друг с другом. Метод позволяет узнать одну из сторон изучаемого явления, а методология же позволяет познать сущность этого явления [5].

Методология юридической науки представляет собой обусловленную философским мировоззрением систему теоретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования, которые применяются для получения новых знаний, объективно отражающих государственно-правовую действительность [6]. Мето-

дология юридической науки направлена на добывание и истолковывание фактов с целью последующего их применения для развития науки. Значение методологии состоит в том, что без нее невозможно познание сложной и противоречивой сущности государственно-правовых явлений и процессов [7].

Значение подлинно научной методологии теоретической государственно-правовой науки, не подвергаемое сомнению вообще, в обычные времена, резко возрастает в периоды социально-политической напряженности, вызванной крупными общественными реформами, экономическим кризисом, национально-этническими конфликтами, неэффективностью государственного управления, обвальным ростом преступности [8].

Современная наука исходит из постулата, о том, что юридическая методология представляет собой открытую систему, способную к развитию и приспособлению к разным условиям [9]. Именно постоянное развитие и совершенствование, усложнение методологии исследования позволяет достичь успешных результатов.

В современных исследованиях отмечается увеличение интереса юридической науки к вопросам методологии, причём в исследованиях не только обращённых на анализ современного состояния российского правового пространства, но и имеющих ретроспективный характер [10].

За последние годы методологические проблемы исторического познания все чаще становятся предметом специального философского изучения. Трудно переоценить значение этого факта интеграции научного знания как необходимого условия дальнейшего совершенствования методов социальных, исследований. Сложности исторического анализа, с которыми сталкивается историк в своей работе, важно осмысливать в связи с проявлениями специфических закономерностей отражения действительности и ее познания [11].

Историческое исследование диалектически соединяет два противоположных «плана»: синхронный, то есть на одном и том же временном срезе и диахронный, то есть по оси времени [12].

Рассматривая современные подходы, методы и методики исследований необходимо отметить, что историческая наука вступила в полосу качественного методологического и инструментального обновления.

Так, теоретические и методологические проблемы истории, рассматривают такие вопросы, как неоднородность исторического процесса в смысле наличия или отсутствия возможностей иного его хода [13].

Методологической проблемой является соотношение теории и факта в исторической науке, где основой познания является раскрытие зависимости фактов от теории, то есть теория помогает отбору, осмыслению и установлению связи фактов. В связи с этим существует настоятельная необходимость подробного изучения соотношения научного факта и факта реальной действительности, вопроса о специфике научного факта вообще и исторического факта в частности [12].

Значение методологии в познании историко-правовых явлений и процессов трудно переоценить. Р.С. Тараборин ставит вопрос о возможности, эффективности и корректности использования материала, предоставляемого другими областями социального знания, оставаясь при этом в рамках правовой науки и сохраняя при этом свою предметную идентичность. Им отмечается наиболее частое столкновение с этой проблемой историков права, что связано с известной «пограничностью» самого предмета, изучаемого данной отраслью юридической науки [10].

Предмет историко-правовых исследований представляет собой уникальную категорию и не может быть исследован только при помощи способов, характерных только для одной из наук. Методология историко-правовых исследований должна основываться на подходах, разработанных исторической и юридической наукой, она имеет прямую взаимосвязь с методологией исторической и юридической науки.

В рамках историко-правовых исследований необходимо применение разумного сочетания формационного и цивилизационного подходов, при этом последний позволяет выдвинуть личность на первый план. Указанное обстоятельство представляет несомненную ценность для подобных исследований, поскольку происходящие исторические явления и процессы напрямую связаны с человеком, основаны на его убеждениях и мировоззрении. Через призму цивилизационного подхода появляется возможность осмысления причин правонарушаемости как социально-значимых явлений.

Методология историко-правовых исследований имеет своей целью нахождение способов к познанию истины, инструментарий для правильного познания институтов права в истории российской государственности. Применение методологического инструментария позволяет не только описывать историко-правовые явления, но и осмысливать их. Сложность разрешения проблемы правонарушений и юридической ответственности в истории отечественного феодального права требует точного определения методологических целей, позволяющих сделать значительный шаг в решении глобальной проблемы осмысления системы современного российского права.

Представляется несомненным, что историческая и юридическая науки должны развиваться не изолированно, а в тесной связи с друг другом, иными науками и в системе других наук. В историко-правовых исследованиях каждый из методов используемый исторической и юридической наукой найдет своеобразие применения. Более того, для достижения наиболее эффективных результатов необходимо первоочередное применение определенных методов юридической науки, таких как диалектический, историко-правовой, системный, формально-юридический, аксиологический, гносеологический.

Методология историко-правовых исследований в настоящее время представляет собой обширное количество приемов и способов познания, не испытывающих недостаток конкретных средств при исследовании институтов права в истории российской государственности на каждом конкретном этапе исторического развития. «Методологические принципы ... постижения истории государства и права заключаются, во-первых, в том, что историко-правовое исследование должно строиться на основе проблемно-хронологического принципа. Этот принцип не отвергает известный историко-правовой науке во многом традиционный хронологический подход, но дополняет его необходимостью четкого определения пространственно-временных координат возникновения, становления и развития государственно-правовых явлений» [14].

Узловой методологической проблемой историко-правовых исследований является анализ структурных элементов и всей совокупности исследовательских методов. Разрешение указанной проблемы диктуется объектив-

ной необходимостью при проведении исследований извлекать фактологические данные и приходиться к новому историко-правовому знанию.

Проблема исследований историко-правовых явлений и процессов состоит в необходимости определения верного способа их познания, от которого зависит верность и адекватность отображения институтов отечественного феодального права. Не вызывает сомнения, что при проведении исследования необходимо основываться на принципе плюрализма, и для наиболее полного и точного отображения картины отечественного феодального права необходимо применять совокупность всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов познания. Указанная совокупность – методология – в процессе исследовательской работы неизбежно должна усложняться, что укажет на необходимость привлечения и междисциплинарных подходов в исследованиях, обусловленных и самим междисциплинарным характером исследования.

К методологическим проблемам неизбежно подводят и споры по конкретным вопросам, как в их специальном научном, так и в философском значении. В настоящее время как раз наблюдаются глубокие разногласия в интерпретации как вновь добытых, так и старых данных. Периодический пересмотр наличного историко-правового материала – явление вполне закономерное, и его переоценка может вызываться новыми данными или новыми путями исследования [15]. Следует подчеркнуть, что переоценка ценностей, ниспровержение традиций привлекают внимание широкой аудитории, лишенной возможности достаточно критически следить за аргументацией, на основании которой делаются ответственные выводы. Поэтому вопросы исследовательской этики при всяком пересмотре занимают особое место [16].

Необходимо помнить и о проблемах, связанных с субъективным представлением отдельных авторов по вопросам историко-правовых явлений и процессов. Так, А.Н. Гречухин отмечает, что по трудам данных исследователей и формируется современное представление о необходимом объекте исторического исследования. Искажаются исторические факты, с преувеличением трактуются отдельные историко-правовые явления, неправильно сопоставляются эмпирические данные и достижения науки [17].

В настоящее время в научной литературе наметилась тенденция на исследование проблем методологии правонарушений и преступлений, юридической ответственности. Среди них стоит отметить работы А.А. Гогиной [18], А.В. Маркина [19], М.П. Рединой [20]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что любое историко-правовое исследование непременно должно основываться на первоначальной разработке теоретических конструкций в рамках исследуемого исторического феномена.

К настоящему времени наукой разработано достаточно большое количество методов историко-правовых исследований, значение которых высоко оценивается в литературе. Так, например, отмечается, что в случаях, когда имеет место повреждение протографа, необходимо вместо археографических соображений необходимо прибегать к историко-юридическим или общелогическим [21]. Методы историко-правовых исследований в итоге приобретают «материальный» характер в виде определенных историко-правовых выводов.

Проведение историко-правовых исследований основывается, прежде всего, на общей методологии исторического исследования. Каждое явление должно рассматриваться в историческом контексте, неразрывно от конкретных условий и исторических событий. Фундаментальные исторические исследования позволяют расширять историко-правовые.

Современная историко-правовая наука содержит исследования на грани историко-правовой и отраслевых юридических наук, а именно межотраслевые научные

исследования [22]. Современное состояние науки настоятельно требует использование такого подхода в исследовательской работе, именно подобные разработки содержат наиболее значимые научные открытия [14].

В заключении представляется необходимым обозначить еще одну проблему в рамках методологии историко-правовых исследований, связанную с удаленностью исследуемых временных периодов. Сложность указанной ситуации состоит в отсутствии должного массива исторических источников, позволяющих познать отдаленные от современности явления и процессы.

Итак, современная методология науки представляет собой состоящую из самостоятельных частей систему, включающую методологию истории, методологию юридической науки и методологии иных наук. Указанная система требует расширения за счет включения в нее самостоятельной части – методологии историко-правовой науки, представляющей собой совокупность способов познания исторической и юридической науки, и являющейся ключом для правильного познания институтов права в истории российской государственности.

Основными элементами указанной системы представляются диалектический, историко-правовой, системный, формально-юридический, аксиологический, гносеологический и некоторые иные подходы в исследовании.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что использование верного инструментария историко-правовой науки позволит не только составить верное представление о прошлом и настоящем, но и даст возможность перспективного взгляда в будущее, возможность увидеть тенденции развития институтов права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сырых В.М. Метод правовой науки: основные элементы, структура. М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Маркарян Э.С. Об основных принципах сравнительного изучения истории // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 18–31.
4. Лавровский В.М. К вопросу о предмете и методе истории как науки // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 72–77.
5. Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 69–75.
6. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.
7. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. М.: Эксмо, 2005. 650 с.
8. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2001. 520 с.
9. Дьячек Т.И. Правовое учение Георга Фридриха Пухты: догматический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 25 с.
10. Тараборин Р.С. Системный подход в историко-правовых исследованиях // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2011. № 2. С. 246–250.
11. Медушевская О.М. Рецензии. Г.М. Иванов, А.М. Коршунов, Ю.В. Петров. Методологические проблемы исторического познания // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 132–133.
12. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 341 с.
13. Квиркелия Р.В. Комплексные методы в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 183–185.
14. Михайлова Н.В. Проблемы методологии историко-правовой науки // Современное право. 2012. № 5. С. 18–20.
15. Лекторский В.А., Шевырев В.С. Методологический анализ науки: типы и уровни. Философия. Методология. Наука. М.: Наука, 1972. 236 с.
16. Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 32–33.
17. Гречухин А.Н. Субъективизм как теоретико-методологическая проблема изучения правотворчества // Вестник ТИСБИ. 2010. № 4. С. 92–95.
18. Гогин А.А. Проблемы методологии и теории правонарушений. Тольятти: ТГУ, 2010. 201 с.
19. Маркин А.В. Логика юридической ответственности. М.: Nota Bene, 2010. 217 с.
20. Редина М.П. О методологии и методах научного познания преступлений, совершаемых с прямым умыслом // Юридическая мысль. 2006. № 6. С. 48–56.
21. Мейчик Д. Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915. Ч. 57. С. 350–354.
22. Хачатуров Р.Л. Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1974. 185 с.

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE METHODOLOGY OF HISTORICAL-LEGAL RESEARCH OF PROBLEMS OF OFFENSES AND LEGAL LIABILITY

© 2017

A.N. Fedorova, candidate of law sciences, associate professor of “Civil law and process”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: offence; legal liability; method; methodology.

Abstract: In article the author discusses categories such as technique, method, methodology of research in legal history. The author defines the meaning and purpose of methodology of historical-legal studies, identifies the methodological problems of historical-legal science, determined by its features.

В.И. Федосеев, доцент кафедры теории и истории государства и права
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Ключевые слова: правотворчество; государство; пенитенциарная система; исправительно-трудовая система; исправительно-трудовое право.

Аннотация: В статье исследуются основные направления и особенности реализации правотворческой функции советского государства в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы в 1917–1920 гг. Рассмотрены актуальные аспекты становления советской исправительно-трудовой системы, охарактеризованы источники советского исправительно-трудового права.

С победой октябрьского вооруженного восстания 1917 г. и провозглашением советской власти правотворчество в сфере исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, стало важнейшим направлением деятельности государства. Несмотря на широкое освещение в литературе, данная тема сохраняет большую актуальность, теоретическую и практическую значимость с точки зрения важности изучения исторического опыта для выработки наиболее эффективных моделей регулирования общественных отношений на современном этапе. Актуальность темы данной статьи обусловлена также особенностями исторического периода, в условиях которого происходило становление советской карательной политики, новой системы мест лишения свободы и соответствующей правовой базы.

Новые принципы общественного и государственного устройства России, провозглашенные советской властью, потребовали создания новой карательной политики, реформирования уголовно-исполнительной системы. Соответственно этому стала осуществляться правотворческая деятельность государства в пенитенциарной сфере. При этом первоначально советские правотворческие органы использовали лучшие достижения российской дореволюционной пенитенциарной науки. Кроме того, некоторое время после установления советской власти продолжало действовать пенитенциарное законодательство дореволюционного периода в той его части, в которой оно не противоречило новому общественному и государственному устройству, новой карательной политике. Одновременно велась напряженная работа по выработке основных направлений, целей, задач, принципов, форм и методов осуществления новой политики государства в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы.

Задачи советской карательной политики заключались, во-первых, в подавлении сопротивления свергнутых классов, во-вторых, в переходе в последующий период от тюрем к воспитательным учреждениям для исправления правонарушителей. Поэтому правотворческая деятельность советского государства была ориентирована на постепенное преобразование пенитенциарной политики в политику исправительно-трудовую, основная идея которой заключалась в перевоспитании осужденного путем использования общественно-полезного труда как ведущего средства исправления. Соответственно данной идее формировалось исправительно-трудовое право.

В правотворческой деятельности государства в сфере исполнения наказаний находили отражение идеи В.И. Ленина, Н.В. Крыленко, Д.И. Курского и других советских государственных деятелей, а также ученых о классовом подходе к личности осужденного. Вместе с тем, законодатель подходил к преступнику как к личности, человеку, имеющему определенные права, прежде всего, право на уважение его человеческого достоинства.

В рассматриваемый период в качестве субъектов правотворчества в сфере исполнения наказаний выступали Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

(далее – ВЦИК), Совет Народных Комиссаров (далее – СНК), Народный Комиссариат Юстиции (далее – НКЮ), Народный Комиссариат Внутренних Дел (далее – НКВД), Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее – ВЧК) и другие центральные государственные органы. В первые месяцы после создания советского государства основным правотворческим государственным органом в пенитенциарной сфере являлся Наркомат юстиции, так как именно в его ведение были переданы все места лишения свободы, главным образом, тюремные учреждения различных видов. На него же возлагалась задача реформирования дореволюционной пенитенциарной системы.

На региональном уровне субъектами пенитенциарного правотворчества выступали местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также территориальные органы НКЮ, НКВД, ВЧК. Постепенно возрастала роль местных органов большевистской партии в данной сфере.

Весьма многообразными были виды источников пенитенциарного, а затем – исправительно-трудового права. К ним относились: декреты, постановления, положения, уставы, циркуляры, инструкции, руководства, приказы, распоряжения, правила и тому подобные акты всероссийского уровня. Аналогичными по форме и по содержанию были нормативные правовые акты местных органов.

Одним из первых нормативно-правовых актов советского государства в отношении мест лишения свободы, свидетельствующих о ломке дореволюционных представлений о средствах достижения цели наказания в виде лишения свободы и начале формирования советской карательной политики, явилось Постановление Наркомата юстиции от 24 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах» [1, № 19, отдел 1, ст. 284]. В этом акте еще не было четко определено значение труда как средства исправления лишенных свободы при новом общественном строе, однако закрепленные в нем принципы организации труда заключенных соответствовали духу времени. Так, труд не должен был использоваться в качестве репрессии и учреждался с целью выполнения работ в интересах государства и по своему объему и степени интенсивности не мог быть выше требований, предъявляемых к труду обычного чернорабочего. Следовательно, общественно-полезный труд провозглашался основным средством перевоспитания осужденных, возводился в ранг государственной политики в Советской России. Это соответствовало основополагающему принципу советского государства «Не трудящийся да не ест», провозглашенному в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов 18 января 1918 г., и закрепленному в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., утвержденной V Всероссийским съездом советов.

Юридическим актом, в котором нашел свое отражение более высокий уровень советского правотворчества в пенитенциарной сфере, является Постановление НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как мере

наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)» [2, № 53, ст. 598]. Оно, в отличие от ранее принятых, представляло собой систематизированный исправительно-трудовой акт, закрепивший слом старой и установление новой системы мест заключения. Значение данного Постановления выходило далеко за рамки ведомственной инструкции. В нем предпринималась попытка наметить основные направления дальнейшей перестройки системы мест заключения и организационно-правового обеспечения отбывания наказания в виде лишения свободы. При этом подчеркивалось большое значение последовательного проведения в жизнь принципа классового подхода к осужденным.

С началом Гражданской войны правотворческая функция советского государства в рассматриваемой сфере существенно расширилась и усложнилась, а карательная политика приобретала все более репрессивный характер. Это выразилось, например, в принятии Постановления СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» [3, № 19, ст. 710], Постановления ВЦИК от 15 апреля 1919 г. и Декрета ВЦИК от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» [4, с. 29–30; 5, с. 5–16], предусматривавших создание в Советской России концентрационных лагерей (находились в ведении ВЧК) и лагерей принудительных работ (в ведении НКВД) для изоляции классовых врагов в целях защиты завоеваний социалистической революции. В результате одним из направлений правотворчества стало правовое регулирование оснований и порядка применения и исполнения наказания в виде лишения свободы в концентрационных лагерях и лагерях принудительных работ. Постановление ВЦИК от 17 мая 1919 г. не только регламентировало порядок организации лагерей, но и впервые в истории пенитенциарной системы Советской России определяло правовое положение заключенных. На заключенных лагерей принудительных работ распространял свое действие Кодекс Законов о труде РСФСР 1918 г.: например, в этих лагерях, как и в общих местах лишения свободы, был установлен 8-часовой рабочий день.

Новым шагом вперед в деле совершенствования правотворчества в исправительно-трудовой сфере стало принятие «Устава трудовых земледельческих колоний для лишенных свободы» от 12 августа 1919 г. Будучи итогом длительных теоретических поисков и разработок, он впервые в концентрированном виде вводил в практику исправительно-трудовых учреждений прогрессивную систему отбывания наказаний.

Логическим продолжением процесса становления исправительно-трудового права стало принятие Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (утверждены Постановлением НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г.) [6, ст. 590] как базового нормативно-правового акта, определяющего сущность и цель уголовного наказания в период становления социалистического общества. В документе подчеркивается оборонительный характер уголовного наказания, закрепляются принципы целесообразности и гуманизма при выборе и назначении наказания. Здесь же были сформулированы задачи и методы советской исправительно-трудовой политики, намечены пути исправления преступников – приспособление, перевоспитание трудящихся и изоляция, подавление классово чуждых элементов.

Теоретические выводы и опыт применения первых декретов, постановлений и других видов нормативно-правовых актов советской власти в области исправительно-трудовой политики нашли обобщение и законодательное закрепление в «Правилах внутреннего распорядка в местах заключения», введенных в действие циркуляром НКЮ РСФСР в июле 1920 г. [4, с. 24–32]. В развитие этого 15 ноября 1920 г. Наркомат юстиции ввел в действие еще более крупный и с более высокой степенью систематизации документ – «Положение об

общих местах заключения РСФСР» [7, № 23–24, ст. 141]. Несмотря на их ведомственный по субъекту принятия характер, действие этих документов распространялось на различные по правовому положению категории граждан, лишенных свободы. В «Положении» впервые подробно говорилось о режиме содержания и распределения осужденных по местам лишения свободы в зависимости от характера совершенных преступлений по трем категориям. При этом важную особенность документа составляло игнорирование классовой принадлежности при делении заключенных на категории, что было нехарактерно для законодательства послеоктябрьского периода. Сохранялось положение о внедрении прогрессивной системы отбывания наказания. Кроме того, в «Положении» регламентировались права и функциональные обязанности должностных лиц мест заключения, объем и пределы дисциплинарной ответственности. Здесь же законодательное закрепление нашли основополагающие принципы карательной политики РСФСР: трудовое начало, культурно-просветительная работа, уважение к личности заключенного [8, с. 130–131].

Таким образом, к концу рассматриваемого периода правотворческая деятельность советского государства в сфере исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, приобрела более или менее упорядоченный, целенаправленный, теоретически и идеологически обоснованный характер. Формирование системы исправительно-трудового законодательства происходило в сложных условиях начального периода существования советской власти, усугублявшихся процессами и явлениями, порожденными Гражданской войной. Правотворческую функцию в пенитенциарной сфере выполняли как центральные государственные органы, так и соответствующие органы регионального уровня.

Однако в данный период места заключения в РСФСР оказались рассредоточенными по трем ведомствам – НКВД, ВЧК и НКЮ. Отсутствие единой системы управления местами лишения свободы стало причиной, с одной стороны, определенного параллелизма в правотворческой работе различных ведомств, мешало созданию концепции исправительно-трудовой политики страны в целом. С другой стороны, исправительно-трудовое законодательство носило в эти годы партикулярный (разрозненный) характер, отсутствовал единый, комплексный нормативно-правовой акт общегосударственного масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1918. № 19. 24.01.18. Отдел 1. Ст. 284.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1918. № 53. Ст. 598.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1918. № 19. Ст. 710.
4. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). История законодательства / сост. П.М. Лосев, Г.И. Рагулин. М.: Госюриздат, 1959. 360 с.
5. О лагерях принудительных работ: декрет ВЦИК от 17 мая 1919 г. // Материалы из истории органов внутренних дел. Вып. 4. М.: Центральный музей МВД СССР, 1973. С. 5–16.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1919. № 66. Ст. 590.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1921. № 23–24. Ст. 141.
8. Смыкалин А.С., Федосеев В.И. Положение об общих местах заключения РСФСР 1920 г. // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 130–131.

PARTICULARLY PENAL LAWMAKING THE SOVIET STATE IN 1917–1920

© 2017

V.I. Fedoseev, associate Professor
of the Department of theory and history of state and law
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, Samara (Russia)

Keywords: lawmaking; the state; prison system; in the corrections system; correctional labor law.

Abstract: The article examines the main directions and peculiarities of implementation of the law-making functions of the Soviet state in the sphere of execution of penalties of deprivation of liberty in 1917–1920. They discussed topical aspects of the formation of the Soviet corrective labour system is characterized by the sources of Soviet correctional labor law.

Н.А. Шевелева, заведующая кафедрой государственного и административного права,
профессор, профессор, доктор юридических наук

Н.И. Дивеева, профессор кафедры трудового права и охраны труда,
доцент, доктор юридических наук

И.А. Васильев, доцент кафедры теории и истории государства и права,
доцент, кандидат юридических наук

А.В. Бабич, заместитель по учебным и внеучебным вопросам первого проректора
по учебной, внеучебной и учебно-методической работе –
начальник Управления по организации приема

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

Ключевые слова: целевое обучение; целевой прием; организация обучения; трудоустройство.

Аннотация: Общество для своего выживания и движения вперед всегда пытается найти пути взаимодействия в разных сферах жизни, согласовывая интересы отдельных социальных групп. Причем поиск путей подобного взаимодействия, механизмы согласования соответствующих интересов не могут избираться произвольно. Они детерминируются экономической, социальной, политической системами, изменение которых влечет за собой и трансформацию механизмов (в том числе, правовых) по достижению общественного консенсуса, обеспечивающего устойчивость развития социума. Все изложенное относится и к сфере профессионального образования, которое, в идеале, должно удовлетворить и реализовать интересы нескольких субъектов: граждан, стремящихся путем получения образования реализовать свои способности и получить востребованные на практике знания, умения и навыки; работодателей, желающих иметь возможность выбора компетентных сотрудников; учебных заведений, реализующих образовательные программы по определенным стандартам; государства (а в более широком смысле общества), являющегося не только гарантом и посредником получения первыми тремя субъектами желаемого, но и просчитывающего и определяющего на перспективу пути своего развития, в том числе, с точки зрения подготовки профессиональных кадров.

В условиях административно-командной системы и в условиях действия рыночных механизмов задачи выбора компетентных сотрудников и учебных заведений решаются различными способами.

Первая из названных систем с преобладающим государственным сектором в экономике предполагает создание централизованных планов подготовки специалистов и строго регулируемых механизмов нахождения баланса «спроса» и «предложения» при «поиске» работы лицами, получившими профессиональное образование, через систему обязательного трудоустройства по направлению, выданному государством. В истории России подобный правовой механизм, фактически просуществовавший до середины 90-х годов XX века, был введен Постановлением Центрального исполнительного комитета СНК СССР от 15 сентября 1933 года «Об улучшении использования молодых специалистов» [1, ст. 356]. В соответствии с данным правовым актом все лица, закончившие обучение в высших учебных заведениях и техникумах, как обучавшиеся за счет государства, должны были проработать в течение пяти (затем трех) лет в определенных пунктах по указанию народных комиссариатов (позже – министерств), в ведении которых находились соответствующие учебные заведения. С одной стороны, подобного рода правила жестко ограничивали свободу лиц указанием в пункте 3 на то, что: «Всякое самовольное устройство на работу после окончания учебного заведения и неприбытие к месту работы, согласно выданного ведомством наряда, должно рассматриваться как нарушение закона, а виновные в этом должны привлекаться к судебной ответственности». С другой стороны, такой механизм трудоустройства был равносильным полному государственному патернализму как для выпускников, так и для учебных заведений: нет необходимости профессионализмом «завоевывать» себе место работы, нет необходимости делать более эффективным учебный процесс, зная, что любой выпускник получит работу наверняка. Подобный «псевдоспрос», во-первых, искажал эффективность системы образования, во-вторых, поддерживал неэффективность

экономической системы в целом, непривлекательность рабочих мест (с точки зрения условий труда).

В условиях действия рыночных механизмов соотношение спроса и предложения в сфере труда подвержено другим законам. «На рынке труда работодатель и работник сами находят друг друга, в зависимости от требуемых и имеющихся квалификаций, и это называется эффективным равновесием. И вузы, и государство могут способствовать тому, чтобы такое равновесие достигалось быстрее, но заменить собой рынок никак не смогут» [2, с. 167–182].

Механизмом, способствующим достижению подобного эффективного равновесия между интересами граждан, учебных заведений, работодателей и государства в условиях рыночной экономики, может быть договорное регулирование организации обучения и трудоустройства, основанное на целевой подготовке специалистов.

Попытка выстраивания подобных механизмов начала осуществляться еще в командно-административной экономике на закате советского периода существования нашего государства. 10 июня 1987 года было принято Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» [3, ст. 73], в котором определялся новый способ взаимодействия производства, науки и высшей школы, основанный на целевой подготовке специалистов, работающих по договорам, заключаемым между министерскими и ведомственными структурами, для которых осуществляется подготовка кадров, Министерством высшего и среднего специального образования СССР и прочими министерскими и ведомственными организациями, в чьем подчинении находятся вузы, а также между собственно высшими учебными заведениями, организациями и предприятиями в рамках государственных планов по подготовке профессиональных кадров. Данное постановление предписывало, что часть расходов на обучение студентов, которые связаны с обеспечением необходимого качества подготовки кадров, министерским и ведомственным структу-

рам СССР, содержащим вузы, Министерству высшего и среднего специального образования СССР, должна быть возмещена за счет централизованных фондов и резервов министерств и ведомств отраслей материального производства. А организации и предприятия в свою очередь должны компенсировать министерским и ведомственным структурам эти средства за счет фонда развития производства, науки и техники. К сожалению, судить об эффективности действия данного постановления не представляется возможным, поскольку распад Советского Союза, уход от централизованной системы планирования, изменения в экономической сфере, связанные с появлением различных форм собственности, свели на «нет» возможные позитивные последствия от реализации названного Постановления.

Правовая регламентация процесса целевой подготовки специалистов в постперестроечной России сначала вылилась в принятие Постановления Правительства РФ от 19 сентября 1995 года № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием» (на сегодняшний день не действующее) [4, ст. 3777], а затем – Постановления Правительства РФ от 27 ноября 2013 года № 1076 «О порядке заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении» [5, ст. 6279].

Каковы были особенности целевой контрактной подготовки специалистов по Постановлению Правительства РФ от 19 сентября 1995 года № 942:

1. Подготовка осуществлялась за счет средств федерального бюджета для предприятий, организаций, учреждений любых форм собственности, но, в первую очередь, для, так называемых, бюджетных организаций, т. е. государство в принципе было готово осуществлять целевую подготовку кадров за счет бюджетных средств, в том числе, для негосударственного сектора. Объем целевой контрактной подготовки специалистов устанавливался федеральными органами исполнительной власти, имеющими в своем ведении образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, по согласованию с Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию (затем – с Министерством образования РФ).

2. В рамках данного порядка должно было заключаться два договора: один – между студентом и учебным заведением, второй – между студентом и потенциальным работодателем, таким образом, формально учебное заведение и работодатель не находились в договорных отношениях, хотя, как показывает практика, иногда заключались трехсторонние соглашения между этими субъектами.

3. Обязательства студента и потенциального работодателя, в том числе обязанность отработать определенное количество лет после получения образования, формы взаимной ответственности, на законодательном уровне не регламентировались, всё отдавалось на уровень договорного регулирования, притом, что тратились бюджетные деньги, фактически, не достигая цели наполнения высококвалифицированными кадрами организаций.

4. Меры социальной поддержки успевающим студентам, обучающимся в рамках целевой контрактной подготовки специалистов, назывались государственная стипендия, выплачиваемые за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации в размерах, установленных законодательством Российской Федерации. Что касается дополнительных мер социальной поддержки (доплат, пособий, льгот по оплате проживания в общежитиях, коммунальных и бытовых услуг и пр.), то их предоставление опять же декларировалось в основном за счет средств учебного заведения, а предоставление таковых работодателем отдавалось исключительно на откуп договорного регулирования.

5. Студенты, заключившие договор с учебным заведением, по их просьбе могли освободиться от заключе-

ния и исполнения контрактов с работодателем в случаях, установленных Постановлением, но при этом они должны были возместить учебному заведению и работодателю до получения диплома затраты, связанные с установлением им государственной стипендии, других социальных пособий (доплат) и льгот на условиях и в порядке, определенных договором. Соответственно, если таковые условия в договоре отсутствовали, то ничего не нужно было возмещать.

Таким образом, правовой механизм целевой контрактной подготовки специалистов был далек от совершенства и не способствовал ни насыщению организаций России квалифицированными кадрами, ни целевому (в широком смысле) расходованию бюджетных средств, обеспечивающих реализацию учебными заведениями образовательных программ, для «точной» подготовки квалифицированных кадров, ни финансовой заинтересованности работодателей в подготовке кадров, ни ответственности работодателей и выпускников за отказ от трудоустройства. При этом и работодатели фактически не могли влиять на реализацию образовательных программ, не имея возможности их адаптации к нуждам практики.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее – Закон об образовании) [6] установил новые параметры целевой подготовки кадров, в связи с чем было принято Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2013 года № 1076 «О порядке заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении».

Что нового внесли данные правовые акты в регламентацию целевой подготовки кадров в РФ? Какие проблемы как в части существа самих подходов в организации целевой подготовки, так и в части правоприменительной практики выявились при реализации названных правовых актов? Достигаются ли цели, поставленные государством в деле подготовки кадров, с помощью предложенных правовых механизмов?

Очевидно, что, исходя из смысла целевой подготовки кадров, на уровне нормативных актов нужно обозначить и решить три проблемы: организацию приема по целевому набору, организацию обучения по целевому набору, трудоустройство выпускников по целевому набору. Взятые в совокупности указанные составляющие как раз должны явить стройный и эффективный механизм (в том числе, правовой), способствующий целевой подготовке кадров высшей квалификации в РФ.

В части 2 ст. 56 Закона об образовании определяется, что организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, вправе проводить целевой прием в пределах установленных ими квот и контрольных цифр приема граждан на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Количественное ограничение целевых мест ежегодно определяется учредителями организаций, осуществляющими образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, в рамках квоты, в объеме установленных на очередной год контрольных цифр приема. Такой подход позволяет корректировать количество целевых мест дифференцировано для образовательных организаций по каждому уровню высшего образования, каждой специальности и каждому направлению подготовки. Право организации проводить целевой прием в пределах установленных им контрольных цифр закрепляется в Порядке приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры [7, п. 125]. В 2017 году доля «целевиков» составила 13,6 % от общего количества принятых студентов [8].

Статья 53 Закона об образовании устанавливает, что в случае приема на целевое обучение в соответствии со

статьей 56 настоящего Федерального закона изданию распорядительного акта о приеме лица на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, предшествует заключение договора о целевом обучении и договора о целевом приеме. Таким образом, действующее законодательство (как и прежде) устанавливает двухзвенную структуру договорного регулирования соответствующих отношений, но по иному подходит к субъектному и содержательному наполнению названных договоров.

Договор о целевом обучении предшествует договору о целевом приеме и заключается между гражданином, желающим получить образование, и будущим потребителем кадров – федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, государственным (муниципальным) учреждением, унитарным предприятием, государственной корпорацией, государственной компанией или хозяйственным обществом, в уставном капитале которого присутствует доля Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Законом об образовании предусмотрена возможность заключения договора о целевом обучении с обучающимися, уже принятыми на обучение не на условиях целевого приема (не имеет значение период пройденного обучения). Кроме того, действующее законодательство устанавливает, что целевое обучение за счет бюджетных средств возможно только в отношении граждан Российской Федерации. Таким образом, государство определяет, что целевая подготовка кадров за счет бюджетов всех уровней может осуществляться только для субъектов, аффилированных с государством (в широком смысле, включая органы местного самоуправления). Соответственно подготовка кадров для иных организаций – частный интерес хозяйствующего субъекта, который он может реализовать за свой собственный счет, самостоятельно оплачивая полное обучение студента.

Здесь возникает проблема, которая не находит (и, наверное, не должна находить) отражения в действующем законодательстве: каковы критерии и порядок отбора лиц (потенциальных студентов) для заключения с ними договора о целевом обучении? Как представляется, это прерогатива той структуры (организации), которой требуются соответствующие профессиональные кадры. Но при этом, как показывает практика и экспертные оценки в данной сфере, такого рода информация не является прозрачной. Потенциальные получатели образования не могут найти в свободном доступе сведения о возможностях целевого обучения для конкретного государственного (муниципального) органа или соответствующей организации, отсутствуют наработанные методики отбора наиболее мотивированных и подготовленных абитуриентов. Так, по данным опроса, проведенного в 2016 году Фондом социальной помощи студентам (выборка – 4 500 человек), только 10 % абитуриентов знают об источниках получения информации о целевом наборе. А опрос, проведенный уже среди студентов, показывает: 62 % из них могли бы изменить свои намерения по получению высшего образования, если бы обладали большей информацией о возможностях целевого приема, 83 % и вовсе не знали о нем на момент окончания школы [9]. Итогом выявленных проблем является и то, что обучаться по целевому набору идут наименее подготовленные абитуриенты, у которых проходной балл в среднем по России существенно меньше (64,4), чем у тех, кто идет по общему конкурсу (68,2) [8]. Поэтому вряд ли государству, за чей счет происходит обучение, должны быть безразличны широта информированности о целевом обучении, уровень и потенциал абитуриентов как будущих студентов и специалистов.

Содержание обязанностей по договору о целевом обучении сводится, в основном, к обязанности гражда-

нина успешно освоить соответствующую образовательную программу и заключить с организацией-заказчиком трудовой договор по оговоренной трудовой функции на срок до 3 лет после окончания учебного заведения. Организация-заказчик обязуется предоставить гражданину меры социальной поддержки, организовать прохождение практики в соответствии с учебным планом, а также обеспечить трудоустройство выпускника. Несмотря на то, что обязательность включения подобных условий в договор указана в соответствующем нормативном акте, анализ практики показывает, что больше половины действующих договоров о целевом обучении специалистов не содержат ни информации о социальной поддержке будущего молодого специалиста, ни конкретных сроков по трудоустройству выпускника в организации [10]. Но даже в тех договорах, где подобные обязательства прописываются, они выражаются не достаточно четко, что может влечь негативные последствия как для одной, так и для другой стороны.

В частности, юридически ненадлежащим образом оформленные в договоре затраты организации-заказчика трактуются в пользу обучающегося, который может быть освобожден от обязанности заключения трудового договора после получения образования. Так, в решении Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 6 июля 2011 года по делу № 2-2441/19(11) [11] подчеркивается, что в договоре о целевом обучении не прописаны и не согласованы между истцом и ответчиком размеры расходов ОАО «РЖД» за обучение лица, в том числе размер ежемесячной надбавки к стипендии, размер ежемесячной стипендии при условии успешной сдачи студентом всех экзаменов и зачетов в период экзаменационной сессии, другие доплаты, льготы, которые также не перечислены в договоре. С учетом изложенного суд приходит к выводу, что указанные стипендии и доплаты к ним выплачивались истцом по собственной инициативе с целью повышения престижности специальностей железнодорожного транспорта и не по договору о целевой подготовке студента, что дает основание освободить ответчика от обязанности заключить трудовой договор с истцом после получения образования.

С другой стороны, ненадлежащим образом прописанные условия могут ущемлять права обучающегося. Устьянский районный суд Архангельской области от 22 мая 2012 года по делу № 2-179 /2012 [12] установил, что лицо обратилось в суд с иском к ГБУЗ Архангельской области о расторжении договора между ним и ответчиком, заключенного в рамках целевой подготовки специалистов, мотивируя требования тем, что согласно условиям договора МУЗ взяло на себя обязательства по оплате истцу в период учебы надбавки к стипендии, проживания в общежитии, проезда к месту практики и часть этих обязательств не выполнило. Суд пришел к выводу, что неисполнение ответчиком некоторых условий договора не лишило лицо возможности получить образование за счет бюджетных средств в рамках целевой контрактной подготовки специалистов: в настоящее время лицо продолжает обучение на факультете лечебное дело. Неисполнением части условий договора истцу не причинен ущерб, и он не лишился возможности получить образование и работать по специальности у работодателя.

В соответствии с законодательством стороны в договоре о целевом обучении могут указать основания освобождения гражданина от исполнения обязательства по трудоустройству. Однако пределы такой договорной свободы законодательством не устанавливаются, в связи с чем возможны явные злоупотребления. Хотя стоит отметить, что в своих решениях судебные органы, исходя из принципа разумности, констатируют, что причины неисполнения договора должны быть уважительными. Так, в Апелляционном определении Челябинского областного суда от 11 апреля 2014 года по делу № 11-

4094/2014 [13] указывается, что в удовлетворении иска о возможности неисполнения обязательств по трудоустройству в соответствии с договором о целевой подготовке специалиста отказано правомерно, так как перечень уважительных причин, по которым допускается неисполнение обязанности по трудоустройству договором, заключенным между сторонами, не предусмотрен. Понятно, что организация-заказчик тратит свои деньги, обеспечивающие меры социальной поддержки студента во время учебы, но львиная доля средств на подготовку специалиста поступает из бюджета. Стороны договора могут по обоюдному согласию прописать любое основание отказа от трудоустройства, не неся никакой ответственности за фактически не целевое использование государственных средств.

В любом случае, неопределенность правового положения организации-заказчика и лица, получающего образование, вытекающая из ненадлежащего оформления договорных отношений, не способствует эффективной подготовке специалистов в рамках целевого обучения. При этом нужно понимать, что ненадлежащее оформление не связано с недействительностью договора. Как раз, действительность договора как юридического факта не оспаривается, термин «ненадлежащий» относится к значению договора как источника субъективных прав и обязанностей для его сторон. При этом ни та, ни другая сторона в полной мере не используют тот потенциал договорного регулирования, который предоставлен действующим законодательством. Восполнить пробелы (умышленные или неумышленные) такой двусторонней регламентации общественных отношений с помощью третьих лиц (извне) не представляется возможным. Поскольку речь идет о договорном регулировании, то механизмы государственного контроля за содержанием подобной регламентации общественных отношений фактически сведены к нулю, хотя речь идет об эффективности использования бюджетных средств в сфере образования.

Второй договор – договор о целевом приеме – заключается образовательной организацией (исполнителем) с организацией-заказчиком, заключившей договор о целевом обучении с гражданином. Существенными условиями данного договора являются обязанности организации-заказчика: осуществлять отбор и направление граждан, заключивших договор о целевом обучении, к исполнителю для участия в конкурсе на целевые места, проводимом в рамках квоты целевого приема; организовать прохождение гражданами, заключившими договор о целевом обучении и принятыми на целевые места по конкурсу, проводимому в рамках квоты целевого приема, практики в соответствии с учебными планами исполнителя. Обязанности исполнителя более обширны: организовать целевой прием граждан, заключивших договор о целевом обучении, и принять на целевые места тех, кто прошел конкурс; обеспечить реализацию образовательных программ; представлять заказчику информацию, имеющую значение для исполнения договора (по успеваемости, отчислению и пр.); обеспечить направление граждан, заключивших договор о целевом обучении, в организацию, указанную в договоре о целевом обучении, для прохождения практики и так далее.

В договоре о целевом приеме фактически должны регламентироваться особенности организации обучения для такого рода студентов. Очевидно, что исполнитель в целом обязан организовать учебный процесс в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами по специальностям и направлениям подготовки. Вместе с тем типовая форма анализируемого договора предполагает, что организация-заказчик может вносить предложения по формированию (изменению) образовательных программ с учетом дополнительных требований заказчика к уровню и качеству подготовки граждан, а исполнителя вправе учитывать такие пред-

ложения. Но, с другой стороны, обязанностью исполнителя является организация учебного процесса с учетом новейших достижений науки и техники.

С учетом того, что наше общество находится в рамках пятого технологического уклада (достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи) и стоит на пороге шестого технологического уклада (нано- и биотехнологии, наноэнергетика, молекулярная, клеточная и ядерная технологии, использование стволовых клеток, инженерия живых тканей и органов, восстановительная хирургия и медицина и пр.) гибкость и технические возможности образовательных программ, учитывающие соответствующие потребности, выступают на первый план. Как раз через договоры о целевом приеме возможно объединить организационный, материальный, интеллектуальный потенциал представителей бизнеса, научного и образовательного сообщества, государства и всего общества в интересах подготовки кадров (желательно опережающей) для развития новых высокотехнологичных отраслей отечественной экономики.

Примером такого комплексного подхода, как представляется, может служить Постановление Правительства РФ от 5 марта 2015 года № 192 «О государственном плане подготовки кадров со средним профессиональным и высшим образованием для организаций оборонно-промышленного комплекса на 2016–2020 годы» [14, ст. 1599]. Кроме того, государственная политика поддержки подготовки кадров (в том числе, целевой) для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации после получения образования может и должна реализовываться через предоставление и выплату грантов на обучение (к примеру, Указ Президента РФ от 7 декабря 2015 года № 607 «О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности») [15, ст. 7142].

И, наконец, задачей целевого обучения является обеспечение кадрами организаций-заказчиков через трудоустройство в эти организации выпускников. К сожалению, необходимо констатировать, что в действующем российском законодательстве нет достаточных механизмов, обеспечивающих реальное исполнение обязательств по трудоустройству, вытекающих из договора о целевом обучении. Как уже указывалось, в некоторых договорах совсем не содержатся обязательства о сроке трудоустройства, что делает юридически невозможным применение каких-либо санкций.

Но даже если срок трудоустройства прописан, то реализация соответствующего обязательства может быть сопряжена с определенными трудностями. Конечно, ст. 56 Закона об образовании устанавливает ответственность гражданина, не исполнившего обязательства по трудоустройству (за исключением случаев, установленных договором о целевом обучении), в виде возмещения в полном объеме организации-заказчику расходов, связанных с предоставлением ему мер социальной поддержки, а также выплаты штрафа в двукратном размере относительно указанных расходов. В некоторых договорах на целевое обучение устанавливается солидарная ответственность лица, получающего образование и, как правило, одного из его родителей в случае, если обязательства по договору выполнены не будут, и организация-заказчик будет требовать возмещения расходов, понесенных на обучение. Подобный подход представляется разумным, поскольку чаще всего договоры о целевом обучении заключаются с лицами, еще не имеющими образования. При этом высока вероятность того, что в случае отчисления такого лица из учебного заведения до окончания срока обучения либо невозможности его устроиться на работу сразу после окончания учебного заведения у лица, заключившего договор, не будет доста-

точных денежных средств (имущества) для исполнения обязательств перед организацией-заказчиком. В этом случае на основании ст. 322 Гражданского кодекса Российской Федерации суды выносят решения о взыскании в солидарном порядке расходов, понесенных организацией в связи с обучением лица, заключившего договор (см., например, Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 7 июня 2011 года по делу № 33-1624/2011 [16]).

Такая же мера ответственности (в двукратном размере расходов) установлена для организации-заказчика в случае неисполнения обязательства по трудоустройству гражданина. Однако, во-первых, взыскание компенсации не заменяет самого факта трудоустройства, во-вторых, львиная доля расходов, сопряженных с получением образования, не компенсируется сторонами, так как осуществляется за счет бюджета, а организация и выпускник никакой ответственности перед государством не несут.

В условиях общей турбулентности, а также российской действительности срок 3–5 лет (срок получения образования) является долговременным планированием, в котором бывают не заинтересованы ни организация-заказчик, ни обучающийся. В этой связи на практике довольно часто встречаются судебные споры, инициированные гражданами, о расторжении договора о целевой подготовке в связи с существенным изменением обстоятельств. Так, Апелляционным определением Верховного Суда Республики Марий Эл от 6 ноября 2014 года по делу № 33-1871/2014 в удовлетворении подобного требования отказано, поскольку заключение искицей брака и намерение проживать по месту жительства супруга не является существенным изменением обстоятельств [17]. В Апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 4 мая 2017 года по делу № 33-3464/2017 указывается, что довод апелляционной жалобы о том, что лицо имела намерение продолжить обучение в ординатуре, не является основанием для расторжения договора о целевом обучении, так как дополнительные квалификационные характеристики для трудоустройства лица по окончании высшего учебного заведения не требуется [18].

Судебные органы, рассматривая споры, вытекающие из заключения договора о целевой подготовке специалиста (о целевом обучении), в подавляющем большинстве случаев толкуют его как ученический договор. Такой вывод подтверждается рядом судебных решений: решение Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 4 апреля 2012 года по делу № 2-85/12 [19]; решение Няндомского районного суда Архангельской области от 21 октября 2011 года по делу № 2-277/2011 [20]; Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 7 июня 2011 года по делу №33-1624/2011 [21]. В тематическом обзоре судебной практики по спорам в сфере образования за 2013–2014 годы «Обзор 6. Права обучающихся профессиональных образовательных организаций», подготовленном Федеральным государственным бюджетным научным учреждением «Федеральный центр образовательного законодательства», договор о целевом обучении также трактуется как синоним ученического договора.

Подобный подход представляется не верным, во-первых, по теоретическим соображениям, во-вторых, что самое важное, по соображениям практическим, приводящий к ошибкам правоприменения. Так, в решении Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 4 апреля 2012 года по делу № 2-85/12 указано, что на момент заключения договора № 82ЦП/08 о целевой подготовке специалиста с высшим (средним) профессиональным образованием от 20 февраля 2008 года лицо не достигла возраста шестнадцати лет – возраста трудовой

правосубъектности [22]. Таким образом, в соответствии с трудовым законодательством лицо не могла самостоятельно выступать стороной при заключении договора.

Исходя из анализа главы 32 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) можно сделать вывод, что не любой договор об обучении, который заключается при участии работодателя и работника (действующего или потенциального) является ученическим договором. Последний заключается с лицом, работающим или ищущим работу, только в том случае, если обучение связано с трудом, обучение через труд. Это вытекает из анализа кодекса. Так, согласно ст. 204 ТК РФ, ученикам в период ученичества выплачивается стипендия, размер которой определяется ученическим договором и зависит от получаемой квалификации, но не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (вряд ли на этом основании строятся стипендии в образовательных организациях). На учеников распространяется трудовое законодательство, включая законодательство об охране труда (ст. 205 ТК РФ), условия такого договора, противоречащие ТК РФ, коллективному договору, соглашениям, являющиеся недействительными и не применяются (ст. 206 ТК РФ). То есть, все, на что указывает законодатель в отношении ученического договора, коррелируется с правовым положением именно работника, а не лица, обучающегося по образовательной программе. Таким образом, как представляется, с момента своего принятия (т. е. с 2001 года) ТК РФ именно так и трактовал ученический договор. Более того, тезис о том, что не любой договор об обучении, заключаемый работником и работодателем, является ученическим договором нашел подтверждение принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ [23]. Этим законом были внесены изменения, в частности, в ст. 196 ТК РФ, в содержании которой теперь подготовка работников для нужд работодателя разделяется на профессиональное образование и профессиональное обучение. Определение понятия «профессиональное обучение» закреплено в ст. 2 Закона об образовании, в которой под ним понимается вид образования, направленный на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий). Ст. 73 Закона об образовании фактически уточняет положения, закрепленные в ст. 2, и устанавливает, что профессиональное обучение направлено на приобретение лицами различного возраста профессиональной компетенции, в том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными средствами. Результатом профессионального обучения является получение лицами квалификационных разрядов, классов, категорий по профессии рабочего или должности служащего без изменения уровня образования. Как правило, в судебных актах существенным условием ученического договора называется указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником (Апелляционное определение Свердловского областного суда от 7 сентября 2016 г. по делу № 33-14859/2016 [24]; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 13 марта 2017 г. по делу № 11-3128/2017 [25]).

Как раз, представляется, что ученический договор с точки зрения права опосредует профессиональное обучение работника, в то время, как договор о целевом обучении связан с получением профессионального образования как вида образования, направленного на приоб-

ретенение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретной профессии или специальности (ст. 2 Закона об образовании).

Представляется, что проблему трудоустройства по целевому набору нельзя решать исключительно в плоскости карательных юридических мер, скорее, вопрос должен решаться в большей степени в плоскости психолого-экономической, когда организация-заказчик должна заинтересовывать выпускника и обеспечивать ему достойные условия труда и профессионального роста. Так, например, студентам, обучающимся в ФГБОУ ВО РГУПС по договорам о целевой подготовке от структурных подразделений (филиалов) ОАО «РЖД», по окончании университета (при заключении трудового договора) присваивается статус «Молодого специалиста», предусматривающий: выплату единовременного денежного пособия («подъемные»); возмещение расходов по временному найму жилого помещения (при направлении на работу в другую местность); предоставление корпоративной поддержки (ипотечного кредита) для приобретения жилого помещения в собственность [26].

Что касается сугубо правовых механизмов, опосредующих целевое обучение, то, думается, что для подготовки наиболее мотивированных и талантливых специалистов, эффективного использования бюджетных средств в образовании необходимо заключать договоры о целевом обучении с уже принятыми на обучение студентами (не имеет значение период пройденного обучения). Такая возможность закреплена Законом об образовании (ст. 56). Кроме того, примером подобного подхода является Указ Президента РФ от 28 декабря 2013 года № 967 «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации» [27, ст. 7147], закрепляющий меры социальной поддержки граждан Российской Федерации, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации и обучающихся в них по специальностям и направлениям подготовки, качество обучения по которым соответствует лучшим мировым стандартам, для обеспечения их трудоустройства в соответствии с полученной квалификацией в организациях, зарегистрированных на территории РФ.

Кроме того, в силу обстоятельств, проанализированных в настоящей статье ранее, наиболее оптимальным нужно признать не двухуровневую систему договоров о целевом обучении и целевом приеме, а единый трехсторонний договор, заключаемый между студентом, организацией-заказчиком и образовательной организацией, в котором были бы конкретизированы взаимные права и обязанности для эффективной подготовки кадров, аккумулирующие образовательные, технологические, интеллектуальные, научные и иные возможности сторон. При этом важно поставить вопрос о материальной ответственности заказчика обучения и выпускника перед государством с точки зрения компенсации расходов на обучение в случае отказа от трудоустройства на условиях договора о целевом обучении.

Что же касается обеспечения кадрами отдаленных районов, то, как представляется, целевое обучение не достаточно эффективно решает данную проблему, поскольку выпускники после окончания обучения далеко не всегда возвращаются в свои регионы. Решение данной проблемы видится в плоскости развития современных образовательных технологий, индивидуализированных образовательных программ, методов дистанционного обучения и прочее, совмещенных с государственной поддержкой привлекательности рабочих мест в наиболее проблемных (с точки зрения обеспечения кадрами) регионах России [28, с. 50–58; 29, с. 161–165; 30, с. 180–188; 31; 32; 33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законов СССР. 1933. № 59. Ст. 356.
2. Сафонов А.А. Плюсы и минусы обязательного государственного распределения выпускников-бюджетников на работу по специальности: дискуссия экспертов // Экономика труда. 2015. Т. 2. № 3. С. 167–182.
3. Собрание постановлений и распоряжений правительства. 1987. № 8.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 39.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 48.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53-1.
7. Приказ Минобрнауки России от 14.10.2015 № 1147 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
8. Средний балл ЕГЭ зачисленных в вузы вырос на 1,6 балла // РИА Новости. URL: ria.ru/society/20170831/1501500662.html. (дата обращения 14.10.2017).
9. Брак по расчету // Эксперт online. URL: expert.ru/siberia/2017/05/brak-po-raschetu. (дата обращения 14.10.2017).
10. Целевая подготовка специалистов ОПК: как повысить эффективность? // Компетенции успеха: центр экономического развития и сертификации – ЦЭРС ИНЭС. URL: profiok.com/about/news/detail.php?ID=3427. (дата обращения 14.10.2017).
11. Решение Кировского районного суда г. Екатеринбург по делу № 2-2441/19 (11) от 6 июля 2011 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
12. Устьянский районный суд Архангельской области по делу № 2-179/2012 от 22 мая 2012 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
13. Апелляционное определение Челябинского областного суда по делу № 11-4094/2014 от 11 апреля 2014 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 11.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 50.
16. Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия по делу №33-1624/2011 от 07 июня 2011 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
17. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Марий Эл по делу № 33-1871/2014 от 6 ноября 2014 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
18. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда по делу № 33-3464/2017 от 4 мая 2017 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
19. Решение Тихорецкого городского суда Краснодарского края по делу № 2-85/12 от 4 апреля 2012 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
20. Решение Няндомского районного суда Архангельской области по делу № 2-277/2011 от 21 октября

- 2011 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
21. Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия по делу №33-1624/2011 от 7 июня 2011 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
 22. Решение Тихорецкого городского суда Краснодарского края по делу № 2-85/12 от 4 апреля 2012 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
 23. Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru. (дата обращения 14.10.2017).
 24. Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-14859/2016 от 7 сентября 2016 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
 25. Апелляционное определение Челябинского областного суда по делу № 11-3128/2017 от 13 марта 2017 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: sudrf.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
 26. Ростовский государственный университет путей сообщения. URL: rgups.ru/. (дата обращения 14.10.2017).
 27. Собрание законодательства РФ. 2013. № 52-II.
 28. Бабич А.В., Шевелева Н.А., Васильев И.А. Академическая мобильность обучающихся: действующее правовое регулирование и практика его применения // Закон. 2016. № 11. С. 50–58.
 29. Шевелева Н.А., Дивеева Н.И., Бабич А.В., Васильев И.А. К вопросу о понятии академической мобильности научно-педагогических работников // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 161–165.
 30. Шевелева Н.А. «Электронные курсы» – новый инструмент образовательных технологий (правовые проблемы использования) // Петербургский юрист. 2016. № 3. С. 180–187.
 31. Грудцына Л.Ю., Дмитриев Ю.А., Дорская А.А. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (поглавный). М.: Юркомпани, 2013. 544 с.
 32. Дорская А.А. Рецензия на монографию Н.М. Ладнушкиной, Д.А. Пашенцева, С.И. Феклина «Образовательное право: вопросы теории и практики» (Рязань: Концепция, 2017. 240 с.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2. С. 113–115.
 33. Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фёклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики. Рязань: Концепция, 2017. 236 с.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF HAVING A SPECIAL PURPOSE TRAINING: ADMISSION, TRAINING ORGANIZATION AND EMPLOYMENT

© 2017

- N.A. Sheveleva**, Head of the Department of State and Administrative Law,
Professor, Professor, Doctor of Legal Sciences
- N.I. Diveeva**, Professor of the Department of Labor Law and Labor Protection,
Associate Professor, Doctor of Laws
- I.A. Vasiliev**, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law,
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences
- A.V. Babich**, deputy on educational and extracurricular issues of the first vice-rector
for academic, extracurricular and teaching-methodical work-
head of the Department for Organization of Admission
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)

Keywords: target training; target reception; organization of training; employment.

Abstract: The society for its survival and forward movement always tries to find ways of interaction in different spheres of life, coordinating the interests of individual social groups. Moreover, the search for ways of such interaction, mechanisms for the coordination of the relevant interests can not be arbitrarily chosen. They are determined by economic, social, political systems, the change of which entails and the transformation of mechanisms (including legal ones) to achieve a public consensus that ensures the sustainability of the development of society. All that has been said also applies to the sphere of vocational education, which, ideally, should satisfy and realize the interests of several subjects: citizens seeking to realize their abilities through education and obtain knowledge and skills that are in demand; Employers wishing to be able to choose competent staff; educational institutions implementing educational programs on certain standards; the state (and in a broader sense of society), which is not only the guarantor and intermediary of obtaining the desired, but also the computational and determining path for its development, the first three subjects, including from the point of view of training professional personnel.

Т.В. Шутимова, старший преподаватель
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: личность преступника; системный подход; хрестоматия о личности преступника.

Аннотация: Изучение личности преступника осуществляется разными науками: криминологией, криминалистикой, юридической психологией, социологией. Для правоприменителя важен системный подход к изучению лица, совершившего преступление, поскольку он помогает раскрыть и расследовать преступление, а затем вынести законное, обоснованное и справедливое судебное решение.

Для обозначения лица, совершившего преступление, в законодательстве и в науке используются такие термины, как субъект преступления, личность преступника, личность обвиняемого, при этом отрицательной оценке подвергаются не все черты виновного в совершении преступления, а лишь те, которые проявились в совершении общественно опасного деяния [1, с. 146].

Признаки, имеющие значение для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности, составляют уголовно-правовое понятие «субъект преступления» (физическое лицо, вменяемость, возраст), а для личности преступника, как пишет С.С. Лоханский, свойственен сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений, нравственный и духовный мир, взятые во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными фактами, лежащими в основе преступного поведения [2, с. 97].

Личность преступника является предметом исследования криминологии, криминалистики, юридической психологии, социологии. Изучение личности преступника в рамках каждой из названных наук позволяет исследователю акцентировать внимание на существенных чертах этой личности, важных с точки зрения предмета этой науки. Для правоприменителя (оперативного сотрудника, следователя, прокурора, судьи) важным становится системный подход к лицу, совершившему преступление.

Для раскрытия и расследования преступления важным является проявление связи между признаками личности преступника и следами, например, на месте совершения преступления, между признаками личности и поведением лица. В научной литературе в настоящее время все чаще используются понятия психологического портрета, психологического профиля, причем для одних авторов эти понятия синонимичны, для других – нет. Полагаем, что Г.Н. Гетьман, исходя из этимологии слов «портрет» и «профиль», верно указывает, что использование первого понятия относится к установленным или известным личностям, а категория «психологический профиль» (или «психологический профиль неизвестного преступника») больше применима к неустановленным лицам, информация о которых может быть получена при осмотре места происшествия, трупа, исследовании способа совершения, способа сокрытия преступления [3, с. 350]. Р.Л. Ахмедшин обосновывает использования данных психологического профиля, как доказательство, как новый вид судебно-психологической экспертизы – судебно-психологической экспертизы по построению психологического профиля неизвестного преступника [4, с. 104–105]. Представляется, что совершенно очевиден ориентирующий характер получаемых таким образом сведений, как сведений поискового вида по установлению признаков лица, совершившего преступление, и его розыску (психологический профиль), и сведений о личности коммуникативного и иного свойства, используемых для проведения оперативно-розыскных и следственных действий.

Актуальность приобретения правоприменителем навыков получения, интерпретации и использования таких

сведений не вызывает сомнения. Криминалистическое мышление, несомненно, будет способствовать овладению такими навыками.

При этом стоит различать действия по выявлению признаков лица, совершившего преступление, и результаты таких действий, непосредственно воспринимаемые субъектом доказывания (например, следователем) и отраженные им в процессуальных документах, и оценку этих результатов, выполняемую другим субъектом доказывания (например, надзирающим прокурором), изучающим только процессуальные документы.

Оценка формализованных нормативных установок уголовно-процессуального закона должна обязательно сочетаться с оценкой прокурором выбранных следователем путей поиска и получения доказательств, качества их фиксации, что означает понимание им идентификационных процессов, механизма следообразования и других положений криминалистики. Яркие примеры цепочек следообразования и интерпретации выявленных следов дает криминалистическая техника, сложнее выглядит цепочка «объект–действие–отражение–выявление следа действия–фиксация–интерпретация» для криминалистической тактики и методики расследования преступлений. Именно поэтому криминалистические характеристики преступлений зачастую содержат признаки личности уголовно-правового и криминологического характера без отражения их криминалистического качества (поисковой и познавательной сущности). Так, например, в отношении банды констатируется ее структура, возраст членов банды, пол, образование, без указания на то, какое поисковое криминалистическое значение имеют эти данные. С.В. Коровин, например, говоря о структуре банды, указывает, что чем больше число участников банды, тем более высокая степень организованности, что вполне объяснимо, поскольку большее число участников усложняет характер взаимосвязей и требует более сложной структуры управления, приводит такие данные: большинство банд (около 60 %) состояло из 3–5 человек, примерно 30 % из 6–9 человек, 8 % – из 10 и более субъектов, 2 % из 2 человек, ссылается на аналогичные результаты исследований И.В. Тишутиной, Л.Г. Ачмиз, Д.А. Бражникова, В.В. Бычкова [5, с. 31]. Но те же самые параметры используют и криминологи, исследуя личность организованного преступника [6, с. 212–307].

В.Г. Лукашевич писал, что, как правило, в основу теоретического анализа групповой преступности ставилась отдельная личность, участник групповой деятельности, хотя преступная группа не представляет собой простое скопление индивидов, совершающих преступления [7, с. 7–11]. В последующем, В.М. Быков обозначил преступную группу как антиобщественное объединение людей на основе совместной деятельности, представляющее собой малую неформальную группу, определенным образом организованную и выступающую как единый особый субъект деятельности [8, с. 16]. «Примеряя» свойства социальных систем (организаций) и принципы организации, к преступным организациям (к коим, с определенными оговорками на ст. 35 УК РФ

можно отнести и банду), Р. Айдинян и Я. Гишинский пришли к закономерному выводу, что «преступные организации суть социальные организации типа трудовых коллективов, характеризующиеся всеми их признаками и свойствами». В частности, ими отмечены атрибутивные свойства (открытость для обмена со средой, целеориентированность, эквивиальность, сверхсуммативность) и принципы: совместимости элементов (профессиональной, психофизиологической, социокультурной, совместимости личных целей с целями организации); целевой и функциональной иерархии («дерево» целей и «дерево» функций); структурной иерархии (горизонтальные и вертикальные структурообразующие связи); прогрессирующей дифференциации функций (функциональной специализации); прогрессирующей интеграции (концентрации); социальной экспансии [9, с. 75, 64–65].

Своеобразный системный подход к личности преступника виден, например, в судебных речах известных юристов прошлого А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако и др. Проблемные аспекты личности преступника, требующие системного и комплексного подхода, можно определить при подготовке и издании общей хрестоматии о личности преступника с исследованиями психолого-криминологического-правового характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тляков Р.М. Общая характеристика личности преступника // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 6. С. 146–149.
2. Лоханский С.С. Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника» // Актуальные вопросы права и государства: материалы XIV Международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: Сибир. ассоц. консультантов, 2012. С. 97–101.
3. Гетьман Г.Н. Психологический профиль: проблемы моделирования личности неизвестного преступника // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 338–347.
4. Ахмедшин Р.Л. О доказательственном статусе заключения о психологическом профиле неизвестного преступника // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 104–105.
5. Коровин С.В. Особенности расследования бандитизма : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 200 с.
6. Личность организованного преступника: криминологическое исследование / под ред. А.И. Долговой. М.: ИНФРА-М, 2013. 368 с.
7. Лукашевич В.Г. Криминалистические аспекты изучения преступных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 25 с.
8. Быков В.М. Проблемы расследования групповых преступлений : автореф. дис. ... д-р юрид. наук. М., 1992. 28 с.
9. Айдинян Р., Гишинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог: сборник статей. М.: Олимп, 1997. С. 60–77.

ABOUT ON THE STUDY OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL

© 2017

T.V. Shutemova, senior lecturer
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: personality of the criminal; systems approach; book on the personality of the criminal

Abstract: The study of the criminal's personality is carried out by different sciences: criminalistics, criminology, legal psychology, sociology. The systems approach to the study of the person who committed the crime is important for a person who applies the law. This approach allows to disclose and investigate a crime and to take a lawful, justified and fair decision.

НАШИ АВТОРЫ

Бабич Александр Вячеславович, заместитель по учебным и внеучебным вопросам первого проректора по учебной, внеучебной и учебно-методической работе – начальник Управления по организации приема.
Адрес: Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
Тел.: 8 812 329-28-40
E-mail: gos_pravo@jurfak.spb.ru

Бочкарев Сергей Вадимович, кандидат юридических наук доцент кафедры международного права.
Адрес: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки д. 48.
Тел.: 8 921 998-54-10
E-mail: pkb-spб@yandex.ru

Буторин Леонид Александрович, кандидат юридических наук, доцент.
Адрес: Российский университет кооперации, 141014, Россия, Мытищи, ул. В. Волошиной, 12/30.
E-mail: Leobutorin2015@gmail.com

Васильев Илья Александрович, доцент кафедры теории и истории государства и права, доцент, кандидат юридических наук.
Адрес: Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
Тел.: 8 812 329-28-35
E-mail: theory@jurfak.spb.ru

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская 14.
Тел.: 8 909 365-30-92
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Джалилова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Дивеева Нелли Ивановна, профессор кафедры трудового права и охраны труда, доцент, доктор юридических наук.
Адрес: Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
Тел.: 8 812 329-28-32
E-mail: tr_pravo@jurfak.spb.ru

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе.
Адрес: Самарская гуманитарная академия, 443011, Россия, г. Самара, ул. 8-я Радиальная, 2.
E-mail: dvk159@mail.ru

Ельчанинова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры «Теория и история государства и права».
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, Самара, ул. Рыльская, 24в.
E-mail: olga220169_69@mail.ru

Иванников Андрей Иванович, аспирант.
Адрес: Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
E-mail: ivannikov9393@mail.ru

Иванников Иван Андреевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права.
Адрес: Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
E-mail: Weide02@gmail.com

Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент.
Адрес: Поволжский государственный университет сервиса, 445017, Россия, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4.
E-mail: ale_iv@ro.ru

Логинов Кирилл Сергеевич, магистрант.
Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: lokis201@rambler.ru

Лукомская Анастасия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности.

Адрес: Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

E-mail: nastasia5555@mail.ru

Макарова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры Теории и истории государства и права.

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.

Тел.: (8846) 205-67-28

E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Матчанова Зоя Шарифовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права.

Адрес: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48.

Тел.: 8 960 277-03-54

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор.

Адрес: ГО ВПО «Донбасская юридическая академия», 83049, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, 9.

E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Немова Елена Николаевна, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14

E-mail: nemova0303@yandex.ru

Сидорова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры публичного права.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Сов. Армии, 141.

E-mail: An.sido@bk.ru

Скоморохов Владислав Петрович, магистрант кафедры конституционного и административного права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти,

ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: skomorokhov.vladislav@mail.ru

Смирнова Елена Игоревна, юрист.

Адрес: ООО «ТЕХНО ЛЕКС», 445010, Россия, г. Тольятти, ул. Жилина, 13, ком. 10.

Тел.: 8 927 216-55-03

E-mail: alyon2102@yandex.ru

Солостовская Яна Владимировна, аспирант кафедры «Конституционное право».

Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, 1.

E-mail: solostovskaya@yandex.ru

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тел.: (846) 337-99-39

E-mail: smy@samaradom.ru

Тараканова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права.

Адрес: Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 430027, Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, д. 17.

E-mail: ngtarakanova@mail.ru

Федорова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Федосеев Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Теории и истории государства и права

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в

Тел.: (8846) 205-67-28

E-mail: fedoseev-vi@mail.ru

Шарафутдинов Ильдар Ринатович, магистрант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская 14.

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Шевелева Наталья Александровна, заведующая кафедрой государственного и административного права, профессор, профессор, доктор юридических наук
Адрес: Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
Тел.: 8 812 329-28-40
E-mail: gos_pravo@jurfak.spb.ru

Шестов Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент.
Адрес: Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополь, 299011, Россия, г. Севастополь, ул. Балаклавская, 11.
E-mail: shestoff.sergej@yandex.ru

Шутемова Тамара Васильевна, старший преподаватель.
Адрес: Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: shutemtv2015@rambler.ru

Ямбушев Фаиль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета.
Адрес: Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 430027, Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, д. 17.
E-mail: yfs76@list.ru

OUR AUTORS

Babich Alexander Vyacheslavovich, Deputy for academic and extracurricular Affairs of the first Vice-rector for academic, extracurricular and educational work—the head of Department on organization of reception.

Address: Saint-Petersburg state University, 199034, Russia, Saint-Petersburg, University embankment, 7/9.

Tel.: 8 812 329-28-40

E-mail: gos_pravo@jurfak.spb.ru

Bochkarev Sergei Vadimovich, PhD (Candidate of Law Sciences), Associate Professor of International Law.

Address: Herzen State Pedagogical University of Russia, 191186, Russia, St. Petersburg, Moika River 48.

Tel.: 8 921 998-54-10

E-mail: pkb-spb@yandex.ru

Butorin Leonid Aleksandrovich, candidate of legal Sciences, associate Professor.

Address: Russian University of Cooperation, 141014, Russia, Moscow region, Mytishchi, V.Voloshinoy Street, 12/13.

E-mail: Leobutorin2015@gmail.com

Diveeva Nelly Ivanovna, Professor of labour law and labour protection, Professor, doctor of legal Sciences.

Address: Saint-Petersburg state University, 199034, Russia, Saint-Petersburg, University embankment, 7/9.

Tel: 8 812 329-28-32

E-mail: tr_pravo@jurfak.spb.ru

Duyunov Vladimir Kuzmich, doctor of legal Sciences, Professor, Vice-rector for research.

Address: Samara Academy of Humanities, 443011, Russia, Samara, 8 Radialnaya Street, 2.

E-mail: dvk159@mail.ru

Dzhalilov Elvis Alimovich, candidate of law sciences, associate professor of “Civil law and process”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Dzhalilova Elena Anatolievna, candidate of law sciences, associate professor of “Civil law and process”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Elchaninova Olga Yurievna, candidat of History, associate Professor, head of “Theory and History of State and Law”.

Address: Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24V.

E-mail: olga220169_69@mail.ru

Fedorova Anna Nikolaevna, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department “Civil law and process”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Fedoseev Vladimir Ivanovich, Ph.D. in historical sciences, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of Russia.

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, 443022, Russia, Samara, Rilyskaya Street, 24 v.

Tel.: (8846) 205-67-28

E-mail: fedoseev-vi@mail.ru

Ivannikov Andrey Ivanovich, postgraduate student.

Address: Southern Federal University, 344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya Street, 105/42.

E-mail: ivannikov9393@mail.ru

Ivannikov Ivan Andreevich, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law.

Address: Southern Federal University, 344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya Street, 105/42.

E-mail: Weide02@gmail.com

Ivanov Alexander Alexandrovich, associate Professor, Candidate of Legal Sciences.

Address: Volga Region State University of service, 445017, Russia, Togliatti, Gagarin Street, 4.

E-mail: ale_iv@ro.ru

Loginov Kirill Sergeevich, graduate student.

Address: Samara State Economic University, 443090, Russia, Samara, Sovetskoy Armii Street, 141.

E-mail: lokis201@rambler.ru

Lukomskaya Anastasiya Sergeevna, candidate of legal Sciences, associate Professor, Department of criminal procedure and law enforcement.

Address: Udmurt State University, 426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya Street, 1.

E-mail: nastasia5555@mail.ru

Makarova Natalya Alekseevna, candidate of juridical sciences, senior lecturers of the cathedra of Theory and History of State and Law.

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, 443022, Russia, Samara, Rilyskaya Street, 24v.

Tel.: (8846) 205-67-28

E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Matchanova Zoya Sharifovna, candidate of law Sciences, senior lecturer of international law.

Address: The Herzen State Pedagogical University of Russia, 191186, Russia, Saint-Petersburg, emb. Moyka, 48.

Tel.: 8 960 277-03-54

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Moiseev Aleksandr Mikhailovich, Doctor of Juridical Science, Professor.

Address: Donbass Law Academy, 83049, DPR, Donetsk, Lebedinskogo Street, 9.

E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Nemova Elena Nikolaevna, lecturer of Chair "Theory and history of state and law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14

E-mail: nemova0303@yandex.ru

Sharafutdinov Ildar Rinatovich, graduate.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belarusian Street, 14.

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Shestov Sergey Nikolayevich, Candidate of Economic Science, Associate Professor

Address: Institute of Economics and Law (branch) of Academy of Labour and Social Relations in Sevastopol, 299011, Russia, Sevastopol, Balaklavskaya Street, 11.

E-mail: shestoff.sergej@yandex.ru

Sheveleva Natalia Aleksandrovna, head of the Department of state and administrative law, Professor, Professor, doctor of legal Sciences.

Address: Saint-Petersburg State University, 199034, Russia, Saint-Petersburg, University embankment, 7/9.

Tel.: 8 812 329-28-40

E-mail: gos_pravo@jurfak.spb.ru

Shutemova Tamara Vasilievna, Senior lecturer.

Address: Samara State University of Economics, Russia, Samara, Sovetskoy Armii Street, 141.

E-mail: shutemtv2015@rambler.ru

Sidorova Anna Viktorovna, senior lecturer in public law.

Address: Samara State Economic University, 443090, Russia, Samara, Sov. Armii Street, 141.

E-mail: An.sido@bk.ru

Skomorokhov Vladislav Petrovich, graduate student of "Constitutional and Administrative Law" Department.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: (8482) 53-94-17

E-mail: skomorokhov.vladislav@mail.ru

Smirnova Elena Igorevna, lawyer.

Address: LLC "TECHNO LEX", 445010, Russia, Togliatti, Zhilin Street, 13, room 10.

Tel.: 8 927 216-55-03

E-mail: alyon2102@yandex.ru

Solostovskaya Yana Vladimirovna, postgraduate student, Department of constitutional law.

Address: Saratov State Law Academy, 410056, Russia, Saratov, Volskaya Street, 1.

E-mail: solostovskaya@yandex.ru

Spirin Mikhail Yurievich, candidate of juridical sciences (PhD), associate professor of department of theory and history of state and law and international law.

Address: Samara National Research University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoe shosse. 34.

Tel.: (846) 337-99-39

E-mail: smy@samaradom.ru

Tarakanova Natalia Gennadievna, Candidate of History, Associate Professor, Head of the theory and history of the state and law department.

Address: Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, 430027, Russia, Saransk, Transportnaya Street, 17.

E-mail: ngtarakanova@mail.ru

Vasilyev Ilya Aleksandrovich, associate Professor of the Department of theory and history of state and law, associate Professor, candidate of legal Sciences.

Address: Saint-Petersburg state University, 199034, Russia, Saint-Petersburg, University embankment, 7/9.

Tel: 8 812 329-28-35

E-mail: theory@jurfak.spb.ru

Vorobyova Olga Aleksandrovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Business and employment law.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belarusian Street, 14.

Tel.: 8 909 365-30-92

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Yambushev Fail Shamilyevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Law Faculty.

Address: Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, 430027, Russia, Saransk, Transportnaya Street, 17.

E-mail: yfs76@list.ru